

Елиза К

Почему
немецкий
муж

Непридуманная история

гуру

Elizia K.

Почему немецкий муж
Непридуманная история

«Почему немецкий муж» — повесть в дневниковых записях, полностью основанная на реальных событиях.

В стране отгрохотала Перестройка. У девочки из российской глубинки, выросшей в семье партийного работника, никаких жизненных ориентиров, кроме того, как уехать из злополучной России в процветающую Германию. К тому же, девочка не отличается трудолюбием, но, когда это мешало мечтать о принцах? Воля случая или циничный расчет, — и в жизни героини появляются и заграничный принц, и замок, и настоящий бал. Современная Скарлет О'Хара — ее капризы важнее чувств других.

Русский пианист и русский Берлин — свои или чужие, сытая определенность или увлекательная жизнь без завтрашнего дня... Что скрывается за благополучием? Возможно ли счастье при неразделенной любви?

Кто такие эти немцы? Человекоподобные машины со знаком качества или наивные дети, не знакомые с коварством?

Еще одна история эмиграции — не придуманная, и потому вызывающая искренние чувства от эмпатии до злости. Попытка героини разобраться в себе и попросить прощения.

ISBN 978-3-9822621-1-6

© Эляна Энгельхардт

© em concept Evgenia Motz, *дизайн обложки*

© Издательство гУрУ

Берлин 2020

Свою первую книгу я посвящаю моему лучшему другу, Саше К. Сашка, я это сделала! Ты придумал мне это имя, всю жизнь был рядом, почему-то верил, что я какая-то особенная и, самое главное, смешил и учил легкости. В моих рассказах, ты Женька Ковригин — вечный балагур с мятущейся душой. Пускай туда, где ты сейчас, в миллионный раз дойдет моя благодарность и любовь, о которой в нашей, казавшейся бесконечной истории, я забывала тебе говорить.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	6
Глава 1. Детство с запахом ванили	8
Глава 2. Обмен опытом	10
Глава 3. Знакомство	14
Глава 4. Калина	17
Глава 5. Самое большое зеркало	20
Глава 6. Я — Королева!	22
Глава 7. Нерв	25
Глава 8. Франк	28
Глава 9. Париж	30
Глава 10. Я вернусь	32
Глава 11. Новая жизнь	35
Глава 12. Похмельный синдром	39
Глава 13. Я — невеста	42
Глава 14. Первая ссора	45
Глава 15. Трудности немецкого	49
Глава 16. Алина	52
Глава 17. Валькирии на старте	62
Глава 18. Кумпель ищет жениха	69
Глава 19. Элвис Пресли угощает сангрией	75
Глава 20. Алина — соблазнительница	79
Глава 21. День во сне	84
Глава 22. Игорь	89
Глава 23. Русский Берлин	92
Глава 24. Крокусы	97
Глава 25. Мужская солидарность	101
Глава 26. Тайное и явное	104
Глава 27. Я подумаю об этом завтра	108
Глава 28 7 Свадьбы не будет	111
Глава 29. По-другому быть не может	114
Глава 30. Из куриного теста	117
Глава 31. Горько! Горько!	120

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда речь заходит о Германии и моих трех мужьях, я загадочно улыбаюсь. Незыблемое — „Три богатыря“, „Бог троицу любит“ или три жениха из сказки, что добивались расположения юной капризницы, — все это про меня. Все версии имеют право на существование... А еще сплетни хороши тем, что всегда что-то новое про себя узнаешь и примеряешь, как платье. А почему бы и нет? Не все наряды мне нравятся: некоторые просто не подходят по фигуре, неудачно скроены и далеко не всегда заявляют о хорошем вкусе. Я устала мерить и перемешала все краски, стили и направления и создала новый образ — это я и не я.

Это моя история, которую я рассказываю с колокольни лет, с поправкой на переоценку многих событий. Скорее всего, это способ попросить прощения. Все, что мне могут сказать в осуждение, никогда не сравнится с тем, что любой из нас видит во внутреннем зеркале. Самое сложное в любой ситуации — это простить себя.

Уехать из России я хотела с детства. О том, что для этого придется менять мужей, паспорта, научиться быть разной — артисткой, аферисткой, эквилибристкой, жестокой и несчастной, — я не знала. Не могла знать. Удивляюсь, что такая простая идея, как много учиться, стать отличным специалистом с владением иностранным языком, а потом пробовать свои силы за рубежом, в голову мне просто не приходила.

Кто-то выбирает свой путь, рассчитывая на свои силы, труд и волю. Видимо, я всегда подсудно понимала, что решать проблемы можно самому, а можно переложить их на чьи-то плечи. Конечно же, на мужские плечи. Очень рано, уже на первых курсах университета, я вывела для себя нехитрую жизненную философию, основанную на примерах из книг и собственных эмпирических наблюдениях: ни один мужчина не останется с тобой, если ты лучше всех печешь пирожки и гладишь брюки. Не останется! А если останется, то это такой мужчина, который искал и нашел в тебе маму. Потом, когда встретит любовь, он от мамы сбежит. Сбежит в голод, в хаос, в унижение, в самоуничтожение, но сбежит!

Мужчина не ищет еду и комфортный диван. Мужчина жаждет завоеваний, бури и страстей, даже если уже лежит на этом диване и дует на еще не зажившие ранки.

Философия работала практически бесперебойно. Конечно, за исключением тех случаев, когда влюбляться умудрялась я сама. Тогда вся мудрость веков и понимание ситуации летят ко всем чертям.

Любовь не помогает жить — любовь учит страдать, писать стихи, мечтать, становиться другой. А мне всегда не хватало усидчивости. Парочка равнодушных мачо, однажды разбив-

ших сердце, научили жить в удовольствие и не заморачиваться условностями. Психологическая травма с осложнениями, скажете вы? Очень может быть!

Меня устраивали отношения без лишних подробностей и скучных разговоров. Короткие любовные приключения — пока живы бабочки в животе и в голове джаз. Лишь некоторые интрижки могли перерасти в роман. Очень некоторые. А зачем?

Замуж я тоже никогда не хотела. Я не представляла себе жизни За Мужем. Как можно найти Того Самого, если ты ещё толком не знаешь себя? Кругом столько интересного, а быть привязанной к человеку, к которому я потеряю интерес, да и он ко мне, скорее всего, сразу после свадьбы? А эти самые рефлексии на тему свадьбы, выбора платья, пьяное застолье с чужими людьми — я не понимала, как люди могут всерьез о таком мечтать?

С годами росла уверенность, что выйду замуж тогда, когда вид пупсов в колясках перестанет наводить ужас, а их сюсюкающие мамыши — вызывать раздражение. Когда родительский инстинкт скажет „стоп!“ большому сексу и фристайлу в любви. За время, проведенное в свободном полете, я немного научусь жизни и сделаю выводы о типаже мужчины, с которым не будет скучно всю оставшуюся жизнь. Я так думала и была уверена, что выйду замуж в зрелом возрасте за того самого необыкновенного друга-любовника-самого-самого-самого.

Итак, почему немецкий муж...

Глава 1

Детство с запахом ванили

Началось все, как всегда, с детства.

В школе, по телевизору — нас кругом учили любить Родину. У меня как-то не получалось. Я не любила. Не потому, что в сопливом возрасте начала понимать что-то. Нет.

Диссидентствовать меня научила мама. Мама привозила из поездок в Германию настроение. Вместе с настроением в отдельно взятой советской квартире появились другие цвета и запахи, качественные вещи. Свои 5 лет я отмечала в Берлине. Нет, конечно, не тогда я все для себя решила. Но тогда запомнила и очень удивилась, вернувшись домой: куда же пропал праздник размером с целый мир? Где смеющиеся на улицах люди? Почему больше нет этих огней и красок? Где аромат ванильного пудинга на завтрак?

Запах ванили запомнился на годы и до сих пор ассоциируется с обещанием еле уловимого радостного ожидания.

У папы были возможности, а у мамы — желание менять окружающее пространство. Мама украшала квартиру, ставила яркие пивные банки поверх кухонных шкафов. Папа вздыхал. Мама одевала меня и брата в „импорт“. Во дворе нас дразнили и завидовали. В школе учительница отправляла переодеваться: „У советской школьницы не должны быть синие колготки“. Мама активно переписывалась с немецкой подругой, уезжала в гости и каждый раз возвращалась отчаянной, с горящими глазами говорила-заклинала: „Ты вырастешь и уедешь отсюда! У тебя будет другая жизнь!“

Из всех заповедей и маминых нравоучений детства одно я запомнила особенно хорошо: „Учи иностранный язык!“ Я и учила, благо, это единственное, что давалось без труда. „Они знают английский лучше всех!“ — на доске почета в школе фотография вымученно улыбающейся девочки в белых бантах с букетом гладиолусов.

Университет, факультет иностранных языков. Сложившееся мнение о жизни, смутные представления о будущем. Незыблемое — я уеду отсюда. Я точно знаю, что уеду.

Студенчество казалось временем „понарошку“. Я не помню, когда я училась и училась ли вообще. Какие-то семестры, экзамены...

Гораздо интересней было узнать себя и механизм человеческих отношений — время бесконечных проб и ошибок, влюбленностей. Время, когда уже, кажется, научился разбираться в людях — появились настоящие друзья и враги и вот-вот начнется новая „большая жизнь“. В новой жизни я не буду терять времени и обязательно найду возможность воплотить мою мечту и уехать отсюда. Я что-нибудь придумаю! Должно что-то произойти! Все „любви“ и сердечные признания казались тоже временными, ненастоящими, на пока...

Я была обязана пройти практику на последнем курсе универа. Может быть, школа оказалась элитная и дети слишком избалованные? В любом случае этим поставила жирный крест

на профессии преподавателя английского и литературы. Работать в школе я бы не смогла из-за непереносимости непослушных крикливых детей и их скандальных родителей с завышенными представлениями о своих бестолковых отпрысках.

Дни шли, ничего не менялось. На предложение пойти работать я сначала обиделась, а потом позволила папе распорядиться моим трудоустройством. Все вокруг уже устроились на какие-то ставки, позиции и „замечательные места“. Я подумала, что не помешает сходить, 9 посмотреть, что там на этой работе. Опять несерьезно, опять не взаправду. Все это временно.

Папа легко договорился с кем-то в верхах. С коммунистической партией к тому времени уже было покончено, но связи и люди на местах остались. Бывшая комсомольская организация быстро подсуетилась и сменила табличку на Молодежный союз Башкортостана. Молодежными союзами руководили сверху те же люди, что когда-то возглавляли парторганизацию.

Председатель Союза в свои 35 казался бесконечно взрослым. На звонок с „просьбой“ взять на работу сотрудницу „двадцати прекрасных лет“ без опыта и без знаний на должность „какого-нибудь начальника“ Председатель сперва рассвирепел, а потом загрустил. Но, успев стать комсомольским лидером еще в те времена, он умел решать любые сумасбродные задачи. Через два дня Председатель придумал для меня должность: „Начальник международного отдела. Образование за рубежом“ — красовалась табличка на двери моего кабинета. Я села за большой стол у окна в чудесный сад и подумала, что работать мне уже нравится.

Глава 2

Обмен опытом

Начало.

Год 1998.

Я работала уже полгода. Немцы, как всегда, пришли неожиданно. Как Председателю удалось привлечь в наш Союз ведущий немецкий Фонд поддержки молодых лидеров, останется загадкой. По результатам республиканского конкурса в Берлин могут поехать 10 человек: победители научных конференций, лидеры молодежного движения, т.е. лучшие из лучших. Цель поездки — обмен опытом с активной молодежью Германии. Целая неделя в Берлине!

Узнав о предстоящей поездке, я ввалилась в кабинет Председателя, забыв постучать, спросить разрешения, написать завещание.

— Я должна поехать в составе группы!

Недоуменный взгляд из-под густых бровей.

— Я должна, слышите. Я должна поехать в Германию в составе этой делегации!

Председатель поднимается из-за стола, опираясь двумя руками в разбросанные по столу бумаги.

Руководитель Союза прославился вспыльчивым нравом, заплаканными секретаршами, а ответственная по воспитательной работе с молодежью Любочка впадала в предобморочное состояние от одного только его имени. Любому внезапному увольнению, больше похожему на бегство, предшествовал такой крик из кабинета Председателя, что девочки покрывалась пятнами, а парни быстро находили дела за пределами стен Союза. Каждая оперативка — это всхлипы, стоны, дрожащие губы, пропитанные липким ужасом подмышки.

— Ты? Почему ты? С какой стати? Как я должен буду объяснять это другим? У нас полно давно работающих заслуженных работников! — каждое последующее слово на более высоких тонах.

По заходившей на шее вене, по снятым резким движением очкам стало ясно, что сейчас грянет. Гром и молнии, пепел на мою голову, или это моя голова полетит с плеч?

— Я знаю два языка. Я могу переводить. Без меня они не смогут даже дорогу найти.

Аргументы закончились. Остались красные щеки, подкашивающиеся коленки и одна мысль: „Если я сейчас отсюда выйду, то второго такого шанса уже не будет“.

— Я руководитель международного отдела. Вы же сами меня назначили! Кто же, если не я? Разве этого недостаточно? Ну, ну пожалуйста, МНЕ ОЧЕНЬ НАДО. Как же вы не понимаете? Может быть, у человека судьба решается...

Председатель не спеша погрузился в свое любимое громоздкое кресло:

— Уже отдали документы на оформление загранпаспортов. Ты не успеешь.

— У меня есть загранпаспорт. Я принесу.

Председатель не успел ничего сказать, потому что я уже убежала из кабинета и, не закрыв за собой дверь, крикнула из проходной:

— Буду через 20 минут.

Кто из победителей научного конкурса в тот раз не поехал в Берлин, я никогда не узнаю. Мучает ли меня из-за этого совесть? Честно? Нет. Не мучает.

Группа счастливцев отбывает в Германию. Пять девушек и пять парней — с чемоданами и почему-то рюкзаками из турпохода. Некоторые родители обнимают и плачут.

— На фронт же, к немцам провожают — заплачешь тут, — слышу от одного паренька почему-то без родственников. Ухмыляюсь его шутке.

— А ты почему один?

— Да не успеют за неделю соскучиться. Я дома попрощался. Меня зовут Серега.

— Привет, Серега.

Ко мне подходит руководитель нашего отряда — Володя, как из книжки про пионеров-героев. Скромный и симпатичный. На лацканах пиджака значок Союза молодежи. У нас, оказывается, есть свой значок?

Руководитель группы обращается ко мне с уважением, а я усиленно притворяюсь светской львицей — бывалой, выдавшей виды и уже немного подуставшей. Шальная от собственной наглости и предчувствия попутного ветра в судьбе, я уже оседлала ощущение больших перемен.

Говорю руководителю: „Эх, Володя! Ну и натворим мы там дел!“ Володя отшатывается от меня: „Ты о чем? Каких дел? Мне поручено не подвести. Нам доверили — это большая честь. Мы — лицо башкирской молодежи. Ты понимаешь всю важность?“

Я смеюсь и киваю головой: „Не переживай! Все сделаем в лучшем виде! Мы — лицо башкирской молодежи...“

Если бы я повторила эту фразу еще раз, то не удержалась бы от гомерического хохота. Володя смотрит на меня с опаской и отходит руководить очередью из отличников и активистов на регистрацию рейса из Уфы. Серега вторит: „Не посрамим лицо молодежи Башкортостана!“ — и изображает дробь палочками по барабану. Мы отдаем друг другу пионерский салют и идем в общую очередь на Check-in.

Активисты из Башкирии еще не были в Москве. Руководитель Володя уже был — по заданию Союза на курсах молодых руководителей. Он знает Москву по карте Метрополитена и немного гордится

этим. От Москвы, шума и света большого города нам всем немного не по себе. Город поглощает, выматывает с первых секунд. Никогдане понимала стремления жить в этом хаотичном мегаполисе. От толп и чужой энергетики теряются силы и забываются цели — в Москве у меня, как у любого приезжего, всегда, сколько себя помню, главная задача добраться из точки А в точку Б. Уже не знаю, зачем — просто добраться.

По дороге из Уфы из одной группы в 10 человек получилось несколько маленьких подгрупп. К нам с Серегой примкнул вдумчивый Антон и милые, спокойные с виду Алла и Гузель. Алла —

все время с томиком стихов в руках, Гузель — в наушниках. Судя по вдумчивым кивкам, играет классика.

Летим в Берлин авиакомпанией Lufthansa. Территория страны распространяется и на самолеты. После перелета из Уфы в Москву разница чувствуется. Что это было? Кукурузник? На иллюминаторах занавески в цветочек, в салоне зеленая ковровая дорожка, может быть, ее подметали перед взлетом эти домашние румяные стюардессы. „Чаю будете?“ Пассажиры — в основном, какие-то мужчины с прижатыми к груди портфелями. Из портфеля же кто-то наливает „коньяк“. У Lufthansa же все, начиная от самолета с желтой птицей на синем хвосте, заканчивая лицами и улыбками пассажиров, — все какие-то „заграничные“ по виду и даже по запаху. Стюардессы улыбаются профессионально, с каким-то чувством собственного достоинства. Может быть, это называется чинностью? Чинный самолет и чинный персонал. А мы бесчинствуем! Бесплатный алкоголь в маленьких бутылках. Для немецких бесстрастных стюардесс группа активистов из Башкирии — тяжелое испытание: „Точно можно еще бутылочку вина? А еще одну? А тогда еще две для нее и для него“. Совсем совестливые активисты предпочли сразу заснуть, видимо, чтобы не подвести молодежь Башкортостана. Пустые бутылки стали составлять к спящим на откидные столики. Сразу видно, кто больше всех выпил. „Ай-яй-яй, что же вы это так, не рассчитали“, — качает головой Серега. Мы хохочем на весь самолет.

— А можно еще одну бутылочку?

— Красного или белого?

— И красного, и белого. А можно сразу две? А вот для них еще и для нас еще, ну, чтобы вас больше не гонять.

Я зачем-то перевожу, хотя стюардессы уже давно понимают по поднятым вверх пальцам и с застывшей улыбкой чинно приносят заказы. Руководитель Володя сидит бордового цвета и умоляет нас больше не заказывать, машет руками за спинами стюардесс и грозит позором перед всей Германией. Устав бороться, он заказывает баночку пива и потом еще одну.

В аэропорту нас встречает мужчина с табличкой нашего Союза. Он в костюме-тройке с белым платочком в нагрудном кармашке. Оказалось, это водитель нашего экскурсионного автобуса. От водителя мы почти протрезвели, а я сказала на хорошем немецком заранее выученную фразу: „Я рада, что мы приехали в столицу Германии. Это моя мечта!“ И спросила уже на английском: „Где здесь можно курить?“

В гостинице в самом центре Западного Берлина мы, научившись у стюардессы из Lufthansa, пытаюсь сохранить достоинство, приходили в себя от свалившейся на нас небывалой роскоши.

„Офигеть!“ — прокомментировал Серега. — Каждому свой номер с душем, телевизором и двуспальной кроватью“.

„Может, еще кого-то поделят?“ — неуверенно предположила Алла. — „Тогда я к тебе, Гуля, ладно?“

„А у меня в номере мини-бар с виски и мартини“, — сказал Антон и почему-то вздохнул.

Берлин. Технический университет.

За одну неделю мы должны обменяться опытом! Наши визави — ведущая студенческая политорганизация Германии. Ни одной девушки, лишь двенадцать симпатичных парней. Да уж, явно стыдно было бы уезжать без определенного Опыта!

Первая встреча делегаций за длинными столами напротив друг друга. Немцы на правах хозяев рассказывают первыми о своей работе и жизненных ориентирах. Мы с Аллой и Гулей

в рамках негласного конкурса красоты ставим баллы от 1 до 10 каждому из присутствующих. Хихикаем и краснеем, когда на нас пристально смотрят конкурсанты, особенно когда те, что получили 10 из 10 баллов. Меньше 9 никто не получил.

На всех официальных встречах нас сопровождал грустный профессионал, синхронно бубнивший перевод из усов в микрофон. Видимо, посвятить свой рабочий день молодежи из Уфы не было звездным часом его карьеры. В первый же вечер, как только синхронист уехал отдыхать языком после окончания трудового будня, я переняла его функции.

Опыт переводческой деятельности у меня был. При правильной подаче материала все переговоры в Уфе плавно переходили в модные рестораны, на балетные премьеры или выставки известных художников. На одного иностранца охотились все годы и выпуски иняза. Конкуренция бешеная, зарплата — мизерная. Иностранцы, полюбившие водку уже у трапа самолета, испорченные ею и почтением, быстро забывали родной язык, превращались в местную знаменитость, теряли связь с реальностью и каждый вечер признавались в любви очередной миловидной девушке. Миловидные девушки охотно принимали ухаживания и все еще больше запутывали. Один итальянец предлагал жениться на одну ночь и чувственно исполнял арию „О соли мио“. В городе песня стала очень популярной. Старый француз с носом, отдыхающим на верхней губе, обещал подарить в свой следующий приезд духи от Dior. Пока в качестве аванса и гаранта даме полагался бесплатный пробник. Говорили, что из-за этого пробника многие красавицы считали француза Аленом Делоном и паковали чемоданы в Париж.

Кто бы мог подумать, что первый день моего „трудового опыта“ фрилансером-переводчиком в Берлине закончится знакомством с будущим мужем, фиаско с любовником и сильнейшим похмельем на утро.

Глава 3

Знакомство

К полуночи из желающих общаться остались только адекватные люди. Как говорит одна подруга: „Людына, шо нэ пье, либо хвора,

либо падлюка“. Слова украинские, подруга еврейская, истина международная. Не хворые подлюки из нашей делегации еле дождалась официального конца банкета и разбежались по магазинам. „И так времени мало“..., — сказали они в оправдание своей жажды консюмеризма. Половина немцев ушла из-за неспособности меня-переводчика, синхронно переводить сразу за всеми столиками. Те, что сидели с людьми на старте за покупками, приуныли после перевода вопроса: „А где тут поблизости большой магазин?“ Какое-то время немцы, склонные к точности и графикам, рисовали схематичный план, как дойти до ближайшего магазина. Изрисовали дорожными знаками со стрелками все салфетки и подставки под бутылки, а потом извинились и, сославшись на неотложные дела, ушли.

Кроме меня за столом остались мои любимые активисты из Башкирии и шесть немцев. После пятого пива и графина вина активисты выглядели, как все интеллигентные люди в рюмочной. Глаза блестят, речь убедительна и нечленораздельна. В словах много смысла. „А мы сейчас к нам в гостиницу пойдём вас учить водку пить!“ — заявил Антон и сделал жест рукой, отвергающий любые дискуссии по вопросу. Мои активисты оказались весьма предусмотрительными и привезли из России чемодан водки и много солёных огурцов. „Немцам дарить“, — скромно признались они. Сказали, что у руководителя группы водки ещё больше, но он её прячет „для особого случая“. Наш „особый случай“ уже наступил.

Я не настолько люблю водку, но понимала, что для обмена опытом придется. Победительницы конкурса научных работ Алла и Гуля с интересом выслушали мою теорию „попробовать надо все, а немцы — экземпляр редкий“. Высокоинтеллектуальные сообщницы сказали, что лучше всего подойдет древнеримский принцип „разделяй и властвуй“. Их надо напоить и развести по номерам. Там уже куда денутся... А я сделала для себя вывод: победители конкурса научных работ, активисты и отличники — передовые люди! Я, видимо, отстала не только в учебе.

Мне понравился Франк. Высокий шатен с голубыми глазами. Каждый раз, когда мы встречались глазами, он трогательно краснел. Я поднимала левую бровь и чокалась с ним в воздухе бокалом. Франк честно пил до дна. Все шло по плану. Все и шло бы по плану, если бы не одна деталь. Деталь называлась председатель Молодежной организации Германии. То есть принимающая сторона. Вначале я думала, что председателям так положено — всегда стараться сидеть рядом с переводчиком и без усталости говорить о возможностях дальнейшего сотрудничества, о сложных и радостных буднях молодежного коллектива, подготовке к следующему митингу и...

„Мама!!! я не хочу больше! Надоел мне этот председатель, и я уже жалела, что так рано отпустили усталого усатого переводчика. Связь глазами и бокалами с Франком постоянно пре-

рывалась на перевод фраз „А мы дойдем до министра и потребуем...“ Мои активисты и немцы из организации легко велись на политические темы и начинали с жаром поддакивать и обсуждать коллизии в общественной деятельности молодежного коллектива. Я пыталась сменить тему: „А как обустроен досуг молодежи?“ Мои активисты зачем-то опять встревали: „Вот мы в Башкирии проводим КВНы и викторины...“ Короче, без водки и огурцов не обойтись было.

Когда Антон предложил идти в отель, немцы сразу согласились. „Мы вам сейчас будем русский сувенир дарить и сразу его выпьем“, — пояснил Серега без обиняков.

Немцы любят подарки, а еще больше любят пить водку за чужой счет. Водка для них напиток скорее экзотический. В каждой семье существует своя традиция распития напитка: кто-то делает коктейль „2 капли водки на стакан сока“, другой пьет теплую и маленькими глотками, причмокивая от удовольствия, кто-то бережет подарок из России в баре и показывает друзьям, как реликвию. Часто водку пьют самые-самые немецкие мачо — в конце сильной попойки кто-то скажет: „А может, кто водку будет?“ Несколько отчаянных смельчаков выпивают по глотку под дружные аплодисменты. Потом рассказывают потомкам, что на той вечеринке „водку хлестали“.

В те далекие дни ничего такого про немцев мы не знали. Слышали, что вроде водку любят в подарок. Главный хайлайт — соленые огурцы. Кстати, про водку и огурцы до сих пор мало кто в курсе.

В номере у Сереги сразу стало тесно и жарко. Открыли окна, я села на подоконник. Стратегически выгодное место: сразу всех видишь. Председатель, видимо, тоже так решил и попросил меня подвинуться. Робко сел рядом и сложил руки на коленках. Теплый летний вечер, перешедший в душную ночь. По спине сползали струйки пота от водки, от слишком тесного соседства, от взгляда на мокрого, разгорячено кусающего огурец Франка. Он нравился мне все больше и больше. Я уже подумывала, не сменить ли дислокацию поближе к нему. Он сидел на кровати с Серегой и двумя другими немцами. Втиснуться незамеченной не получилось бы. Я еще могла думать о приличиях.

Тем временем председатель опять завел свою песню. Уже не так убедительно и даже как-то грустно: „А еще мы организуем поездки...“ В этот момент я посмотрела на него и сказала: „Сними очки, мне не видно твоих глаз!“ Председатель снял очки и посмотрел на меня — как все очкарики в мире, настолько беспомощно и обескураживающе глупо, что я не удержалась и пожалела: „Вот видишь, у тебя такие красивые голубые глаза, такая прекрасная ночь, а ты мне про партию и политику... Расскажи про себя“. Он почему-то стал говорить обо мне. Что я очень красивая, и он сразу, как увидел меня, решил, что обязательно познакомится ближе. „Я весь вечер был рядом с тобой, — сказал он печально, но как-то гордо. — Ты заметила?“

Я ответила, что очень даже заметила. О чем говорить дальше, я не знала. „Мой“ Франк уже лежал на подушке и вяло подставлял стакан. Серега и Антон начали петь. Гуля с Аллой сразу подхватили. Кажется, кого-то уже не стало в комнате. Как бы не упустить момент.

„Знаешь, далеко в Уфе есть человек, мой парень. У нас все сложно, и мы, скорее всего, расстанемся, но пока я не свободна“, — быстро соврала я и прыгнула с подоконника. Краем глаза заметила, как председатель протирает углом рубашки очки и смотрит в пол.

На кровати рядом с Франком освободилось место. Я села рядом и сказала: „Кто-то здесь одиночно пользуется комфортом...“ Франк ничего не сказал и показал рукой, мол, устраивайся тоже. Я облокотилась на подушку рядом. Франк спросил: „О чем они поют?“ Пели „Ой, цветет калина“. Я ответила: „О неразделенной любви“. „Это очень грустная песня, — сказал Франк и попытался поддержать: —А-а-а-а-а-а-а-а..“. Я продолжила, как сельский ухажер, с дальнего, но

весьма конкретного намека: „Песня о том, как девушке нравится парень, а он ничего об этом не знает“. „Потом узнал?“— спросил Франк. „Нет, она решила ждать, чтобы он сам догадался“. „Плохой конец у песни“, — подытожил Франк. „У песни — да...“ — продолжал сельский обольститель. Оставалось сказать: „У нас, любимый, все будет по-другому“.

Как вы думаете, что произошло в следующий момент? Он обнял меня, и мы долго целовались? Может быть, так и было бы... Но пришел председатель!

„Франк, мне надо с тобой кое-что обсудить. Извини“, — это уже мне. Франк, соблюдая субординацию, шатаясь, поплелся за председателем к подоконнику. Они закурили. Я лежала на подушке, орала песню про калину и проклинала всех председателей на свете.

Люди стали расходиться и расплзаться по номерам. У Сереги на полу спали сразу три богатыря, не желающие ни общаться, ни подавать признаков жизни, кроме громкого храпа. Пока думали, как быть, я решила уйти по-английски. По-английски означало подойти к Франку и громко заявить: „Я иду в свой номер. Проводи“. Стены коридора шатались, сужались и расширялись, пол качался. Председатель сказал, что может тоже проводить, но я ответила, что Франк справится один, к тому же по его вине я не закончила перевод песни. Мы, качаясь и подвывая „Калину“, долго искали мой номер. Потом оказалось, что я потеряла ключ-карточку. Франк ходил на рецепцию, а я сидела под дверью и размышляла, идти ли мне в душ или нет.

Франк вернулся с видом победителя и помог мне встать. Я зашла в ванную и ахнула от своего отражения. Растекшаяся тушь, потные, прилипшие к лицу волосы, клочки помады на искусанных губах. Задумалась: почему я уже выгляжу как после спонтанного секса? Постояв под душем и смыв с лица и липкого тела остатки сомнений, я вышла из ванной, закутанная в полотенце. Франк сидел в кресле. Мне показалось, что спит. Я подошла к нему, он неторопливо встал. В мятой, мокрой рубашке, с запахом неизвестного одеколона, спиртного и сигарет. Новый, очень манящий запах. Франк подошел ко мне вплотную и притянул к себе. Меня качало от водки и от желания. Захотелось прижаться сильнее. Франк наклонился к моему уху и прошептал: „Ты хотела, чтобы я догадался? Я правильно понял?“ Я улыбнулась: „Тебе, кажется, по душе русские песни?“ Франк продолжал шептать на ухо, и было уже совершенно невозможно стоять на ногах.

Под жестким немецким порно я понимаю следующую фразу Франка: „Между нами ничего не будет. Аксель мне все рассказал. У тебя дома есть парень? Я не хочу, чтобы ты о чем-то жалела на утро...“

Пока я хотела сказать, что он больной кретин, что так не бывает, что я уже большая и знаю, когда и о чем мне жалеть, что, если он сейчас же меня не поцелует и не будет продолжать до утра, я сойду с ума, Франк сказал: „Я уложу тебя спать“. Он довел меня до кровати, медленно снял с меня мокрое полотенце, уложил в кровать. А потом накрыл одеялом, поцеловал в лоб и сказал: „Спокойной ночи. Не провожай...“ Захлопнулась дверь, а я заснула или потеряла сознание.

Утром я думала, что больше никогда не буду пить. Нельзя показываться на глаза делегации. Никогда не забуду унижение, ненавижу немцев и... надо срочно разыскать Франка!

Глава 4

Калина

Утро оказалось прекрасным, потому что субботнее, и ужасным, потому что наступило слишком быстро. Велико было желание остаться в кровати до наступления лучших времен, пока не удастся поменять цвет лица на здоровый и вытеснить мысли о вчерашнем позоре. Похмелье после водки и огурцов дарит непередаваемое самоощущение жабки в пупырышках со склизкими мыслями. В мультфильме про ослика, мечтавшего стать бабочкой, главный герой залез в дупло и завернулся в кокон из старой тряпки. Сидел он в темном дупле и повторял: „Ничего, что страшно, ничего, что темно, скоро бабочкой стану...“ Жабкам и осликам редко везет, даже несмотря на заклинания и самоотречение. Пришлось вставать и тащиться на завтрак. День был выходной, но на этот день у меня была запланирована долгожданная встреча. Прекрасные люди, друзья семьи и мамина подруга по переписке с незапамятных времен.

Спускаюсь в ресторан, а там уже Антон и Серега. Тоже приятно-зеленого цвета — как вчерашние огурцы. Да что это меня все на зеленое тянет? Кругом огурцы и жабы, вся жизнь — болото. К тому же я еще и виновна во всех человеческих грехах с сотворения мира, и именно я накормила Адама яблоком. Нет, я не Ева, я зеленый змий. Вот, теперь у огурцов и жабки появился компаньон — змий. С такими мыслями надо было оставаться в постели хотя бы до обеда. „Ну, — говорю, — как оно?“ Серега отвечает, глядя в бутерброд, видимо, чтобы сильно не крутить головой: „Оторвались по полной! Те немцы, что на полу уснули, так всю ночь и проспали. Только утром ушли. Даже спасибо и до свидания не сказали. Просто встали с пола, на автопилоте умылись и ушли... Тоже мне культура!“ Антон перебивает: „Если нам так плохо сегодня, то они просто ушли умирать, Серега, какая там культура... Простим их“.

От разговора об умирающих немцах мне стало неожиданно легче. Это советское воспитание про „гитлеркапут“? К тому же стоит только узнать, что кому-то еще хуже, и внутри просыпается, наконец, бабочка. А кстати, про пробуждение: где все? Антон с Серегой предположили, что жертвы консьюмеризма уже в очередном магазине. „Это понятно, — комментирую я. — А где девчонки наши, как они?“ Антон с Серегой переглядываются и что-то мне в этом переглядывании не нравится. „Еще спят, наверное“, — отвечает Серега и продолжает изучать бутерброд. „Ну ладно, увидите — привет передавайте, мне пора!“ — я с трудом влила в себя кофе и ушла собираться в гости.

День у друзей помог забыть про плохое. Много смеха, воспоминаний и прогулка по Берлину почти вытеснили мысли о Франке, вернули румянец и походку от бедра.

Возвращаюсь в отель ранним светлым вечером. Консьерж останавливает меня: „Вам несколько раз звонили“. Я с замиранием сердца: „Кто звонил?“ Консьерж говорит, что звонил молодой человек по имени Аксель. Обещал еще позвонить. „И еще, вам передали записку“, — консьерж передает сложенный вчетверо листок из гостиничного блокнота. Корявым почерком по-русски: „Мы поехали со вчерашними немцами в Biergarten. Присоединяйся, как только сможешь!“ Активисты и

победители конкурса научных работ славные люди, но хорошо бы еще знать, что Biergarten — это не название, а вид пивной на открытом воздухе. В Уфе, возможно, Biergarten был бы в единственном числе, и все знали бы к нему дорогу. В Берлине адресом мог бы быть весь Берлин. Пошла в номер с мыслями о тихом, спокойном вечере в компании с отельным баром. Развела себе джин с тоником и села у окна мечтать о несбывшемся былом. В голове крутилась песня, мне казалось, подходящая к ситуации: „Генеральского тела мать моя захотела...“

Резкий звонок пронзил тишину и не дал вспомнить продолжение песни. На проводе председатель Аксель! „Я за тобой сейчас заеду. Ты сможешь через 10 минут быть внизу?“

Аксель

Когда я спустилась, Аксель уже ждал. Чистый, энергичный, выглаженный, сияющий. Где только людей таких делают? Совершенно западный типаж. Улыбка до ушей — он рад тебе, мне, жизни, для него всегда красивый закат, ароматный воздух, ему все люди братья, те, что не братья — сестры, давайте любить и дружить. В ответ невозможно не улыбаться, но я справилась и просто кивнула в знак приветствия. „Привет!“ — „Привет!“ Аксель дарит мне розу и просит простить за вчерашнее. Я играю в чужом кино? За что простить, не спрашиваю и опять великодушно киваю. Аксель сам начал: „Вчера все так глупо получилось. Все слишком много выпили. Я не мог простить себя всю ночь, что не пошел тебя провожать и убедиться, что с тобой все хорошо. Я не мог спросить у Франка, потому что я его потом больше не видел. Надеюсь, ты не обижаешься на меня?“ Я в шоке от высот воспитания, которое даже не предполагает, что Франк, к примеру, мог остаться у меня в номере, или что я пыталась его совратить, а он сбежал. Но не будем о грустном. Сегодня будем лечиться от комплексов. Аксель идеально подходит.

Вообще-то Аксель симпатичный. Он немного выше меня, крепкий, плечистый. Он голубоглазый и с белыми вьющимися локонами. Аксель похож на ангела. Ангелы ко мне раньше не прилетали, и я совсем не умею с ними обращаться. Все, что я говорю и делаю, может убить ангела на месте. Наверное, мне придется немного поиграть. Вы любите играть с ангелами? Я тоже не представляю, чем это может закончиться. Обычно история не знает хороших концов про сошедших на землю существ. Они делают добро, теряя перья и кусочки души. Они становятся земными. Их жаль, но это их выбор...

Позже я научусь себя с ним вести и подстраиваться. Широко улыбаться в ответ? Легко! Еще научусь включать восторженную идиотку, чтобы поддержать разговор: „Ах! Ах! А это у вас что? Ах, какая штучка? Это не опасно и можно потрогать?“ Для Акселя нет большего удовольствия, чем рассказывать, показывать, объяснять. Обо всем. Мне иногда нравилось. Аксель много знал и стремился делиться. „Я только что защитился, и теперь я самый молодой кандидат наук — инженер в Техническом университете Берлина, представляешь?“ — говорит Аксел, потянув от гордости. Акселю 25, и он только начинает жизнь. Мне 23, но я уже бесконечно взрослая для него.

Но это все было потом...

В тот вечер я спросила у Акселя, не знает ли он, где его однопартийцы. Судя по всему, именно они похитили моих друзей, а я не знаю, где их искать, хотя меня ждут. „Мы можем к ним присоединиться?“ Аксель опять неожиданно испугался и стал просить прощения, что сразу не подумал о том, что я, возможно, переживаю за своих друзей, и раз те ждут, то необходимо срочно ехать. „Извини, что так задержал тебя своей болтовней. Я как раз заехал за тобой, чтобы отвезти ко всем“. Я подумала, что мне понадобится время, чтобы привыкнуть к такой реакции и ответственности. Но это не самое трудное, не правда ли?

В Biergarten шло веселье! Немцы разных видов накачивались пивом, громко общались, то тут, то там взрывы хохота. Наши друзья сидят за длинным деревянным столом на таких же длинных скамьях, перед ними огромные кружки с пивом. Судя по всему, вчерашний заход не убил-таки немцев, и они почти в полном составе радостно вспоминают подвиги. „Почти в полном составе“ означало для меня „вечер не имеет никакого смысла“. Франка не было.

За столом засмеялись и радостно поприветствовали нас с Акселем. Разговор кружился про вчерашний вечер: немцы обещали больше никогда в жизни не пить водку. Огурцы, говорят, были вкусные. Я слушала, смеялась в ответ, отвечала невпопад. „А что, не все перенесли вчерашний вечер? — спросила я. — Кажется, вчера нас было больше“, — добавила я и сделала задумчивый вид, как бы вспоминая кого, собственно, не хватает. „Да, сегодня нет Франка, — сказал один из сидящих за столом. — Но сегодня нас, наоборот, больше, мы привели Кристиана и Хайнца — знакомьтесь“. Я протянула руку одинаково высоким, худым и сутулым, веснушчатым Хайнцу и Кристиану: „Ну да, ну да, приятно, очень приятно...“ „Франк уехал на юг Германии“, — добавил Аксель, глядя мне в глаза. „Я просто хотела узнать, все ли живы, — смеясь, сказала я и спросила: — Ну, и где вы взяли такие огромные кружки? Эге-гей!“

В ходе вечеринки разговорилась с девочками. „Ну, как у вас? Получилось это ваше „разделяй и властвуй“?“ Девочки смутились. Потом сделали по глотку и сказали еле слышно: „Ну, да. А у тебя?“. Какой удар и точно ниже пояса! „У меня не очень, — честно сказала я и не совсем честно добавила: — Я лишнего выпила, Франк приставал, но мне было так плохо... Я выгнала его“. Девочки переглянулись и закивали головами. „Ну и как вам? — быстро перевела тему я. — Кто из них: Свен? Мартин? Как все было? Чем отличается? Срочно все рассказывайте!“ Девочки еще раз вздохнули и сказали: „Ничем не отличается“. Я не отставала: „Ну не может быть! Ну, хоть что-то должно быть по-другому?“ Алла посмотрела в свой бокал и сказала: „Говорим же, ничем, что там может быть по-другому, если эту ночь мы провели с Антоном и Серегой?“

Аксель отвез меня в отель. Влюбленные активисты изъявили желание прогуляться по ночному Берлину. Романтичный Аксель тоже предложил. „Я очень устала, извини“, — сказала я. В отеле Аксель, шутя поклонился и сказал, что на завтра приготовит для меня сюрприз. То есть он уже решил, что мы проводим следующий день снова вместе? „Хорошо, люблю сюрпризы“, — ответила я с мыслью, что вряд ли будет весело. Консьерж хитро улыбнулся, передавая мне ключи: „В номере вас ждет сюрприз“. Не много ли сюрпризов? На столике в вазе стоял маленький букет из веток с ярко-красными ягодами с запиской: „Продолжаю думать о песне. Жаль, что не застал. Уезжаю на несколько дней. Надеюсь, еще увидимся. Франк“.

Глава 5

Самое большое зеркало

Иногда задумываюсь: как же так получилось? Как смог совсем не интересный для меня председатель по имени Аксель так быстро завоевать мое внимание, время и часть судьбы.

На следующий день меня ожидал сюрприз. Аксель привел меня на работу. „У меня есть то, что тебе очень понравится“. Мы долго шли по коридорам большого светлого здания и оказались на крыше.

— Это моя крыша, — гордо сказал Аксель и обвел рукой просторную площадку с невысокими ограждениями. — Посмотри какой отсюда вид!

Я согласилась, что вид замечательный: в центре Западного Берлина, над крышами других домов, утопающих в нереальной для мегаполиса зелени.

— А вот то, зачем я тебя сюда привел, — Аксель подвел меня к большому завешенному серым тентом прямоугольнику, ловко освободив его от защиты, а я зажмурилась: мне в глаза били тысячи солнц! Аксель залился счастливым смехом. Огромный прямоугольник оказался большущим зеркалом, состоящим из зеркальных пластин разного размера.

— Это самое большое в Берлине зеркало! Теперь оно твое! Конечно, его невозможно унести с собой, но ты можешь в любое время подняться сюда. Правда, здорово? Как тебе сюрприз?

Аксель еще долго, с упоением, бегал по крыше, поднимал и опускал рычаги, нажимал кнопки, объясняя мне принцип работы „моего огромного зеркала“. Аксель разрабатывал проект „Лайтпайпс“. Ловил лучи солнца и направлял их по большим трубам внутрь темных помещений. В комнатах было светло, как днем, без дополнительной электроэнергии. „Это будущее!“ — говорил он и прикрывал глаза, видимо, представляя себе его лайтпайпс как обязательный атрибут в каждом доме.

— Меня зовут в Эмираты для оснащения лайтпайпс в новом строящемся аэропорту. Я пока не знаю. Сначала хочу закончить свой проект здесь.

Видимо, сюрприз удался. Нет, не потому что я настолько страдала нарциссизмом и радовалась возможности обозреть себя в самое большое берлинское зеркало. Нет. Люди, увлеченные своим делом, обладают тем самым шармом, который сложно передать словами. У меня никогда не было „дела жизни“. Меня ничего действительно не интересовало. Люди, встречающиеся мне на пути, тоже всегда скорее „отбывали повинность“ в университете, в скучных серых офисах, на безликих предприятиях, в мыслях о бытовых неурядицах и возможностях улучшить свое материальное положение. Даже те зарождающиеся воротилы бизнеса, обладающие большими деньгами и властью, никогда не рассказывали с таким упоением о своем деле. У них тоже были „великие дела“, но измеряющиеся прибылью, процентами... Люди были интересны друг для друга деньгами, нужными связями, яркими событиями, убойными вечеринками, случайными

влюбленностями, неслучайными отношениями... Но не помню, чтобы кто-то когда-то так увлеченно рассказывал о своем деле жизни — своем детище.

Аксель поразил меня. Да, он даже очаровал меня в тот момент, когда бегал по крыше с растрепанными волосами, в надутой от ветра рубашке и говорил, говорил, говорил. Я сидела, смотрела на него, вполуха слушая все объяснения, щурилась от зеркал, от ветра и думала: „Ну, что ж, Аксель. Может быть, может быть...“

В тот же вечер я согласилась поехать к Акселю домой. Во-первых, было интересно посмотреть, как живет немецкая молодежь, а во-вторых, я решила, что пересплю с ним. Он смог удивить меня. Теперь моя очередь!

Франка, милый букет из калины, первое место в девичьем сердце и мечтах никто не отмечал. Но раз его нет, и когда он приедет, тоже никому не известно... Что ж, значит, пока не судьба.

Квартира Акселя оказалась просторной, но с непривычно узкими коридором и кухней. Сейчас я знаю, что это отличительная черта квартир в старых домах. Интерьер квартиры тоже так разительно отличался от привычного российского „шика“. Много деревянной совсем простой мебели, на очень низком журнальном столике лежит ковер.

— Это из Голландии. Одно время я там жил и учился. Там принято класть ковры на столы. Кстати, очень удобно: если прольется жидкость, то можно промокнуть, и вообще не видно ни пятен, ни крошек. Аксель все время что-то говорит и одновременно накрывает на стол, режет салат, раскладывает на тарелки закуски, открывает вино.

Я сижу на диване и смотрю по сторонам. Как интересно примерять на себя чужую жизнь.

Потом мы ели, пили, пили и ели. Аксель сидел в кресле напротив, свесив ноги с подлокотника. Он не переставая рассказывал. Рассказывал без пауз и очень вдохновенно о себе, своих друзьях, работе и даже партии. Я начала скучать. Я не привыкла к долгим беседам, к тому же если говорю не я. Начала зевать в кулачок и думать, что вдруг в отель приходил Франк, а меня опять где-то носит. Привычный бред влюбленной дуры. Может, теперь вообще из номера не выходить в ожидании? Где-то внутри уже поднималось недовольство на себя и на всю ситуацию. Через какое-то время мой взгляд зафиксировался на черных носочках. Аксель говорит и в такт покачивает ногами. Для меня это мерное покачивание носочков стало сродни гипнозу. Еще немного... и клиент провалится в обморок и начнет выполнять странные желания гипнотизера. Когда я чувствую, что ситуация выходит из-под контроля или я начинаю скучать, то беру инициативу в свои руки. В свои руки на сей раз я взяла ногу Акселя и сдернула с нее носок. „Догоняй!“ — крикнула я и убежала по длинному узкому коридору, размахивая носком.

Через час я спросила: „Можешь вызвать мне такси?“ „Останься до утра“, — попросил Аксель и попытался обнять меня. „Нет, меня потеряют, и вообще, я люблю спать одна“, — соврала я и стала быстро одеваться. „Я отвезу тебя“, — и тоже стал одеваться. Я с ужасом представила дорогу с неловким молчанием и долгие поцелуи на прощание. „Нет, ты спи. Мне так хочется. Уже скоро, сегодня опять увидимся. Высыпайся. Ты нужен своей партии полный сил!“ Уже на пороге мы быстро обнялись, и я побежала вниз. Аксель близоруко смотрел вслед.

Глава 6

Я — Королева!

Через несколько дней мы покидали Берлин. Уезжали как-то скомканно, в суете докупая, запаковывая, сетуя: „Как все быстро прошло“. Одни увозили сыры и колбасы, другие „импортную“ одежду, у третьих времени хватило только на магниты в сувенирной лавке. Все говорили: „Эх, еще бы недельку...“ Что произошло бы за эту недельку, никто точно не знал, но всем казалось, что обязательно что-то произошло бы.

Я тоже пребывала в прострации, так и не поняв ничего из своих опытов в любви и сексе. Во всем — вечно недопонятое английское время Present Perfect. Оно настоящее, но уже прошедшее. Законченное настоящее. Я думала, что люблю недосказанность. Опять просто красивые слова. А на деле метания и пустота в душе.

Влюбленные отличники, вернувшись на родину, вскоре расстались. Потому что романтика закончилась, а серые будни остались. Иногда забежали ко мне по очереди на чай и рассказывали, что „там все было по-другому“. Я согласно кивала. Сложно поспорить. Там было по-другому все! Здесь все родное, но какое-то бесцветное. В усталых лицах опытных коллег по работе угадывалось и мое унылое будущее.

Предприимчивый начальник нашего Союза раздобыл Интернет. Все, в том числе и сам начальник, плохо представляли себе открывающиеся возможности Всемирной паутины. Человеком он был, впрочем, очень дальновидным. Мне в кабинет поставили модем, велели разобраться и доложить. Считалось, что в Союзе я руковожу проектом „Образование за рубежом“. По всему выходило, что я ответственная за зарубежные (пара)нормальные новшества типа Интернета.

Модем пищал и набирал невидимый номер телефона, а по ощущениям выходил в космос. По сути, так и было. Из далекой Уфы вдруг установили бесперебойную связь с Берлином! Единственным знакомым человеком со своим электронным адресом был Аксель. Я написала ему: „Привет из Уфы“.

Аксель писал по три, а иногда и по пять писем в день. За выходные набиралась целая подписка „emails for you“. Я читала и удивлялась, что в „космосе“ есть жизнь. В далеком Берлине наступила осень, в парке с трудным названием красиво кружатся листья, светит солнце, идет дождь, там встречаются, пьют пиво в „нашем Biergarten“. Люди просто живут, просто общаются, а один постоянно думает обо мне и даже грусти: „Как жаль, что ты не рядом...“ Как жаль, что я не рядом. Опять попробовать, захлебнуться, пропитаться, увезти с собой, вспоминать, маленькими дольками обсасывая подробности. Пока опять не начнет ускользать, как в ярком, отчетливом, только что приснившемся сне. И вот ты еще слышишь звуки, голоса, улавливаешь запахи, но чем больше ты пытаешься их вспомнить, тем они неуловимее и быстрее исчезают совсем. Остается только горько-сладкое ощущение чего-то очень важного. А был ли Франк? Почему я вспоминаю его? Засохший букет калины на рабочем столе. А был ли мальчик?..

Франк не знает, что я уже живу во Всемирной сети. Что он вообще обо мне знает? А если узнает, будет ли он писать мне столько писем в день, как Аксель. Бедный, бедный Аксель. Женщины коварны к тем, кто пытается сделать их счастливыми. Сюрпризы, письма, восторженные глаза и счастливый смех — все меркнет перед этим сухим букетом. „Парня молодого полюбила я..“

Прошло еще два долгих месяца. Дожди, работа, дом, иногда друзья и однообразные вечеринки с одинаково предсказуемым сюжетом. Пьяные танцы, ни к чему не обязывающие встречи, признания. Забытые на утро слова и персонажи.

А в декабре мне открыли визу на месяц в Германию. Немецкие друзья родителей предложили воспользоваться их добротой, квартирой, и „нам будет приятно“. Аксель сказал, что встретит и разработает детальный план моего пребывания. „А еще мы поедем на рождественский бал в замок под Кельном! Это ежегодный бал партийного союза. Будет много знакомых“.

Звезды выстроились в победную цепочку, магический Гурулулу уже застучал в бубен радостных свершений.

Я тщательно отбирала самое нарядное. Выпросила у мамы набор богемского стекла в бархатной коробочке. Маме подарил папа, а мама стала бережно хранить и покрасовалась в колье с серьгами только один раз. Я пообещала быть осторожной и положила коробку в голенище ботфорт: шикарное приобретение и дань „Красотке“ Джулии Робертс. Поверх ботфорт легла мягкая короткая шубка из „норки“, если верить торговке с вещевого рынка. Черный блестящий костюм с короткой юбкой и пиджаком с накладными плечами — наряд воинствующих татарских невест. Аксель, да что там Аксель, сам Франк теперь никуда не денется! „Парня молодого полюбила я!“

Аксель встретил и сразу засыпал конфетами, цветами, обожанием. У моей бывшей „большой любви“ в Уфе был сенбернар. Он сшибал с ног при встрече, не рассчитывая своей силы, веса и радости. Аксель тоже не рассчитывал. Он был здесь, он заглядывал в глаза, он махал руками и не переставая рассказывал о планах. Планы были грандиозные, Аксель как великий стратег и мистификатор спешил удивлять и радовать. Как ребенок: „Я здесь спрячусь, а ты ищи!“ — игра в поддавки с восторженным улюлюканьем.

Парки, аттракционы, концерты и поездки за город на брани. Готовим с друзьями раклетт и фондю. Встречи за настольными играми, ресторанчики и коктейли. Я продолжаю ахать и восторгаться. Начинает надоедать. Как же все идеально-приторно. Почему всегда не хватает нерва?

А потом был рождественский бал. И замок. И все, как обещали.

Я переживала. Я не жила до этого в замках. Я не ходила на балы. Или выпускной? Выпускной в школе тоже назывался бал. Столовая и водка в туалете? На мне, кстати, то же самое платье. Маленькое, черное, ворсистое и слегка блестит от нитей люрекса. Туфли тоже мои „бальные“, блестят змеиной шкуркой, вторят богемским колье и серьгам.

Замок оказался не таким, как я себе представляла. Маленький такой замок. Белый, с разномастными башенками на красной крыше. Внутри вообще грусть: обычный отель с рецепцией. Большая парадная лестница, как в родном университете, только больше ламп и лепнины. Обычные гостиничные номера. Ни золотого трюмо, ни кровати с балдахинном в стиле незабвенного Людовика XIV. Все по-немецки — просто и функционально. Даже в замке.

У нас с Акселем два разных номера на одном этаже. Аксель воспитанный. Проводил до номера, посмотрел на часы: „Тебе хватит два часа отдохнуть с дороги и переодеться к балу?“

Двух часов мне, пожалуй, должно хватить, чтобы переодеться к балу. Я соглашаюсь: „Да, хорошо, тогда зайди за мной через два часа. Я буду готова“.

Ровно через два часа Аксель постучал в дверь. Черный фрак и бабочка. Уложенные гелем волосы. По-моему, фрак украшает любого мужчину. Если этот мужчина в замке, и вы идете на бал, то он почти принц, что по определению не может быть лишним. Аксель щелкнул по-гусарски каблуками и сделал жест рукой, предлагая выходить. Я попросила: „Зайди, мне нужна твоя помощь, чтобы до конца одеться“. Аксель покраснел, потянул себя за бабочку и зашел в номер. Видимо, после моей выходки с носками, он везде ожидал приятных неожиданностей.

— Ты очень красивая!

— Ты можешь помочь мне застегнуть колье?

Аксель взял в руки бархатную коробочку и выдохнул:

— Это что?

— Семейные драгоценности, конечно, — ответила я правду.

— Почему ты не предупредила, что у тебя такие дорогие вещи с собой? Надо попросить о специальном сейфе в отеле! — Аксель очень разволновался и был готов срочно искать сейф и прятать там меня и мои „драгоценности“ до конца жизни.

— Ах, оставь, пустяки, ничего не случится. Разве не ты говорил, что у вас не воруют?

Зачем разочаровывать человека подробностями про хоть и богемское, но стекло? Так Аксель решил, что у него самая красивая и самая богато украшенная девушка на вечере.

— Запомни свое первое немецкое выражение „ich bin Königin“ (я королева), — сказал он, смеясь и подавая локоть. — Когда с тобой будут знакомиться, так всем и отвечай.

Мы пошли вниз. Приглушенный свет антикварных люстр, небольшой оркестр. Официанты с подносами. Вот теперь атмосфера максимально приближена к мечте о правильном будущем.

К нам стали подходить и здороваться. Я уже знала, что по-немецкому этикету женщины тоже протягивают и пожимают руку. Мы шли по огромному залу, Аксель постоянно кому-то кивал, кому-то меня представлял, шутил, угощал меня шампанским с расставленных повсюду подносов. Знакомых однопартийцев у Акселя было так много, что постепенно я перестала напрягаться, чтобы правильно расслышать имена, и просто вежливо кивала на приветствия. Когда к нам в очередной раз подошли, я уже не пыталась сосредоточиться и дежурно протянула руку.

— Мы, кажется, уже знакомы, — сказал негромкий голос. — Франк. Ich bin Frank.

— Очень приятно! Ich bin Königin.

Глава 7

Нерв

Франк ответил почему-то Акселю: „Какая неожиданность“.

Мне: „Хорошего вечера, Königin!“

И все!

Мы прошли дальше, а Франк остался с компанией своих знакомых. Среди общего шума я долго слышала его голос и смех.

— Это же твой друг, что был с нами в первый день в отеле? — спросила я у Акселя.

— Да, но он мне не друг, мы почти не общаемся. Раньше по работе пересекались. Теперь он переехал куда-то в Шварцвальд, на границе с Францией. Почему?

— Просто интересно. Я никого кроме него здесь не знаю.

— Конечно, знаешь! Вот и они.

Мы подошли к столикам, где одиноко пили вино высокие, сутулые Хайнц и Кристиан. Они радостно подвинулись, освобождая нам место за высоким столиком. Началась формальная беседа: как доехали, как здесь нравится, какие планы... Аксель с энтузиазмом вступил в разговор. К нам подошли какие-то девушки. Вокруг нашего столика образовалась „веселая“ компания. Мне скоро надоели одни и те же разговоры про холод в России и мое отношение к Ельцину. Как оказалось, с девушками говорить тоже было не о чем, и любой диалог заканчивался неловкой паузой. Быстро потеряв надежду поддержать беседу, я стала оглядываться по сторонам.

— Ты кого-то ищешь? Хочешь заказать что-то из еды или напитков? — моментально насторожился Аксель.

— Нет. Все в порядке. Просто интересно разглядывать присутствующих. А что дальше по программе?

— Скоро начнется концерт, а потом танцы. Ты же говорила, что любишь танцевать! Вот и потанцуем. Хоть до утра.

Я говорила, что люблю танцевать. Я действительно люблю. Почему же так не хочется теперь? Тело сковано. Дурацкое платье и туфли. Как вообще можно танцевать в таком наряде, да еще и в колье? Только вальсы и, пожалуй, полонез какой-нибудь... Что еще танцуют на балах в замках? Стало смешно, представила, как мы с Акселем идем красивым торжественным шагом, раскланиваемся и расшаркиваемся в сложных фигурах дворцовых па.

После душеспасительного рождественского концерта захотелось спать. В большом зале включили свет и, действительно, мама дорогая, некоторые пары начали танцевать полонез. В центре зала пары сходились и расходились, менялись партнерами и, сделав чинный круг, опять

возвращались к своей паре. Аксель пригласил меня. Я в ужасе отказалась. Я не умею так! Я никогда, никогда ТАКОЕ даже не видела.

— У нас почти все умеют. Кто-то разучивает танец еще в школе, кто-то в универе. Это же легко и надо только запомнить пару шагов. Пойдем, я буду тебя вести. Ты же королева!

Я не чувствовала себя королевой. Совсем и нисколечко больше не чувствовала. Мало того, мне стало скучно, и я стала пить один бокал шампанского за другим. Попытка избавиться от провинциальных комплексов при помощи алкоголя тоже не увенчалась успехом. Теперь я казалась себе нелепой, пьяной и очень несчастной.

Извинилась: „Прости, я на пять минут отойду. Нет, меня не надо провожать. Оставайся здесь, я скоро“. Медленно побрела по коридорам в поисках дамской комнаты. Жадно всматривалась в лица встречных и сразу же отводила разочарованный взгляд.

В украшенной золотыми канделябрами уборной я долго изучала свое отражение. Смочила виски холодной водой. Да, я хорошо выгляжу! Да, я — королева! Но до чего же ничего не хочется. Что со мной? Разве может быть такое настроение на балу?

На обратном пути увидела комнату для курильщиков — сигарный лонж. В помещении было так сильно накурено, что дым просто висел в воздухе. Я решила выйти подышать свежим воздухом на террасу. На террасе оказалось тоже много народу. Девушки кутались в легкие шали, мужчины курили и смеялись. Франка нигде не было.

— Я тебя потерял. Где ты была? — Аксель бросился мне навстречу.

— Выходила на террасу. Давай пройдемся. Я не хочу пока танцевать.

Аксель сразу согласился и, подав мне руку, отошел со мной подальше от танцующей толпы. В коридорах было уютнее. Не так громко играла музыка, можно было разговаривать. Мы присели на красный диванчик.

— Почему ты не хочешь танцевать? — не переставал удивляться Аксель. — Это же бал. Тебе что-то не нравится?

— Мне все нравится. Просто пока нет настроения. Может, потом...

Мы еще посидели на диванчике. И еще посидели. А потом я сказала: „Аксель, не обижайся. Я, кажется, устала... Может быть, с дороги, а может, от впечатлений. Я хочу в номер“.

— Но ты еще не попробовала фуршет-гала. Ты даже не ела ничего. Давай поедим, и я провожу тебя наверх.

— Я не хочу есть. Можешь прямо СЕЙЧАС меня проводить, — я уже почти кричала и была готова расплакаться.

— Конечно-конечно. Я же хотел как лучше. Хочешь, я побуду с тобой в номере, чтобы тебе не было скучно? — Аксель испуганно смотрел на меня, не представляя, что делать со своей королевой. — Хочешь, я принесу в номер десерт? Или шампанское? Или пройдемся вокруг замка?

— Я же уже сказала! Я НИЧЕГО не хочу! Ты можешь просто оставить меня в покое? Я хочу побыть одна! Я хочу лечь спать!

Аксель молча проводил меня до номера.

— А ты что будешь делать? Пойдешь вниз? Танцевать?

— Нет, без тебя я не хочу. Я тоже пойду в номер. Спокойной ночи. Я зайду за тобой на завтрак. В 9 утра нормально?

Дверь захлопнулась. Я сняла туфли и платье. Черт! Забыла попросить Аксея помочь мне с колье. Но это даже к лучшему, вообще бы не избавилась от него... Я еще помучилась с застежкой и решила оставить так. Утром сниму. Сейчас мне были необходимы чай, душ и сон!

Закутавшись в белоснежный мягкий халат, свернувшись клубочком в кресле, я пила чай и наслаждалась покоем. В дверь постучали. Нет, определенно, от этого Аксея нет спасения. Что теперь? Ужин в номер? Сказка на ночь? Что ЕЩЕ? Я в бешенстве открыла дверь.

— Привет! Ты одна? Можно зайти? — на пороге смущенно улыбается Франк.

...

Я отступаю назад. Франк делает шаг в номер и закрывает дверь.

Глава 8

Франк

Мы лежим на узкой гостиничной койке, уставшие, шепчемся и смеемся. Мокрые простыни прилипают к нашим горячим телам.

— Как ты меня нашел?

— Видел, как Аксель тебя проводил.

— Ты следил за нами? Почему ты сразу не присоединился к нам на вечере?

— Чтобы посмотреть, как Аксель за тобой ухаживает, и притворяться, что мне все равно?

— А тебе не все равно?

— Я думал о тебе.

Франк встал и открыл окно:

— Я принес шампанское. Будешь?

Мы пьем шампанское и курим на подоконнике.

— Ты всегда спишь в колье? — и без перехода: — И давно ты с Акселем?

— Не хочу про Акселя. Он заботится обо мне. Он пытается сделать для меня жизнь лучше, понимаешь?

— А ты знаешь, что он приложил немало усилий, чтобы мы не встретились с тобой в прошлый раз?

— Догадываюсь. Но он смог, а ты нет. Не хочу больше об этом. Франк наклоняется и целует меня в плечо. Я опять чувствую дикую волну по всему телу.

Замок, открытое настежь окно, голая королева впивается ногтями в спину. Еще!

Стук в дверь и одновременно звонит телефон:

— Уже 9. Мы же договаривались. Ты что, еще спишь?

— Аксель? Прости, Аксель. Я скоро. Я проспала. Мне только в душ... и я зайду к тебе. Я быстро!

Франк сонно улыбается. Я трясусь и пытаюсь стянуть его с кровати: — Быстро вставай. Тебе пора. Как мы могли так проспать?! Франк смеется и тянет меня обратно:

— Я не уйду. Он опять тебя увезет и спрячет. Почему ты не открыла ему дверь? Чего ты боишься? Знаешь, что он сделает, если нас увидит? — ухмылка. — Заплачет...

— Именно этого и боюсь. Я не могу так. Уходи, прошу тебя! Просто сейчас же вставай и уходи.

Срочно под холодную воду. Нет времени думать. Не хочу думать. Подумаю обо всем потом. С мокрыми волосами, в полотенце выбегаю из душа.

Франк уже одетый сидит на кровати. Мятая рубашка, небрежно накинутый смокинг, почему-то голые ноги в черных блестящих ботинках. Взъерошенные волосы. Потрясающе красивый. Он — мой. Он здесь. Я выгоняю его?

— Подожди, я посмотрю, чтобы не было никого в коридоре. Открываю дверь и выталкиваю Франка. Все потом, все потом! Я подумаю и решу, как быть потом.

— Уходи! Просто уходи!

Франк останавливается на пороге, прижимает меня к себе и не дает говорить. Полотенце сползает вниз, Франк отпихивает его ногой. По лестнице кто-то поднимается, я вырываюсь.

— Всего хорошего, — говорит, глядя в глаза, и уходит, не оборачиваясь.

Глава 9

Париж

За завтраком мы молчали. Я бродила в тумане ночных воспоминаний. Как же теперь жить? Что делать дальше? Или это Франк должен что-то делать, а я буду ждать?

Аксель дулся. Обижался за бал, за то, что я проспала, на себя, что такой воспитанный и провел эту ночь один.

— Как прошла ночь? Ты выспалась? — не выдержал Аксель.

— А, что? Да, спасибо. Хотя нет, не выспалась. Только под утро заснула.

(Старое правило: когда врешь, то ближе к правде.)

— А ты как?

— Я тоже плохо спал. Мне казалось, что я что-то сделал не так.

Хотел к тебе зайти, но побоялся беспокоить. Я даже дошел до твоей двери и постоял, так и не решившись постучать.

По спине пробежал холодок.

— Во сколько ты приходил? Почему не постучал? Может быть, я не спала.

— Мне показалось, что ты смеешься и с кем-то разговариваешь. Потом решил, что показалось. А потом все время думал, думал. Так и не смог спокойно спать.

— Какие глупости. Надо меньше думать. Я в какой-то момент включала телевизор. Странно, правда, что нам обоим этой ночью не спалось.

Я положила руку на локоть Акселя. Аксель вздохнул и улыбнулся. — Я хочу, чтобы тебе было хорошо!

— Я знаю.

Голова раскалывается. Остаточное шампанское, чувство вины, прокручиваемые снова и снова сцены греха-удовольствия. Как бы Аксель ни шутил и ни пытался меня расшевелить, я все время проваливалась в прошедшую ночь. Я так и не смогла найти ответ: почему я выгнала Франка? Мы больше не увидимся? А он предлагал? Он даже не спросил, как меня найти. Что я о нем знаю? Как быть с Акселем? Сколько еще мучить его и себя? В конце концов Аксель почувствовал мое настроение и тоже замолчал. Мы в машине в полной тишине. Уезжаем из замка.

— А Франция где-то здесь, рядом?

— Да, мы недалеко от границы.

— Отвези меня в Париж.

— Так нельзя! Вот так вот? Я за рулем, а ты ни с того ни с сего спрашиваешь, а не заехать

ли нам в Париж?

— Да, а что такого? Я там не была. Это, если хочешь, мечта всех русских. Почему нет, если мы рядом. И вообще, я просто спросила. Ты не обязан меня туда везти. Просто скажи нет и все. Зачем так нервничать?

Аксель свернул на первой же заправке. Долго бегал, жестикулировал, объяснял, что так не делается. Это не входило в План. Менять План для немца так же сложно, как для русского безоговорочно Плану следовать. Две крайности менталитетов.

Я молча за ним наблюдала и пила горячий кофе.

— Хорошо! — в конце концов решается Аксель. — Если ты хочешь, мы поедem в Париж. Но сначала я должен сделать пару звонков. Возможно, мне удастся застать там друзей — они живут прямо возле Эйфелевой башни. У них такой вид из окна!

Боже, этот вид из окна! А сами они какие милые, миниатюрные: он с ямочкой на подбородке, она с ямочками на бледных щеках. Говорят-щебечут, наливают вино и ломают багет. Мы уже прошлись по Парижу, мне что-то показывали, говорили: „Манифик!“ Объятия Акселя в уютных маленьких кафешках: „Как я счастлив, что мы с тобой в Париже!“ Моя голова у него на плече. Французы с пониманием переглядываются, а Аксель в радости от доставленного мне удовольствия говорит еще больше, чем обычно. Он так гордится своей спонтанностью и уже в десятый раз рассказывает, как чуть было не попал в аварию на скоростной магистрали. Французы одобрительно кивают. Они любят Поступки! Уютный парижский вечер в компании с друзьями и любимым... Ах, если бы все было правдой...

А потом мне стало плохо. Я вдруг забыла, как дышать. Суета, звонки. Вызов скорой помощи и живущего рядом старого семейного врача. Расстроенные лица французов. Кто-то спрашивает про страховку. Мне немного грустно и жалко маму. Но, кажется, что так все правильно. Зачем мне дышать? Я все равно не знаю, как быть дальше. Врач говорит: „Это ничего... Это не страшно. Вы еще такая молодая и еще сто лет проживете. Просто у вас сильное переутомление или приступ паники. У вас уже были панические атаки?“

Глава 10

Я вернусь

Никаких панических атак у меня раньше не было. Но раньше я и не была королевой, не занималась любовью в замках, не выгоняла любимых мужчин, не гуляла по Парижу, чувствуя себя моральным уродом. Почему всех русских тянет в Париж умирать? Или это только таких заблудших душой тянет?

Шутку про „увидеть Париж и умереть“ не поняли ни французы, ни Аксель.

— Зачем умирать, когда все хорошо? — повторяли они, видимо, пытаясь отговорить меня умирать во второй раз. — Умирают от болезней, а иногда от горя. Без еды и тепла тоже, — стал перечислять Аксель известные ему причины.

— А без мечты? Вот была у человека мечта: увидеть Париж. Увидел и теперь может умереть! — меня несло. Люди, не привычные к цинизму и шуткам в вопросах жизни-смерти, смотрели на меня с благоговейным ужасом. Ну да ладно, пускай думают, что я такая по жизни „ку-ку“...

Аксель очень гордился своей профессией и любил повторять: „Нет ничего невозможного для немецкого инженера“. За очень короткий промежуток времени немецкому инженеру выпало на долю пару непростых задач: на балу ей не нравится, ночью смеется и смотрит телевизор, а утром надо срочно ехать в Париж, чтобы там умереть от сбывшейся мечты.

После всего этого Аксель не мог не влюбиться. Когда мы вернулись в Берлин, он уже все для себя решил.

Сразу после поездки в Париж Аксель привез меня на самую красивую площадь Берлина, Жандармен Маркт, поставил под фонарь с кованными вензелями. От одного только представления, что я уеду в далекий „Башкорокостан“, где, по достоверной информации из проведенного им исследования, меня поджидают разные опасности в виде снежных заносов, голода и среднестатистического низкого уровня жизни, ему становится не по себе и даже болит душа. Аксель показал на ворот расстегнутой голубой в клеточку рубашки. Из-под рубашки выглядывала белая футболка и где-то за ней пряталась больная душа. Жить с больной душой трудно, еще труднее возвращаться в Башкортостан, где, уже по моей достоверной информации, полученной методом эмпирических наблюдений, присутствовали-таки в той или иной степени перечисленные Акселем неприятности.

Именно в этот самый день, распятая у фонаря, я определила дальнейшее развитие событий. Я грустно посмотрела на Акселя и сказала: „Видно будет. У каждого своя судьба. Ты веришь в невозможную любовь. Мы слишком разные, и нашим мирам не суждено быть вместе“. К тому моменту я уже овладела техникой напыщенной патетики, столь уважаемой в воспитанных немецких кругах.

В последующие дни Аксель приложил все усилия, чтобы „подарить мне свой мир“. В про-

грамме поднятие на Берлинскую телебашню, где на высоте 400 метров, в ресторане, мне был вручен медальон с этой самой башней „на память о нашем свидании, которое мы будем вспоминать и через 50 лет“. Аксель в полный рост с бокалом шампанского, обводящий рукой город в огнях, простирающийся под нами, с фразой: „Берлин у твоих ног — бери его!“

Я считаю себя романтиком, но романтиком циничным и очень аллергенным на красоты и театральности в делах и чувствах. Я смотрела на представление „Берлин и я к твоим ногам“ и не могла избавиться от скуки. Испорченная татарская дурочка, как и все женские персонажи романов, любила отрицательных героев, яростный натиск, долгие паузы, холодное безразличие на грани с „Я как-нибудь перезвоню“ и тишиной в эфире... Но из-за такого мужчины я уже когда-то настрадалась. Подумала очень трезво: „Пора браться за ум. Равнодушные негодяи в прошлом. Впереди Берлин у ног, ну и Аксель с бесконечным обожанием в глазах. Попробую теперь так. Оно того, определено, стоит“. Я как-то слишком быстро пришла к выводу, что холеные, порядочные и очень влюбленные „синицы в руках“ лучше „журавлей-Франков“. Кстати, „журавль“ больше не появлялся, и я тоже его не искала. Зачем? Я без конца прокручивала ту ночь в памяти. Поначалу тело отзывалось внезапным жаром, стоило закрыть глаза, я слышала голос, чувствовала смелые руки, его запах, дыхание... Потом воспоминания спотыкались на фразе с ухмылкой: „Что Аксель сделает, если нас застанет? Заплачет?“ Я не хочу, чтобы когда-то эта ухмылка адресовалась мне. Что я тогда сделаю?

Я запретила себе думать о Франке. Это же так просто. Почти как разучиться дышать.

Месяц подошел к концу. Аксель провожал меня на вокзале и в сотый раз просил подтвердить, что я скоро вернусь. Он уже договорился по своим каналам в посольстве. Мне скоро дадут долгосрочную визу. Сразу на три месяца.

Домой я вернулась со странным чувством. Все это уже не мое. Все ненастоящее и давно забытое. Улицы какие-то маленькие, дома старенькие, лица серые.

Я уволилась с работы. Сказала, что уезжаю в Германию. Нет, пока не знаю, на сколько, но думаю, навсегда.

Дома собирала любимые вещи. Брату оставалась целая комната. Он — единственный, кто мог ликовать. Родители сказали: „Ну и куда ты собралась? Кому ты там нужна?“

— Меня ждет Аксель!

— Откуда столько самоуверенности? Если Аксель из такой аристократической семьи, да и сам кандидат наук... Зачем ты ему нужна? Что в Германии нет своих девушек? Дурочка ты у нас совсем...

Я смотрела на родителей. Зачем они это говорят? Что за способ помочь и поверить в себя? Странное напутствие. Тем более, что всю жизнь именно мама твердила: „Уезжай, обязательно уезжай отсюда!“

Когда я выросла, мамин оптимизм как-то пообтрепался. Про Германию продолжали говорить, но как о чем-то совершенно запредельном. Мой каждый новый уфимский кавалер рассматривался потенциальным кандидатом в мужья. На мои отмашки: „Вы что, это все несерьезно, так, на пока...“ — родители смотрели с укором: „Время идет, так всех приличных женихов растеряешь“.

„Приличным женихам“ я честно говорила:

— У меня планы уехать из страны. А у тебя? Есть идеи? Идей обычно не было. Все идеи сводились к „есть квартира (машина, папа в министерстве)“. С некоторыми было жаль расста-

ваться. Некоторых даже сильно любила. Но любая любовь рано или поздно становится реальной жизнью. Унылой провинциальной жизнью.

Родители и брат стояли на перроне. В шубах и шапках. Все трое махали мне под „Прощание Славянки“. Я редела. Родные и самые любимые люди поехали вместе с платформой в раздирающей глаза пелене. Когда мы снова увидимся? Неужели они остаются, а я уезжаю? Насовсем? Какое-то время, пока силуэты не пропали, я бежала от окна к окну по вагону. Перед глазами до сих пор их лица. Папа смотрит удивленно и строго, а мама растерянно вытирает слезы, брат сжимает кулак: „Держись там, сестренка...“

Глава 11

Новая жизнь

Аксель сказал, что надо поменять квартиру. Ему одному хватало места, а на двоих тесно.

В новой квартире шел ремонт к нашему переезду. Окно в ванную комнату со свисающими завитками плюща, блестящая светлая кухня, за окном — привет с родины — белая береза. В центре кухни стол на восемь персон. На кухне можно танцевать, кружиться в вальсе, не потревожив при этом ни одну из восьми персон. Вспомнилась хрущевка из детства, и как приходилось принимать пищу по очереди. Сначала мы с братом, потом мама с папой.

— Хочешь выбрать мебель для квартиры? — Очень хочу!

На моей родине было свое понимание шикарной жизни. У только появившихся нуворишей обязательным атрибутом престижа являлись в ванной — джакузи, а в спальне — малахитовый гарнитур с золотыми узорами. Я и не представляла, что может быть изысканнее.

Аксель познакомил со своей подругой, будущим архитектором, в цветных полосатых колготках и пальто из лоскутков. Она заканчивала Институт искусств по направлению „дизайн интерьера“.

— Хочешь, я помогу тебе в обустройстве квартиры? Вот, посмотри новый каталог „Икеи“ — там много стильных штучек.

Я долго рассматривала странные шкафы и корявые стулья. В итоге ничего не выбрала, но усомнилась в профпригодности будущего дизайнера.

— Нет, это мне совсем не подойдет. А где продаются малахитовые гарнитуры?

Наконец и у меня есть свой спальный гарнитур! А еще каблук, кофты с золотыми пуговицами, красная помада и начес. Я кажусь себе очень красивой. На меня оборачиваются. Мне невдомек, что моя нарядная одежда смахивает на рабочую экипировку ночных бабочек. А к малахитовым гарнитурам питают любовь разве что антиквары и некоторые аристократичные старушки. В спальне стало тесно, а громоздкое трюмо еле втиснулось в приготовленный угол у окна. Знакомые Акселя переглядываются и пожимают плечами, но уважают индивидуальность. Сам Аксель беспечно улыбается.

А еще в новой жизни нет нормальных ресторанов! Поначалу так много нового, что на мелочах не сконцентрироваться, принимаешь, как должное. Привыкнув и осознанно выбирая ресторан для ужина, я столкнулась с серьезной проблемой — в Берлине с ресторанами-то беда! Ни в одном из них нельзя танцевать. Рестораны, трапезии, ресторанчики-забегаловки, имбиссы-закусочные, бары и кафешки на каждом углу с кухней любой страны, на любой кошелек — и везде просто едят люди. Форма одежды совсем не нарядная. В рестораны ходят так же, как на работу, или даже так же, как на прогулки в парк с собакой. С чумазыми детьми с игровых площадок и с теми же собаками идут напрямую в ресторан. Уверенно захо-

дят и садятся за столики, небрежно скидывая верхнюю одежду на соседние стулья. И все это просто походя, просто потому, что проголодались. А где же радость от предстоящего выхода „в свет“? Как же готовиться, заранее продумывая наряд, представляя, как все будет красиво? Именно даже не вкусно, а красиво! Оказалось, что готовить дома вовсе не обязательно. В любое время можно пойти в ресторан. Это удобно. Это отменяет хождение по магазинам, фартук и дежурство у плиты. Это еда на любой вкус и в любое время. Практично, вкусно, доступно, но больше совсем не праздник.

В свободное время взрослые люди встречаются, чтобы поиграть в настольные игры. Договариваются, кто и какую игру принесет. Все знают, какая настольная игра стала призером года, и каждый гордится своей коллекцией. Популярная стратегия „Siedler von Catan“. И вот уже и я сижу с картами и думаю, где построить следующую деревню, озадачившись вопросом обмена дерева на овцу.

Конечно, еще кино! В кино ходят компаниями, заранее договариваясь и обсуждая его потом. Тут поход в кино и есть выход в свет. Ждут премьеры, заранее бронируют места, договариваются, куда пойти после просмотра.

Выступления всемирно известных и малоизвестных немецких рок- групп. Аксель и друзья не знают, что перед концертом надо „готовиться“. Я рассказываю, как мы собирались группами перед концертом и обязательно что-нибудь выпивали.

— Как зачем? Для настроения!

На меня смотрят и не понимают:

— А как же тогда концерт?

В баре покупают по коктейлю или по бутылке пива. Коктейль потягивают через соломинку весь вечер, слегка притоптывая ногой в такт музыке. Немецкий рок-концерт, по моим ощущениям, скорее 60 вечеринка пенсионеров. Тот же драйв и такое же количество спиртного на душу.

Многие из окружения Акселя сами играют на музинструментах и

репетируют в чьем-то гараже или в благоустроенных подвалах частных домов. Аксель тоже раньше играл в маленьком джаз-бэнде. Теперь у него есть я. Он по вечерам пытается петь и играть для меня на гитаре. Видимо, я это не оценила, поэтому такие домашние концерты сошли на нет. Зато мы не перестаем ходить с друзьями в кино и на игровые вечеринки. Я быстро начала скучать.

Вдруг Аксель объявляет, что мы едем в гости к родителям. С некоторыми членами семьи Акселя я уже частично познакомилась. Сестра Акселя Селена тоже живет в Берлине, мы с ней „дружим“, вернее, больше мучаемся от необходимости общаться. Я терплю ее из-за Акселя, она меня — из-за него же. У нас нет других общих тем, интересов и знакомых. В основном вспоминаем истории из прошлого. От моих рассказов Селена краснеет, бледнеет и долго задумчиво смотрит на брата. Тургенев был бы счастлив узнать, что его эталон добродетели и нравственности до сих пор существует. Например, история про славного парня Робина. „Очень добрый, умный и, конечно же, красивый парень Робин“ вот уже несколько месяцев водил

Селену в кино, на выставки и еще (почему-то) поиграть в бильярд. Как-то Робин остался ночевать у Селены.

„Он хотел, чтобы мы вместе посмотрели потрясающий фильм „Титаник“. И вот, — продолжает Селена, — даже и не знаю, что делать. Мне кажется, он хотел поцеловать меня во время фильма, он так нежно сжимал мне руку. Как думаешь, я ему нравлюсь?“

Сестра Аксея на 5 лет старше меня. Но, по моим ощущениям, я гожусь ей в матери. Не в самые пуританские матери.

Родители Аксея живут далеко. Пять часов на машине — почти другой конец Германии. Нас ждали. Он в галстуке, она в тонком шерстяном платье, с ниткой жемчуга на шее и в строгих туфлях — обычная одежда для дома. Особняк, лестницы, камин. Какие-то кнопки: двери разъезжаются, рольставни опускаются...

От обстановки я смутилась. Трудно себе представить не то, что такие дома есть на самом деле, а то, что мой Аксель здесь рос и вырос таким вот обычным Акселем. Чуть было не заболела от комплекса собственной недостаточности.

Ситуацию исправил папа Аксея: „Когда Аксель рассказал про свою девушку из России, мы навели справки. Оказалось, что у тебя корни от самого Чингизхана!“

Я не стала объяснять, что татары и монголы — не совсем одно и то же. Зачем расстраивать хорошего человека? Мой внутренний Чингизхан приосанился и взглянул на всю обстановку другими глазами. Ну и пусть особняк, да, я не росла в такой роскоши. Главное, их сын жить не может без меня. Теперь я — его Королева.

И со мной считались или даже за что-то полюбили. Насколько искренне — сказать сложно. Кажется, я их шокировала и умиляла одновременно. Может быть, в их семье был негласный закон: то, что нравится сыну, не может не нравиться нам. Поездка оказалась сверхнасыщенной: бесконечные гости — друзья семьи, рестораны, отец Аксея прокатил меня на „харлее“ по окрестностям. Кожаная куртка и шлем. Я подпрыгиваю и визжу от радости: „А еще быстрее можно?“ — перекрикиваю ветер.

Заехали в фамильный замок, теперь частично музей. У мамы Аксея приставка „фон“ в фамилии, и она здесь выросла. Ситуация мне становится привычной: замки, уголья, свои поля и аэропорт. А с виду — люди как люди. Да, я удивлялась, но больше не робела и не была шокирована увиденным. Просто другая реальность. Девочка совсем даже не Алиса, но провалилась-таки в кроличью нору. Ну что же, походим, посмотрим, что тут за жизнь.

Перед отъездом из семейного гнезда я напилась. Видимо, чисто русский бэкграунд оставляет единственный способ навести порядок в новом мировосприятии. Скорее всего, всем родственникам Аксея тоже нужен был какой-то транквилизатор после шока от знакомства с „девушкой Аксея“. В тот вечер я напилась с папой Аксея. Мы пробовали коллекционные напитки из хозяйского бара. Мама Аксея всегда ложилась спать рано, а Аксель вскоре заснул прямо в кресле. Его отец смеялся и рассказывал истории из своей жизни. Я вполне искренне смеялась и даже жалела, что родители живут так далеко. Это был первый и, наверное, единственный человек из близкого окружения в Германии, с кем я не чувствовала себя одиноко.

Пьяная и на что-то злая, я растолкала Аксея: „Пошли наверх!“

На втором этаже располагалась наша спальня с ванной. Аксель встрепенулся и, сонно пошарив вокруг себя в поисках очков, стал медленно подниматься. „Вы до сих пор пили? Как ты столько выдерживаешь? О чем вы разговаривали?“

Уже в постели я сказала:

— Знаешь, Аксель, нам надо расстаться.

— Что случилось? — Аксель приподнялся на локте и опять потянулся за очками.

— Я тебя совсем не люблю. Мне с тобой скучно.

— Этого не может быть. Ты просто много выпила. Еще никто и никогда не говорил, что со мной скучно. Я с детства — душа компании и заводила. Аксель уже вскочил с кровати и начал ходить по комнате.

Меня затошнило.

— Я хочу остаться в Германии, и у меня мало времени. Ты сам знаешь — меньше месяца осталось до конца визы. Ты мне не мешай, ладно? Я должна успеть найти мужа.

На этих словах я отключилась и провалилась в пьяный беспокойный сон.

Глава 12

Похмельный синдром

Утро. Я проснулась от чувства тревоги. Тревога колотила в виски, отзывалась тупой болью в затылке. Акселя рядом не было. И зачем я вчера так напилась? Столько всего намешала... Как там, интересно, отец Акселя? При чем тут отец? Аксель. Да, именно Аксель. Где он? Я вчера наговорила глупостей. Или гадостей? Или глупых гадостей? Хотя, почему бы и нет? Значит, так тому и быть. Погуляли и хватит. Все равно не мое это все — замки-аэропорты и чинные обеды. И я действительно его совсем не люблю. Значит, я теперь свободна? Надеюсь, меня довезут до Берлина? А где я буду жить еще почти месяц? Значит, скоро опять в родной городок? Ну что за дурная голова... Как можно было так? Что теперь делать? Просить прощения? Нет. Это тоже не мое. Я не буду ни у кого просить прощения. В конце концов, я сказала правду.

Я с трудом встала и поплелась в душ. Лишь бы не встретить Акселя.

В ванной Акселя тоже не было.

Я спокойно привела себя в порядок. Посмотрела в зеркало. Да, теперь я готова к разговору. Или к бою? Надо сразу упаковать вещи.

Аксель застал меня с грудой вещей на кровати и открытым чемоданом.

— Доброе утро. Ты сегодня долго. Мы ждали тебя за завтраком. Ты идешь?

Я смотрю на него и не могу ничего прочесть по его лицу. Наверное, более сдержанный тон и без поцелуя „доброе утра“. С утра пораньше зачем-то надел костюм.

— Да, я иду. Хотела сначала собрать вещи.

— Я еще тоже не собрал. Успеем. Потом.

Мы спускаемся по лестнице к завтраку. Запах кофе и свежих булочек. На последней ступеньке Аксель говорит:

— Ничему не удивляйся, ладно?

Я не успеваю ответить, а меня уже встречают приветствиями.

— Доброе утро. Как спалось? — вся семья и даже сестра все еще сидят за столом. Время уже около 10. Это слишком поздно для них. Странно. Все выглядят неестественно напряженными. Отец Акселя — и не скажешь, что ему вчера тоже досталось, — чисто выбрит, тоже в костюме и галстук. Ох уж эти мне аристократы. Хорошо, что я успела привести себя в приличный вид. Или джинсы и блузка — не совсем приличный вид? Я опять путаюсь в мыслях, пытаюсь мыслями об одежде вытеснить не проходящую тревогу и чувство опасности.

Мне наливают кофе, подают разные закуски. Я стараюсь не встречаться ни с кем глазами. Нет, это не тревога — это, кажется, стыд. Я пью кофе и не притрагиваюсь к еде.

Отец Акселя прервал затянувшуюся тишину.

— Мой сын сегодня с утра, очень рано, собрал нас для серьезного разговора. — Пауза. — Должен сразу сказать, для нас всех это большая неожиданность.

Все смотрят на меня, а сестра испуганно отводит глаза.

Я готова выскочить из-за стола и убежать подальше от этой электрической тишины. Может, сразу сказать: „Я все понимаю, прошу прощения, наша встреча была ошибкой. Большое за все спасибо. Где здесь вокзал?“

— Но несмотря ни на что, — продолжает отец, — Аксель сумел нам все объяснить. В вашей ситуации это, наверное, единственное правильное решение.

Я поднимаю глаза и уже собираюсь сказать: „Хватит уже. Я и так все поняла. Можно, я просто пойду?“

— Мы все вместе посоветовались и хотим сказать только одно: вы можете полностью и всегда на нас рассчитывать!

Я молчу, а Аксель берет меня под столом за руку. Кажется, у него на глазах слезы.

— Ты согласишься стать моей женой?

И сразу, не дав вдохнуть и опомниться:

— Ты права, времени до конца срока твоей визы у нас действительно почти не осталось. Единственное, что мы можем сделать, чтобы остаться вместе и тебе не пришлось уезжать, — это пожениться. Ты согласна?

Я пью горячий кофе, обжигаю губы, пытаюсь прийти в себя и не могу. Что здесь происходит? Все смотрят на меня выжидающе, отец слегка подбадривающе кивает головой. Мать вытирает слезы, сняв очки, но тушь уже потекла. Селена ковыряет вилкой половинку помидора.

Я обвожу всех взглядом:

— Для меня это полная неожиданность. Вы хорошо подумали? — смотрю Акселю прямо в глаза. — Я бы предпочла не торопиться, — говорю медленно и отчетливо. — Но если вы уже все обсудили, а другого выхода действительно нет, и вы готовы принять меня в свою семью, совершенно меня не зная... Что ж, тогда я согласна! Мне уже можно называть вас „мама“?

На обратном пути в Берлин мы молчали почти всю дорогу.

— Зачем ты это сделал?

— Давай доедем до дома и поговорим. Ты почти не ела за завтраком. Хочешь, остановимся в ресторанчике на трассе?

Дома Аксель зажег свечи и открыл бутылку вина.

— Давай теперь поговорим. Но сначала скажу я, можно?

— Говори. И постарайся мне все объяснить. Ты же прекрасно понял, что я тебе вчера сказала. Почему ты это сделал?

— Потому что я сейчас счастлив. Я подумал, что с тех пор, как я тебя знаю, я все время счастлив. И что будет, если тебя в моей жизни больше не станет? Я не хочу жить дальше без тебя. Поэтому я это сделал.

У Акселя опять влажные глаза, и он тянется за бумажным платочком.

— То есть ты прекрасно слышал, что я тебя не люблю? Или ты думаешь, что это пьяные слова? Понимаешь, я **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** тебя не люблю. Совсем. Тебя не удивляет, что мы даже не спим вместе? Как же мы будем жить, Аксель? Как ты будешь жить, зная, что ты любишь, а я тебя нет?

— Ты полюбишь. Я все для этого сделаю. Просто времени прошло совсем мало. Ты обязательно когда-нибудь меня полюбишь.

— Что значит когда-нибудь? А если никогда? Что ты сказал родителям? Как они согласились, зная меня всего 3 дня? Вы все с ума сошли?

— Я им сказал, что не могу без тебя. Сказал, что скоро закончится виза, и тогда ты тогда должна будешь уехать. Сказал, что на сегодняшний день нет никакого другого выхода, кроме как официально оформить наш брак.

— А ты сказал им, что я тебя не люблю?

Аксель поднял измученные глаза, на лбу испарина: нет, этого он им не сказал. Они бы тогда ни за что не согласились.

Я хожу по комнате с бокалом и курю одну сигарету за другой.

— То есть ты соврал родителям и теперь все время, пока я тебя **НЕ ПОЛЮБЛЮ**, мне тоже придется всем вокруг врать? Мне придется все время притворяться?

— Зачем? Это наши с тобой отношения. Просто будь собой и все.

Просто быть собой? Я задумалась. А если и вправду просто быть собой? Мне не предлагают ничего, кроме любви и достатка. Разве не к этому я стремилась, покидая Уфу? Вот, бери, **ТВОЕ!** А это правильно? Я сама так смогу? Но от меня не требуют ничего взамен. Меня будут ждать. Просто ждать, что я когда-то скажу „люблю“. И заиграет музыка, и взорвется в небе салют, и мы с Акселем за ручку побежим по радуге, заливаясь счастливым смехом? А будет ли все это?

— Я должна еще раз обо всем подумать. Я пойду спать. Это был очень тяжелый день.

Аксель остался сидеть в зале со свечами, потом поставил свой любимый Depeche Mode „All I ever wanted, all I ever needed is here in my arms...“

Хорошая песня, думала я, засыпая.

Глава 13

Я — невеста

А ночью мне приснился Женька-милиционер. Моя непостижимая любовь. Безграничная по глупости и отчаянию. С Женькой-милиционером мы познакомились случайно, на чьем-то дне рождения. Более загадочного человека я до этого не встречала: герой — весь в тайнах и опасностях. То ловит беглых зеков, то сидит сутками в засаде. Я тогда сильно голову потеряла. Почти забросила учебу и научилась пить водку. Женька стал заходить „на хату“ к одиноко живущей подруге. Есть такие подруги, у которых постоянно кто-то сидит на кухне и спит под пледом на диване. Там мы и встречались. Кажется, Женьке было так удобно — недалеко от работы. Сам он жил где-то за дальним кордоном.

Женька приходил уставший из очередной засады и смотрел прекрасными глазами с поволокой на стол. Водка и закуска примиряли Женьку с действительностью — он часами молча пил водку. Я любовалась им. Дошло до того, что под разными предлогами брала деньги у богатого ухажера... чтобы купить Женьке водку. Мне казалось, что это такой любовный треугольник.

Я приходила с учебы и рассказывала Женьке студенческие новости — смеялась, пыталась развеселить и заинтересовать его. Женька смотрел на меня, не видя и не слыша. Я умирала от любви. Не уверена, что Женька знал о моем существовании.

После нескольких месяцев моих настойчивых ухаживаний Женька привел проститутку и, выпив всю водку, закрылся с ней в спальне. На утро у хозяйки квартиры пропало золото и норковая шуба. Не знаю, смог ли Женька-милиционер на этот раз поймать преступника.

Тогда меня спасли друзья. Хорошие друзья. Подруга кричала на меня и чуть ли не хлестала по щекам: „Ты вообще дура, что ли? Нашла в кого влюбляться. Он же двух слов связать не может! Зага-а-дочный! Да ты дура просто. Ему вообще все равно, кто с ним рядом. Ему все равно — лишь бы была водка. Ты чего вообще ждешь от этих отношений? Где ты, и где он? Ты что, сама не понимаешь? Он ловит зеков, он мент, он не умеет ничего в этой жизни, кроме как пить и ловить зеков...“

Во сне Женька-милиционер протягивал мне руку все под те же „All I ever wanted, all I ever needed is here in my arms...“

Я проснулась законченной невестой.

— Аксель, давай жениться, — сказала я, не успев открыть глаза. И зачем-то добавила: — Я много раз влюблялась и разочаровывалась. В тебе я не разочаруюсь. Я буду очень стараться тебя полюбить!

Стараться любить оказалось некогда. Началась невероятная для размеренной Германии суэта. Курьеры, апостили, ведомства по делам иностранцев. Решили, что будет всем удобнее, если регистрация брака в ЗАГСе и свадьба состоится в городе, где живут родители Акселя. Мне было все равно.

В одну из поездок к родителям мама Акселя по-заговорщицки подмигнула и сказала мужчинам, что девочкам надо проветриться — походить по магазинам. И тихонько мне:

— Тебе нужно купить платье! Это должно остаться в секрете от мужчин — такова традиция. Ты же невеста!

В голове взвыл Лагутенко: „Как же тебе повезло, у-у-ух, моей невесте...“

По магазинам ходить хотелось, пускай даже с мамой Акселя. А о свадьбе думать не получалось. Я не представляла себя невестой. Я никогда не хотела праздничного торжества и белого платья. В моих мечтах даже самый прекрасный мужчина на свете становился похож на идиота, который должен платить выкуп за меня — ворованную невесту. Я не верю в нормальную семейную жизнь после унижений для радости пьяной толпы. Как они женятся в Германии, я представляла плохо, но догадывалась, что, скорее всего, никто из тувельки пить не будет, дело вряд ли закончится дракой, спящими в салатах дальними родственниками и традиционным сексом пьяных свидетелей.

— Я бы не хотела настоящее свадебное платье с фатой, — начала я неуверенно.

— Что ты имеешь в виду?

Я показала руками фату и платье со шлейфом. Свекровь пожала плечами: „А вы и не говорили, что хотите венчаться. Аксель — католик, а ты?“

Я перестала понимать: „При чем тут кто я? Я — Чингизхан! Знаю молитву „Бисмилляхи-рахмани-рахим“. Прабабушка подарила мне четки. Я — убежденный агностик.

Прослушав мои размышления по этому поводу, свекровь покрепче схватилась за руль:

— Тогда вряд ли вас обвенчают. И вряд ли стоит надевать подвенечное платье только в ЗАГС.

— Значит, мы можем купить обычное? Просто нарядное, и ладно, пусть белое?

— Да. Я так и думала, что мы просто поищем то, что тебе самой понравится.

— Слава Богу, ну и „Бисмилляхи-рахмани-рахим...“

Мы долго ходили по бутикам. Те платья, которые мне нравились прямо очень-очень, свекровь предпочитала вообще не замечать. Те платья, которые предлагала мне она, казались мне подходящими только для бабушек без чувства юмора. Наконец, мы обе так устали, что нашли платье, которое устроило нас обеих. К платью прилагался пиджак. Я согласилась и на пиджак, но при условии, что юбку укоротят „ну хотя бы чуть-чуть выше колен“.

Туфли и сумку к платью купили уже на автопилоте. Опять удачный симбиоз двух миров: очень маленький каблук, но все блестит серебряным перламутром.

— Завтра поедем за покупкой „платья второго дня“. Тебе же надо будет переодеваться, — снова удивила свекровь.

Первый день регистрация в замке на горе, фуршет, потом ресторан и собственно торжество. На второй день опять торжество уже в более узком кругу. Я поняла, что в Германии к свадьбам тоже относятся весьма серьезно.

— Если ты не против, я займусь всеми приготовлениями к свадьбе. Надо очень много всего организовать.

— Я совсем не против. Спасибо.

— Итак, с нашей стороны человек восемьдесят. Сколько человек смогут приехать с твоей

стороны? Хорошо бы знать заранее, чтобы правильно рассчитать с местами в отеле, приглашенными и заказом блюд в ресторане.

— Наверное, родители и друзья семьи из Берлина. Все. Итого: четыре человека.

Свадьбу назначили на конец апреля — уже будет тепло, свежая зелень и цветы. Как раз будут цвести магнолии...

Глава 14

Первая ссора

До свадьбы три месяца.

До официальной регистрации брака суровое Ведомство по делам иностранцев запретило покидать пределы Германии: мне выдали временное разрешение на пребывание с целью заключения брака.

Цель „заключение брака, или же бракосочетание“ движется к успешному завершению. Мечты сбываются, скоро затрубят фанфары. А что дальше? Как живут и чем занимаются брачные аферисты после успешно выполненной миссии?

Пока я размышляла на тему „Брак по расчету“.

По моей классификации жизненных катаклизмов, любой брак — расчет. Когда брак по любви, то и это тоже расчет, расчет быть все время рядом с предметом обожания. Браки по глупости или по наивному, но все равно расчету, что стоит выйти замуж за Петю-Васю,

и жизнь сильно изменится — наконец будешь „за Мужем“, как все подружки, избавишься от нотаций родителей, нарожаешь в браке детей, будешь печь караваи, и вообще сама свадьба — белое платье, застолье. Горько! Горько! Раз, два, три, двадцать шесть, двадцать семь... Список можно продолжать, ибо глупость, как и любовь, бесконечна в своей многогранности.

У меня любви нет, даже страсти какой-нибудь плохонькой — и то нет. Любовь и глупости отменяются. Только расчет. Большой расчет. Как там в анекдоте? Три рубля не деньги, значит, вышла замуж по любви! Так вот, у Акселя не „три рубля“, у Акселя — целая страна. Очень нужная, желанная, влитая мне с молоком матери мечта, а не страна. Сам Аксель — мистер Идеальный Муж, лауреат на приз зрительских симпатий, красавец, умничка, кандидат наук и добрейшей души человек. Семья, окружение, работа, достаток — изъяна найти не получится. Выхожу замуж по Большому и Чистому Расчету.

Буду жить сыто и долго, пока не умру от тоски. То есть не так уж долго мне и осталось.

Позвонила родителям и сообщила новость:

— Я выхожу замуж. Через три месяца. До этого времени мы не увидимся — мне нельзя покидать страну. Вы сможете приехать?

Родители сказали, что приедут, а как же иначе. В голосе у них недоверие. Еще не могут поверить в мое или свое счастье. Сразу же начинают переживать: „Что везти в подарок? Ужас! Катастрофа! Что дарят немцам, кроме красной икры и водки?“

Мама спросила, как мне живется.

— У меня все есть, если ты об этом. Но я не знаю, что дальше. Он меня очень любит, мама, а я его, кажется, совсем нет. Но он хороший, очень заботливый... Может, потом полюблю...

— Главное, что он тебя любит. Всегда кто-то любит больше. Хорошо, что любят тебя, а не наоборот.

— Ты не понимаешь. Мне с ним скучно.

— А в жизни не должно быть всегда весело. Тебе уже не 16. Пора уже становиться серьезней.

Мама всегда знает, как приободрить. Видимо, ожидался сдвиг парадигмы: „Раз мама сказала, что мне уже не 16, значит, так и есть! Значит, пришло время становиться серьезной! Взрослая нудная жизнь, открывай ворота, я иду!“

Как обычно, наш разговор закончился моими криками в трубку: „Мама, ты вообще ничего не понимаешь!“ И маминым: „Я прожила жизнь... Вот увидишь“. Кладу трубку и еще долго смотрю на телефон.

Я полюбила балкончик. Смотрю на улицу, пью кофе, пытаюсь учить немецкий. Немецкий идет плохо. Вообще не идет. Где-то вычитала, что многие выучили язык благодаря телевизору. Интересно, а что они смотрели? Пытаюсь ввести в жизнь немецкие телепрограммы. Скучотища! Все какое-то ватное, топкое, без красивых лиц и привычных мелодий. Вот! На одном канале дико орущая женщина выбрасывает обвинения своему собеседнику, наверное, мужу. Тот вяло отбрыкивался, женщина расходится все больше. Потом та же женщина плачет и повторяет, вытирая расплывшееся лицо: „Ich bin blau, ich bin blau“ („Я голубая-голубая“). В моем времени и месте проживания „голубой“ означало нетрадиционную сексуальную ориентацию. Женщина не вписывалась в эту концепцию. Благодаря телевизору узнала полезное выражение на немецком разговорном — „я пьяная-пьяная“. Сплошная польза от телевизора!

Вечером, все еще под впечатлением от орущей „голубой“ женщины, спросила у Акселя, как будет по-немецки „замолчи“, то есть

прямо в смысле „shut up“. Аксель сказал: „Зачем тебе это?“ Потом подумал и добавил: „Es fällt mir gerade nicht ein“ („Я сейчас не припоминаю“). Какое длинное выражение для короткого „заткнись“, подумала я и повторяла про себя, пока не запомнила: „Es fällt mir gerade nicht ein, es fällt mir gerade nicht ein...“

Судя по словам моих родителей, „бывают же нормальные люди“, которые находят себе занятие, ходят на курсы, ищут работу. Я всю жизнь не попадаю в прекрасную стаю „нормальных“. Я ничего из правильного не хочу. К тому же я не умею самообразовываться, и да, у меня страдает дисциплина. Или все-же записаться на языковые курсы? Хотя, ну зачем эти курсы и работа, когда у меня уже есть банковская карточка и постоянно пополняемый счет?

Я изучила все соседние магазины и скупила весь ассортимент женского отдела „Woolworth“. Мы так долго ходили с мамой Акселя по бутикам, а здесь столько всего! Видела почти такие же туфли,

как мне на свадьбу, но в десятки раз дешевле. Знает ли мама Акселя про чудесный „Woolworth“? Эта странная женщина постоянно мяла ткани, что-то там вынюхивая, и огорченно-брезгливо отодвигала яркие наряды: „Полиэстер-синтетика, ниht гут, ниht гут!“ В моем понимании, красивая вещь не может быть „ниht гут“ из-за чего-то там на этикетке. Буржуазные глупости!

Кажусь себе шикарной, меняя „прикиды“. Блестящие голубые штаны под кожу, черные в обтяжку клеши, джемпера с цветами и разноцветными камнями. Шкафчик в ванной забит косметикой и лаками для ногтей всех цветов. Я еще не привыкла, не верю, что так может быть всегда.

Делаю запасы, радуюсь товарам со скидкой и бережно отношусь к вещам. Ватные диски делю пополам, подсохшую тушь разбавляю водой. Аксель спрашивает, зачем я это делаю, а я не понимаю его вопроса. Как же иначе?

Аксель многое не понимает. Он жалеет меня. Он считает, что должен меня веселить. Каждый вечер приходит с работы и вывозит меня гулять, открывать новые места и ресторанчики. Часто ужинаем и в нашем любимом индийском ресторане у дома. Там нам рады и знают по именам. Прабджот, хозяин ресторана, садится к нам и беседует о жизни. Пьем сладкий манговый ликер. Такой же приторный, как наши улыбки. Для Прабджота мы молодая счастливая пара. Но мы притворяемся, когда смеемся. Нам обоим плохо.

Пока я сидела на балкончике, гуляла, пока ходила по магазинам, перекусывала в кафе — весь день до прихода Акселя я верила, что у нас все будет хорошо. Я даже ждала его с работы, представляла, что встречу с улыбкой, поцелую. Хотелось рассказать, как прошел день, о своих маленьких открытиях, смешных ситуациях, о том, что скучала по нему и думаю, что он отличный, в общем-то, парень.

Аксель приходит с работы. Открывает дверь, и я спотыкаюсь, сразу же забываю обо всех добрых намерениях. Как описать этот взгляд? Наигранный? Радость с плохо замаскированной надеждой и мольбой? Взгляд бездомной собаки, все еще доверяющей людям: „Я хороший, не гоните, посмотрите, как я умею...“ Собаку жалко, а человека нет. Нонсенс.

— Привет! — говорю на пороге. Разворачиваюсь и ухожу на балкон. Аксель догоняет:

— Как прошел день? Где ты была?

— Нормально прошел день. Все как обычно.

— А у меня есть чем тебя порадовать. — Обычно после этих слов

Аксель доставал букет цветов, маленький подарок, билеты в кино или на концерт...

— Спасибо. Это совсем не обязательно.

Это действительно не обязательно. Бесконечные забота, внимание, желание угодить не просто надоедали, они начали выводить из себя, доводить до бешенства. За что? Я не заслуживаю такого обращения, за что мне все это? За что он меня боготворит? Вся забота и подарки — всего лишь кирпичики одной стены моей будущей жизни без взаимной любви, без родных, без друзей. Естественно, виновным за душевную раздробленность назначен Аксель.

В русской газете нашла объявление: „Ищем сотрудника с русским и английским языком“. Я позвонила. Мужчина с бархатным голосом предложил встретиться.

Я долго плутала в незнакомых улицах, пока не нашла кафе. Мужчина Иосиф предложил выпить кофе и делать иногда „маленькую необременительную работу, связанную с переводами с английского и ответами на деловые письма“. Оплата наличными и неофициально: бизнес в стадии зарождения, и постоянный сотрудник не по карману. Мужчина Иосиф шевелит седыми усами и рассказывает о тяжелом быте русских бизнесменов. На прощание он целует руку, просит подумать и обещает скорое повышение зарплаты. За кофе расплачиваюсь я. Печальный Иосиф забыл дома кошелек.

Я обрадовала Акселя новостью, что выхожу на работу.

— Как на работу? А разрешение на работу? У тебя же еще нет разрешения на работу и вообще никаких бумаг для трудоустройства. — Я буду пока работать по-черному. Иосиф обещал хорошие перспективы и премии.

— Я не могу этого позволить, прости.

Наша первая серьезная ссора произошла из-за моего стремления к труду.

— Я все равно пойду на эту работу! У меня еще пока нет других предложений, а ты хочешь, чтобы я только сидела дома и ждала тебя? Так ты себе представляешь наш брак?!

— Ты знаешь, что работать тебе необязательно. Но я хорошо понимаю твоё желание быть в коллективе. У тебя будет больше друзей

и интересов, но для начала надо получить бумаги, выучить язык, и я никогда, слышишь, никогда не позволю работать тебе по-черному.

Это неправильно, и так поступают только асоциальные личности.

Мне придется заявить на твоего Иосифа и на тебя тоже в специальную службу. Ты не будешь работать по-черному! Я не позволю обманывать немецкое государство!

Я сказала: „Ах вот ты, значит, как?! Значит, не позволишь обманывать государство?“

Я напилась, я кричала ничего не понимающему Акселю: „Es fällt mir gerade nicht ein. Es fällt mir gerade nicht ein!“ Аксель спрашивал: „Что ты не можешь вспомнить? Was?“ Я повторяла снова: „Es fällt mir gerade nicht ein. Es fällt mir gerade nicht ein!“ И, так и не добившись понимания, добавила: „Ich bin blau and you... just shut UP!“

Глава 15

Трудности немецкого

После той ссоры я сделала для себя три вывода. Во-первых, мы никогда не пойдем друг друга, даже если я выучу немецкий в совершенстве; во-вторых, надо выучить немецкий, раз уж так хочется на нем ругаться; и третий вывод на будущее — если я в следующий раз решусь на что-то не совсем законное, то не буду в срочном порядке докладывать об этом мужу. Что значит обмануть государство? Разве это не конституционное право граждан искать возможности перехитрить систему? Как вообще можно „сообщить куда следует“ на жену, ну или почти жену? Мой будущий муж — Павлик Морозов, а я — ненадежный, диссидентствующий против немецкого государства элемент.

Иосифу я отказала. Сказала, что будущий муж — немец грозит тюрьмой.

— Он у тебя из полиции? Ты ему не давала мои координаты? — часто задышал в трубку Иосиф.

— Нет, не давала, и не из полиции, успокойся.

— Может быть, встретимся просто так? — Иосиф зазвучал с привычным бархатом. — Например, на обед?

Я вспомнила шевелящиеся усики и тяжкий быт безкошельковых бизнесменов.

— Нет. На обед у меня нет времени. Я пойду учиться.

В гости приехали родители Акселя. Я приготовила сельдь под шубой и оливье, надела фартук и притворилась милой хозяйюшкой. Родители восхищались и хотели садиться за нарядный стол, когда, решив блеснуть и вместо „Проходите гости дорогие, садитесь“ я махнула рукой и сказала громко: „Mach Platz!“ Уже наполовину присевшие родственники вскочили и неуклюже попятились из-за стола.

— Дорогая, что случилось? — спросил Аксель.

— Ничего. Это что у вас случилось? Я же пригласила всех садиться. Куда все засобирались?

Раздался взрыв хохота. Я стояла в фартуке, чувствуя себя полной дурой, и пыталась смеяться со всеми.

— Ты только что прокричала команду „Уступи место“. Мы подумали, что заняли чей-то стул или ты сама хочешь здесь сидеть, — стал объяснять, утирая слезы от смеха, будущий свекор.

— Видишь, какие у тебя послушные родители мужа? Теперь тебе надо сказать: „Alle sitzen!“ („Все сидеть!“) Все продолжали хохотать и долго вспоминали, и рассказывали потом друзьям. А я на следующий день записалась в первую попавшуюся языковую школу.

Я настояла на том, что сама найду себе школу и буду оплачивать из „своих“ денег. Акселю понравилась такая самостоятельность. С того дня мой банковский счет стал ежемесячно пополняться ровно на ту сумму, что я оплачивала школу.

Школа оказалась хорошая. Правда, очень далеко от дома и в турецком квартале. Почти один турецкий контингент. В слабо отапливаемом помещении и с мебелью, пережившей не одно поколение стремящихся к знаниям вандалов. Но, несмотря ни на что, мне в школе очень нравилось. Я гордилась собой. Я сама ездила на учебу!

Я запретила Акселю забирать меня с занятий и сказала, что так я быстрее освоюсь. И начала осваиваться.

В первый же день я познакомилась с Вадимом-голова-болит-после-вчерашнего-надо-срочно-пива. Вадим вместо „здравствуй“ сразу объявил, что ходит на обучение потому, что иначе не получит деньги от социального ведомства.

— На курсы отправляют, потом еще работать будут гонять. Вот достали, уроды.

Уродами, по определению Вадима, были все немцы, а законченные уроды из социальной помощи мешали Вадиму жить полной жизнью. Узнав о моем предстоящем замужестве с немцем, Вадим сказал: „Так ему, уроду, и надо!“ Я не поняла, но не стала спорить. В конце концов, не так у меня много здесь знакомых. Вадим курил травку на каждой перемене. На уроке мы хохотали над сложными немецкими падежами. Но Вадим скоро пропал. Верно, нашел себе занятие более веселое или вернулся в Россию, как часто грозился, потрясая кулаком в сторону воображаемых уродов. Я была уверена, что ни за что не уедет, что он так шутит.

Я оказалась за партой с афганцем. Густое кофейное каре до плеч, толстый вязаный свитер и яркий шарф. Разве афганцы выглядят, как поэты? Алим оказался хирургом. Он провожал меня до дома, несмотря на мои протесты.

— Уже темно, мне не по себе, что ты поедешь так поздно одна, а мне все равно по пути.

Намного позже я узнала, что Алим жил в общежитии на противоположном конце города. Я долго не доверяла: а что, если Алим окажется моджахедом и просто притворяется до поры? Не так просто избавиться от привитых с детства стереотипов. Шарахалась в сторону, стоило Алим поздороваться на улице с людьми с его родины.

С Алимом оказалось неожиданно интересно. Алим много знал. После уроков мы уже не старались общаться на немецком, как того требовали преподаватели, и переходили на английский. Разные темы, начиная от голливудских режиссеров и заканчивая последними исследованиями в биотехнологиях. Однажды Алим рассказал мне про пользу и вред любимых продуктов. Так я узнала, что моя диета на соленых орешках по несколько пачек в день при первых ощущениях голода — не самая эффективная из диет. Мои быстро округляющиеся бочка оказались наилучшим тому подтверждением. Заодно перестала есть любимую турецкую шаурму Döner. Я была уверена, что Döner — сплошная польза: мясо и салат, ну, немножко хлеба. А помимо „немножко хлеба“ в Döner оказалось много холестерина. Тоже новое слово от Алима. Алим говорил, что скучает по работе — хирургу нельзя надолго без практики! Алим поднимал руки, как будто ждал, что сейчас ассистент натянет на них перчатки. Длинные красивые пальцы. Жаль, что я не знаю, как сложилась его судьба.

Однажды Алим, как до этого Вадим, просто не пришел на учебу. Маленький черный мальчик подбежал ко мне после занятий и сказал: „Это от Алима“ — и убежал. В конверте лежала записка на английском: „Я желаю тебе выучить язык и найти интересную работу. Береги себя и свою семью. Уверен, что тебя ждет счастливое будущее. Если вернусь, то постараюсь найти

тебя“. Больше мы не виделись. А я научилась тому, что не каждый афганец/чеченец обязательно перережет горло. От нашего общения пострадали только мои скоро пропавшие бочка, да и тех абсолютно не жаль.

Школьные будни сильно отвлекли от размышлений на балконе о мыслях о несчастной себе. Стало казаться, что постепенно все встанет на свои места. Просто надо привыкнуть. Надо как-то вписаться в новую жизнь.

Как-то Аксель пришел домой позже обычного и прошел, не разуваясь, в гостиную. После долгой паузы и построенной пирамидкой над головой сложной фигуры из пальцев он сказал: „Мне надо будет уехать на месяц. Срочная и очень важная командировка в США. Я не могу отказаться, и я уже все узнал: ты не можешь поехать со мной. Мы еще не женаты, у тебя нет документов. Я не знаю, как быть!“

В аффекте Аксель ломал сложную фигуру из пальцев и, схватив себя за голову, стал раскачиваться из стороны в сторону. Горе у человека — в Штаты надо ехать! Страшное и ужасное горе, понятное каждому человеку, заглянувшему в эту безжалостную программу командировки: проживание в отеле пять звезд, каждодневные экскурсии и деловые обеды в шикарных ресторанах...

— Я не понимаю, почему ты так расстраиваешься?

— Как же ты? Как я могу оставить тебя здесь одну? Как ты без меня? Кто о тебе будет заботиться? Тебе будет скучно, одиноко одной в чужой стране...

— Об этом не беспокойся. Мне не будет скучно. Я что-нибудь придумаю.

Я обязательно что-нибудь придумаю. А Аксель как в воду глядел: меня нельзя оставлять одну! Но в одном он ошибся — скучно мне не было...

Глава 16

Алина

Наш только что худо-бедно выстроенный анонс семейной жизни только устоялся: я хожу в языковую школу, изучаю среду обитания, пытаюсь полюбить Аксея. Мой будущий муж работает на полный день и спешит каждый вечер домой к своей огромной неразделенной любви. Мы в процессе созидания очень странной семьи — водевиль с растерзанными надеждами. В водевиле как раз не хватает следующей главы: жених уезжает на месяц в заокеанскую командировку. Дома остается безутешная соломенная вдова...

Исправлять ситуацию к нам срочно приехали родители Аксея. Что делать с невестой? Это проблема, и надо решать ее всей семьей! Как же иначе? Кто позаботится об одинокой и беспомощной? Проблема так проблема! Оказалось, что задача совершенно и бесконечно запутанная, так как семья Аксея именно на этот месяц из года в год уезжает „зимовать“ на Канары, на остров Тенерифе. Как повелось у всех немцев, они бронируют отпуск за год вперед.

— Мы не сможем быть с тобой, когда ты одна, без Аксея! Но мы

будем добиваться разрешения у ведомства по делам иностранцев, чтобы они отпустили тебя, в виде исключения, с нами. В конце концов, Германия или Испания — это же все Евросоюз! Ну кому будет хуже, если ты полетишь с нами на Канары?

Что за вопрос! Кому вообще может быть хуже от Канарских островов?

Все, что я знала про Канары, — то, что спел Добрынин: „На Канарских островах утопает все в цветах, а Канары утопают в океане..“. Именно там счастливой Марианне певец объяснился в любви. Для всех остальных советских людей Канарские острова существовали только в песнях.

На Канары хотелось очень! Ну чем я хуже Марианны? Сначала очень хотелось, потом не так уж чтобы, а потом совсем расхотелось. В конце концов, к Канарам прилагалось общество родителей Алекса. Месяц в такой компании чреват „не сошлись характерами“ с родителями жениха еще до замужества. Месяц образцового поведения, пусть и в цветочном раю. Это слишком большое испытание.

Я не выдержу.

Ведомство в положение входить не захотело и разрешения на Канары не дало. Я облегченно вздохнула, а у семьи — трагедия.

— Не переживайте вы так, я не буду одна все это время. Ко мне приедет подруга из Уфы, — сказала я. — Мы дружим с первого курса. Она-то и будет следить за тем, чтобы я не скучала. У нее это всегда отлично получалось... — добавила я вполголоса и надолго погрузилась в воспоминания.

Лучшая подруга

Мы подружились на первом курсе, на первой паре первого сентября. Я опоздала и зашла в класс после звонка. Девушка на задней парте приветливо улыбнулась и предложила место рядом. Я устроилась, наверное, излишне рядом на целых два года. Она будет внимательно слушать, плакать вместе со мной над моими печальями, заразительно смеяться любой моей шутке. Она — идеальный друг!

Алина не скрывала, что ее не интересует учеба. У Алины есть любящий отец, который не жалеет средств для ремонта старинного здания престижного факультета. Еще Алина владеет точным методом отбора людей, и она всегда знает, с кем и зачем дружить. Люди делятся на „лохушниц“ и „полезных“. Лохушницы тоже иногда бывают полезными — они могут готовить конспекты и дать списать на экзамене. Лохушницы любят красивую и добрую Алину — она улыбается им, говорит приятное: „О, какая у тебя кофточка стильная! Я всегда о такой мечтала! Если надоест, дашь мне поносить?“ Когда очарованная девушка отходит, Алина говорит вслед: „И эта дура туда же, ты вообще видела, как она одета? Наверное, взяла у своей бабушки поносить кофточку... Вот лохушница!“ Алина знает все престижные марки и видит лейблы раньше, чем разглядит лицо.

У Алины точеная фигура и длинные пепельные волосы — она считает себя дорогим призом и рассказала всем по большому секрету, что будет беречь себя для „самого-самого“.

В студенческом царстве разгула и всеобщего падения морали Алина — единственный луч света. „Самого-самого“ среди студентов быть не может по определению. На студенческие вечеринки Алина не ходит и от души хохочет над местными романами. „Мужчина — будущий филолог? Что со студентиками вообще может быть хорошего? Водку пить в подъезде? Свадьбу гулять в общежитии?“

После, а иногда и вместо уроков мы едем в любимое кафе. Нам нравится приглушенный свет и тихая музыка. С самого утра атмосфера уютного вечера. На нас обращают внимание — мы уверены в своей неотразимости, уме, хитрости. А мужчины — какие же они все доверчивые и одинаковые, все время одно и то же: предлагают угостить шампанским, оплачивают счет, уговаривают дать телефон, приглашают на свидания. Алина говорит, что все это — не то, все слишком старые, женатые и недостаточно богатые. „Тот самый“ обязательно придет, просто надо ходить в правильные места. Алина выбирает очередной ночной клуб: „Может, позовем с собой кого-то из лохушек? В компании не так страшно ночью...“

Я до сих не знаю, почему Алина выбрала меня. Думаю, что ее заинтересовали мои рассказы про Германию. Алина тоже мечтает уехать, хотя бы в Москву. В Москве богатые и знаменитые ходят косяками, достаточно просто выйти на улицу, чтобы встретить судьбу. А я не ищу „того самого“. Внимание мужчин всегда приятно, но я не отношусь к ним серьезно. Все понарошку, все только на время. Я уеду отсюда — зачем привязываться к кому-то? Алина поставила свою дружбу и обаяние на черную лошадку — меня. Вдруг у меня что-то получится? По сути же, я такая же лохушка, как и все вокруг. Мне далеко до гламурной красавицы, я почти не разбираюсь в моде, безумные студенческие попойки и интрижка с симпатичным однокурсником — это мне запросто! И еще я очень рада, что у меня есть Алина — верная стильная небожительница Алина, которая все понимает и так дорожит нашей дружбой. Алина прощает мне мои „плебейские слабости“, я стараюсь не замечать ее потребительского отношения к людям. Меня же это, в конце концов, не касается...

Как-то, уже в разгаре зимы, после учебы мы опять заехали в любимое кафе. Бармен приветливо помахал нам, когда мы проходили за „наш“ столик. Народу мало, играет музыка, и дис-

котечный шар разбрасывает зеркальные блики. Заказали кофе. Шумная компания пьяных братков ввалилась в зал.

— Ну вот, теперь они все испортят, — огорчилась Алина, и мы заторопились к выходу, попросили счет.

— О! Девочки, а вы куда торопитесь? Посидите с нами...

— Нет, спасибо, мы уже уходим. У нас уроки не выучены, завтра экзамен, а в следующий раз обязательно... — вежливые и убедительные пай-девочки. С бандитами нельзя по-другому. „Лихие 90-е“: бандиты кругом, они новые хозяева жизни, никто не станет вмешиваться. Знакомый бармен скрылся за стойкой, немногочисленные посетители отвернулись.

— Нам и вправду очень надо домой!

— А нам и вправду очень хочется посидеть в компании со сливочками общества. Будете себя хорошо вести, и мы разберемся с вашими экзаменами.

Нас хватают за руки и тянут от выхода:

— Сейчас посидим немного и поедем отдыхать, а хотите в сауну? Из-за столика в темном углу вышел мужчина:

— Отпустите, они со мной!

Наклоняется к нам:

— Идите на улицу, садитесь в белую „ауди“, скажите шоферу, что я сейчас подойду.

Мы выбежали из кафе, на ходу подхватывая вещи и стараясь не слышать несущееся вслед: „Стой! Куда?! Ты кто такой?“

Мужчина вышел следом — высокий, худой, молодое лицо, ранняя седина на висках. Длинное пальто нараспашку, уверенный шаг. „Настоящий кашемир“, — прошептала Алина на ухо.

— Я доведу вас до центральной улицы, там безопасно. В это кафе больше не ходите. Что вы там, вообще, одни делали?

Машина остановилась, мы еще раз поблагодарили.

— А как зовут нашего спасителя? — обворожительно улыбнулась Алина.

— Сергей. Всего хорошего, девочки.

Мы приходили в себя несколько дней. Образ героя-спасителя полностью вытеснил пережитый страх.

— Где водятся такие мужчины? Почему мы не спросили, как его найти или хотя бы номер его телефона?

— И что, звонили бы ему как благодарные поклонницы? В трубку бы дышали?

— Как же мы так растерялись? Упустили такой кадр! Ты видела, какая у него машина? А водитель? А туалетная вода?

Через неделю, когда страсти почти улеглись, на маленькой асфальтовой площадке у крыльца факультета стояла белая „ауди“. Мы с Алиной замерли на пороге.

— Не может этого быть!

— Ты думаешь, это он?

— А кто же еще? Как он нас нашел?

Из автомобиля вышел Сергей и открыл нам заднюю дверь, приглашая жестом.

— Я проезжал мимо. Вы торопитесь? Я могу вас подвезти, или, может, пообедаем?

Мы в ресторане, о котором никогда не слышали. Уютный ВИП-зал. Сергей расспрашивает про студенческую жизнь, кивает, смеется, про себя ни слова. Он в серой водолазке под цвет глаз, даже я понимаю, что на нем дорогой костюм. Он произносит сложные названия вин и заказывает блюда, не глядя в меню. Я подумала, что Алина, наконец, нашла своего принца. Она умело поправляет волосы, перекидывает стройные ноги и от прищуренного, с поволокой взгляда Сергею уже точно никуда не деться.

После ресторана Сергей отвез нас по домам. Сначала вышла Алина, на прощание улыбнулась: „До скорой встречи! Было очень приятно!“

У моего дома Сергей вышел из машины и дошел со мной до подъезда.

— Я по работе часто уезжаю.

Я не поняла, к чему он, и удивленно жду продолжения.

— Я хотел спросить, могу ли позвонить тебе в следующий раз, когда приеду?

Я все еще удивленно смотрю на него.

— Ты сможешь со мной встретиться? — Сергей легко прикасается губами к моим пальцам и выжидательно смотрит.

Я окончательно теряюсь, краснею, покрываюсь мурашками, бормочу: „Конечно, конечно...“

Это был очень странный роман. Сергей пропадал и появлялся снова, когда я начинала думать, что он уже забыл про меня. А он вдруг заезжал в университет, забирал меня посередине урока: „Я соскучился!“

На прощание Сергей провожает до подъезда и целует руку, как в самый первый раз. И, как в первый раз, я никак не научусь справляться со смущением. Он постоянно меня провоцирует, но зачем? Смотрит-разглядывает, не отводит глаз. Поправляет выбившиеся волосы. Иногда неслышно подходит со спины и берет осторожно за локоть, продолжая что-то рассказывать. Я замираю на месте и пытаюсь сконцентрироваться на дыхании. Интересно, ему заметно, как он на меня действует? Голова кружится, мысли путаются, голос пропадает или дрожит, и я просто киваю в ответ на его вопросы. Я стараюсь ничем себя не выдать. И он ничего не замечает, отходит на безопасное расстояние и, как ни в чем не бывало, продолжает разговор. Я понимаю, что это какая-то игра. Но во что мы играем?

Через несколько месяцев после нашего знакомства Сергей привез меня в загородный коттедж и провел к сервированному столу. Я развернулась и вышла из комнаты.

— Где здесь спальня? Я не могу больше.

Я выдохнула и взяла его за обе руки:

— Ты растишь во мне сексуального маньяка? Сергей смеется и притягивает к себе. Он медленно целует в губы, не моргая смотрит в глаза, подчиняя себе, подчиняя своему сбивающемуся дыханию. „Какой же он уверенный и опытный“, — пробегают в голове ничего не значащие мысли. Он так не похож на других, на моих бывших. Как точно я теперь понимаю, что все они просто мальчишки — жадные, голодные, нетерпеливые. И я тоже такая, и я не умею, даже и не знаю, что этой сильной сокрушительной энергией можно управлять. Еще как можно! Можно наслаждаться медленно, чувствуя и растягивая каждое движение до изнеможения, до стона. Стон невозможно сдерживать, и я кричу, чтобы освободиться от этой перекипающей, разрушительной

силы волны. Я узнаю себя, по-новому открываю мир и как будто впервые знакомлюсь со своим телом.

Новое чувство не похоже на любовь, это, скорее, наркотик. Он — мой личный наркотик. А наркоманы не умеют останавливаться. Вот уже почти год я живу в мире, имеющем смысл только при очередной дозе. Есть жизнь, а есть наркотик, о котором думаешь, когда просыпаешься, когда засыпаешь, когда ешь, куда-то идешь, общаешься с друзьями.

— Ты что, спишь, что ли? — Алина трясет меня за руку.

— Так как ты думаешь, этот фонетист правда такой бабник? — Алина подкрашивает губы, хищно улыбается своему отражению в маленьком зеркальце и размышляет о сдаче экзамена: зависит ли оценка от длины юбки. Я вяло поддерживаю разговор про юбки и предстоящую сессию.

Конечно же, Алина — самая близкая подруга и посвящена во все подробности моего романа. Сергей к тому времени ей давно разонравился.

— Он совсем не в моем вкусе и к тому же старый. Сколько ему? Лет 30 или, может, все 35? Вот увидишь, у него наверняка есть лохушка-жена и семеро детей. Куда он так часто уезжает? Ты что о нем вообще знаешь?

Мы пьем кофе. Мне совершенно нечего ей возразить. У меня глаза голодной кошки. Мне абсолютно все равно на то, кто он и сколько у него детей и жен. Я говорю Алине:

— А разве это важно? Я же не собираюсь

за него замуж. Мне пока очень хорошо с ним. Потом — кто знает, что будет потом? Ты не понимаешь, меня трясет от одной только мысли о нем.

Так же не может быть всегда? — Ну да, ну да, понимаю, ты просто влюбилась и, как все влюбленные, сразу стала дурой.

Алина сердито передергивает плечом.

— Мы ведь так и не

знаем, почему нас тогда отпустили бандиты. Кто он такой? Скорее всего, тоже бандит. Нашла в кого влюбиться...

Я точно знаю, что не влюбилась, но не пытаюсь переубедить Алину. Как объяснить тому, кто не знает про наркотик? А

про то, что он, возможно, бандит... Ну и что. По большому счету, это тоже не играет роли. Да, мне немного не по себе от нашей связи. Он главный, он решает за нас обоих, он знает про меня все. А что известно мне? Он нехотя отвечает про какой-то бизнес и часто летает на Север.

— Почему нас тогда отпустили? Ты тоже бандит? — спрашиваю я.

— А кто сейчас не бандит?

Сергей прищуривается, и видно, что он не настроен говорить серьезно. Он гладит меня по спине, и я отвлекаюсь на прошедшую по телу волну. Дальше говорить на эту тему мы оба не хотим. Потом я задаю ему более важный вопрос:

— Я никогда не знаю, когда мне ждать тебя и ждать ли вообще. — Я приеду, и ты сразу об этом узнаешь, — говорил он, улыбаясь.

Съемные квартиры, отели, загородные коттеджи. Может быть, у него действительно где-то есть семья.

— Не забывай себе голову. У меня никого нет, кроме тебя. Разве ты еще не научилась это чувствовать?

Сергей смотрит на меня с наигранной досадой.

— Иди ко мне! — говорит он хрипло. — Скажи, неужели ты не чувствуешь, как я по тебе скучаю?

Он притягивает меня к себе, и мне передается его желание. Он прав — я знаю, как он соскучился, но все равно говорю: „Не знаю, я ничего про тебя не знаю...“ Я замечаю, что опять расстигаю только что тщательно заправленную рубашку, облизываю пересохшие губы, прижимаюсь к нему. Он перехватывает мою руку и говорит неожиданно резко:

— Ты, главное, учись и не занимайся глупостями. Пообещай не ходить с этой своей подружкой по злачным местам. Ты же знаешь, я все равно все узнаю.

И узнал.

Один из затянувшихся даже для Сергея отъездов. Я уже давно начала общаться с друзьями и выходить на вечеринки. Первая стадия — ожидание, когда придет Сергей, — быстро закончилась. Мне надоело ждать. Правда, и с Алиной ходить на поиски „самого-самого“ тоже стало скучно. Хорошо, что и она успокоилась и стала больше общаться с „народом“. Может быть, ей просто не хватало моей компании. Особенно тогда, когда приезжал Сергей. Мы стали видеться намного реже, но все равно оставались самыми близкими подругами.

Ничего не предвещавшая вечеринка в гостях у однокурсницы. Давняя, еще детская и, казалось, почти забытая любовь. Костя. Как он там оказался? Дальше я сама не заметила. Все как в старом избитом сценарии: вечер-свечи-плечи... На другой день я сказала Косте: „Я не могу с тобой видеться. Считаю вчерашнее просто дань прошлому. Нет, это не резко и не вдруг. У меня другой мужчина, я жду, когда он вернется“.

Сергей появился через неделю, и опять моя жизнь стала принадлежать ему. В одном из ресторанов мы вдруг встретили Костю. Сергей и Костя пожали друг другу руки. Я окаменела. Костя кивнул: „Привет!“

— Вы знакомы? — удивился Сергей.

— Мы знакомы с детства, — ответил Костя и улыбнулся той самой обескураживающей улыбкой, стоившей мне теперешних нервов. — А откуда ты знаешь Костю? — спросила я, когда Костя отошел и ко мне вернулся дар речи.

— Мы с его отцом как-то одним делом занимались. Хороший мальчишка. Тоже, вроде бы, студент.

Больше про Костю разговоров не было. Через несколько дней

Сергей заехал за мной с утра и привычно повез в университет.

— Прощай, — сказал он, остановившись недалеко от факультета. — Мы больше не увидимся.

— Как не увидимся? — удивилась я.

— Не как, а почему. И знаешь, почему? Я не хочу тебя больше видеть!

Сергей уехал раньше, чем я опомнилась. Я стояла на самом краю дороги, пока проезжающий мимо грузовик не привел меня в чувство длинным сердитым гудком. Невероятно глупая и жестокая шутка? Я ждала, что он сейчас вернется из-за поворота, хотя такие шутки совсем

не в его стиле. Я — брошенная женщина? Меня бросили на обочине, меня не хотят больше видеть. Два противоречивых чувства: полная нереальность происходящего и подкрадывающаяся откуда-то из глубин подсознания уверенность — так все и есть, он тебя бросил, он больше не вернется. Почему? Что случилось? Он даже не захотел объяснить. Медленно и сразу по всем фронтам наступает боль, или это называется отчаяние? Как же это, оказывается, невыносимо. Больно и противно сразу везде и нигде конкретно. Разрывается душа? Или это наркоманская ломка от осознания, что дальше ничего не будет? От брошенных небрежно слов: „Я не хочу тебя больше видеть“ — в горле непонятный спазм и стыдно. Боже, как стыдно. Неужели Сергей мог так сказать? Мне? Нет, это был чужой, незнакомый мужчина со сжатыми в полоску белыми губами. Почему же я еще чувствую его запах? И это все? Его больше не будет? Я стою на пороге университета и жду Алину.

— Ну, когда же ты придешь?

— Мне надо срочно что-то делать. Как мне быть, Алина? Я знаю, что должна что-то делать. Что делают в таких случаях? Вместо лекции мы пьем уже десятую чашку кофе. У Алины распухший от сострадания нос, и она продолжает его тереть, уговаривая меня не падать духом:

— Смотри, я утащила у отца крутые сигареты. Будешь? Кури, говорят, помогает. А он передумает, слышишь. Что за муха его укусила? Может быть, у него все же есть жена, и она его застучала? Ну не плачь, не плачь, видишь, уже и у меня тушь потекла... Что же нам делать?

Мы так ничего и не придумали.

Через несколько недель отмечали конец зимней сессии. Решили собраться всей группой. Я тоже пошла. По инерции. Я все тогда делала по инерции. По инерции заставляла себя веселиться. Я запретила себе думать о Сергее, уговорила себя, что так, пожалуй, даже лучше. Лучше расстаться сейчас, чем потом. К чему этот странный роман двух одержимых людей без будущего? Расстаться мы должны были неизбежно. Думаю, что мы оба понимали это, хотя никогда не рассуждали об этом вслух. Я как-то сказала, что после учебы думаю уехать за рубеж. Он сказал: „Да, там другая жизнь“. И больше мы к этой теме не возвращались.

Я научилась обходиться без наркотика. Пропала необходимость ждать, когда он вернется. Теперь я знаю, что не вернется. Когда знаешь, все намного проще. Проще жить. Сложнее оказалось с самооценкой. „Я больше не хочу тебя видеть!“ Что произошло? Еще несколько дней назад он раздевал меня в лифте, в его серых глазах не было дна, и он хрипел, когда ключ не проворачивался в замочной скважине. И вдруг он больше не хочет меня видеть? Или у него появилась другая? Тогда почему так грубо? Во всем должен быть смысл. Я все время прокручивала в голове и не могла понять, что произошло? Какое-то время казалось, что моя жизнь теперь будет чередой мужчин, которые будут бросать меня, не объясняя причин, а я, в свою очередь, не смогу доверять никому из них.

Где-то в середине вечерники Алина сказала: „Ой, как жаль, но я уже должна идти. Я обещала родителям вернуться пораньше“. Алина задумчиво посмотрела на часы и встала. „Мы едем всей семьей к бабушке на юбилей. Мне придется вас покинуть“.

Я уговаривала Алину остаться еще хотя бы на чуть-чуть:

— Без тебя станет совсем тоскливо.

— Ну ты же знаешь, что ради тебя я бы осталась... Видишь ли, я обещала дома и не хочу ссориться с родителями перед каникулами. Алина вызвала такси и уехала.

Я, осиротев, не нашла чем себя отвлечь и стала послушно поднимать бокал за каждый без-

умный тост. Решение появилось внезапно, в какой-то момент я четко поняла, что надо делать, и удивилась, что не додумалась до этого раньше. Я незаметно покинула вечеринку и вывалилась из шумной духоты в черный зимний вечер. Я шла по дороге, пошатываясь и спотыкаясь, мимо каких-то заборов и гаражей, почти заблудилась, замерзла и заплакала от безысходности. Когда откуда-то вынырнуло такси, я не раздумывая села и назвала адрес.

— Я ненадолго. Подождите меня, пожалуйста, здесь, — попросила таксиста, выходя.

Я нашла его. В съемной квартире горел свет. Он дома. Я не думала, как выгляжу, и вспомнила, только когда Сергей открыл дверь и молча стал рассматривать меня. Он всегда любил разглядывать меня, и мне нравилось, меня заводило. Но теперь я вдруг увидела себя его глазами. Растрепанные, мокрые от тающего снега волосы, красное, распухшее от слез и мороза лицо, распахнутая шуба с нелепо свисающим шарфом. Убегать поздно, да и зачем? Я не для этого здесь.

— Скажи — почему? И я сразу уйду, — постаралась сказать я без запинки.

Сергей все также молча попытался закрыть дверь. Проворная для своего состояния, я успела вставить в щель ногу.

— Я же сказала, скажи только, в чем дело.

От страха я начала икать.

— Я не прошу тебя быть со мной. Я просто хочу знать, в чем я перед тобой виновата? — я делаю паузу, икаю и начинаю свирепеть от ненависти и жалости к себе: — Почему ты не приглашаешь меня пройти? У тебя там кто-то есть?

Я попыталась заглянуть за дверь. В дальней комнате горел приглушенный свет.

— Я же сказал, что не хочу тебя больше видеть. Уходи.

Я развернулась и пошла, шатаясь, вниз по лестнице. Дверь за спиной захлопнулась. Когда я дошла до последнего пролета, дверь снова открылась.

— Тебе было хорошо?

Сергей догоняет меня и трясет:

— Тебе было с ним хорошо? Ведь ты была с ним? Ты была с ним?! Я вырвалась:

— Пусти! С кем с ним? Ты о чем?

Я уже не вытираю слезы мокрым шарфом, и они катятся по подбородку, стекают теплыми каплями по шее. Сергей стоит в дымке, и свет от лампочки за его спиной скрывает выражение глаз, окружает светящимся нимбом темный контур.

— Ты спала с Костей?

Я побежала вниз по последним ступенькам.

— Ты спала с этим придурком Костей? — снова кричит Сергей и пытается поймать меня за кончики шарфа, перегнувшись через пролет перил.

— Ты ничего не знаешь, и не смей меня в чем-то обвинять, — закричала я в ответ и выбежала из подъезда, чуть не упав на заледеневшей ступеньке перед подъездом.

Такси стояло, там же, где я его оставила, с включенным мотором и оглушительной музыкой, слышной даже из-за закрытых окон.

— Быстрее, мне надо быстрее! — закричала я, стараясь перекричать динамики, заметив, как Сергей уже выбежал из подъезда и неуклюже машет руками, пытается удержать равновесие на скользком пороге.

Костя открыл дверь и присвистнул: „Какие люди! Чем обязан? Ты себя в зеркале видела? Что случилось?“ Протянув домашние тапки, он сделал приглашающий жест: „Проходи“.

Я прошла в квартиру в шубе, зачем-то переодев тапки. — Костя, зачем ты это сделал?

Костя в джинсах и майке с наушниками на шее. — Я сделал что?

— Ты прекрасно знаешь, о чем я.

— Представляешь, а я не знаю.

Костя развалился на крутящемся черном кресле, вальяжно откинувшись на спинку, нога на ногу.

— Я специально приехала посмотреть тебе в глаза, — сказала я совсем устало. — Я не понимаю, какую цель ты преследовал. Я не думала, что ты такой... такой... мелкий, мстительный, такой... Ты же был всегда настоящий. Что с тобой случилось? Зачем?

— Или ты, наконец, объяснишь, в чем меня обвиняют, или сначала поспи, а потом продолжим этот бессмысленный разговор. Какой мстительный-мелкий-настоящий? О чем ты говоришь? — Костя оттолкнулся ногой и сделал круг на своем кресле, потом еще один.

— Зачем ты рассказал Сергею про ту ночь?

Костя резко притормозил, не успев закончить начатый круг, и уставился на меня не мигая. А он все-таки очень хорош.

Костя как будто прочитал мысли и одарил меня своей неотразимой улыбкой.

— Сергей — это тот самый твой „мужчина, которого жду из дальних странствий“, как я понимаю, тот, с которым ты была в ресторане? Кстати, молодец, поздравляю, крутого мэна отхватила...

Я зачем-то кивнула.

— Так что я ему рассказал? Ты бредишь, что ли? Я его вообще знаю только через отца. Сама подумай, зачем мне идти к нему и исповедоваться? С какой целью? Откуда он вообще про нас узнал?

— Костя, узнать он мог только от тебя. Больше не от кого. Перестань дурачиться, просто скажи, зачем ты это сделал. Я очень от всего устала.

— Я тебе уже сказал, что от меня он ничего узнать не мог. Значит, знал кто-то еще. Вспоминай, с кем делилась своими секретиками.

— Знали только ты и я. Ну еще Алина. Но она вообще ни при чем. Она и Сергея-то толком не знает. Она — моя лучшая подруга. Она бы никогда не стала...

Костя еще раз крутанулся на кресле и вернулся с телефонной трубкой в руках. Молча протянул мне.

— Звони подруге. Сейчас ты у нее спросишь, зачем она рассказала Сергею. Звони!

— Ты дурак, что ли? Я же говорю, она не могла. Она сейчас у бабушки. И уже поздно для звонков в любом случае. Костя, перестань придумывать. Это не она, — я вспомнила Алину, вытирающую слезы. — Она не могла! Какая глупость!

— Звони. Просто позвони и спроси.

Я набираю номер, который знаю наизусть. Длинные гудки. Потом встревоженный голос Алининой мамы:

— Что случилось? Почему ты так поздно звонишь? Что-то с Алиной?

— Как с Алиной? А разве она не с вами? Вы не поехали к бабушке?

— Ты что, пьяная совсем? К какой бабушке? Где Алина? У вас уже закончилась вечеринка?

Я положила трубку на рычаг. Костя все понял и смотрел с жалостью в кривой ухмылке.

— Я поеду, Костя. Прости за поздний визит.

Я вымыла лицо под холодной водой и отстранила Костю.

— Может, останешься?

— Нет, мне надо подумать... — и вышла на морозный воздух.

Обжигающий колючий ветер набросился на лицо, шарф в истерике захлестал по щекам. Я вяло удивилась: откуда этот холод? Неужели во сне бывает колючий ветер? Я выпила лишнего, я скоро проснусь, и все будет как прежде...

- - -

Я посмотрела на Аксея. Он что-то сказал, а я прослушала.

— Я так рад, что твоя подруга сможет приехать. Я завтра же сделаю приглашение для визы. Надеюсь, что успею познакомиться с Алиной до отъезда в Америку.

— Думаю, что успеешь. Она обещала вылететь сразу, как получит визу.

Глава 17

Валькирии на старте

Сергей

Тогда я не позвонила Алине ни на следующий день, ни потом. После каникул она не пришла на учебу. Одноругпница, пожав плечами, сказала:

— Она же уехала на два месяца в Англию. Разве ты не знала? Ты же ее лучшая подруга... Я сказала, что знала, но забыла.

Какое-то время я думала, что сошла с ума, или сплю и не могу проснуться. Так не бывает в жизни! В книгах, в фильмах существуют вампиры, отпетые мерзавцы и верные подруги, которые уводят из-под носа мужчин. Но неужели так бывает на самом деле? Неужели так произошло со мной? Получается, что я ничего, абсолютно ничего не знала про Алину. Именно мне достался главный приз в номинации „Лохушка года“.

Я пыталась оценить жизнь с новой открывшейся для меня перспективой: я — наивная дура, Алина — непревзойденная актриса и мастер манипуляций доверчивыми идиотками. Хотя, о чем это я? Она всегда такой была, и почему я считала, что являюсь для нее чем-то особенным? Все встало на свои места. Ее настойчивые уговоры бросить Сергея как ненадежного, криминального, женатого, старого — не моего, мне не подходящего. Ее подробные расспросы и незамедлительная готовность нестись ко мне в любое время, если речь шла о Сергее. Как же долго она ждала своего момента? Интересно, она планировала и ждала удобного случая или все получилось спонтанно, и я сама вручила ей необходимые козыри, отчитавшись об измене с Костей?

Разрешить сомнения помог вдруг появившийся Сергей. Он заехал, как обычно, без предупреждения, и я столкнулась с ним на крыльце факультета.

— Я хочу поговорить с тобой.

— Говори.

Я смотрю на него и поражаюсь сама себе, что могу так равнодушно отвечать. И даже когда он протягивает руку и берет меня под локоть, я ничего не чувствую. Мне все равно! Мне так прекрасно безразлично!

— Садись в машину, пообедаем и поговорим.

Он, как всегда, уверен в себе и ждет, что я последую за ним.

— У меня другие планы, — аккуратно освобождаю свою руку. — Говори здесь.

— Давай хотя бы в машине.

Видимо, Сергей не ожидал такой реакции. Забавно наблюдать, как он растерян.

Я не собираюсь ему помогать.

— Что ты хочешь мне сказать? Мы уже все выяснили. Ты меня не хочешь видеть. Зачем ты приехал? Алина еще в Англии, если ты за ней.

— Так ты знаешь?

Сергей смотрит в глаза. У него, оказывается, очень холодный серый взгляд.

— Теперь знаю. Что-то еще?

Мы стоим на виду у всех. Сергей выделяется на фоне студенческой толкотни. Высокий, статный, весь в черном и белое кашне. На какой-то миг появляется забытое чувство гордости: это мой мужчина! Он приехал ко мне. Небольшая компания однокурсников ждет меня в нескольких шагах. Они перешептываются, глядя на нас, и подходят ближе, спрашивают, иду я или нет. Ребята в открытую рассматривают Сергея, а он делает вид, что не замечает их. Я отвечаю: „Конечно, иду“. Сергей говорит громко, но не поворачиваясь к ним: „Она присоединится к вам чуть позже“ — и мне: „Я отвезу тебя“.

Кто-то из мальчишек спрашивает: „У тебя все нормально? Может, нам подождать?“ — „Не надо. Я скоро. Идите пока без меня“.

Мы идем к машине. У меня отличное настроение, и очень любопытно, о чем он хочет поговорить. Я наслаждаюсь свежим ощущением своей независимости.

Не хочу уезжать далеко, и тем более не хочу ни в какой из наших ресторанов. Вообще не хочется затягивать с этой непонятной встречей. Здесь все-таки почти моя территория. Прошу заехать в кафе недалеко от универа. Сергей оглядывает обшарпанную обстановку, зачем-то трясет стул, прежде чем на него сесть.

— Тебе что-то заказать? Ты голодная?

Зачем он это спрашивает? Какая ему разница — голодная я или нет? Ах да, конечно, он же галантный и внимательный.

— Я буду кофе.

Сергей ждет, когда принесут кофе. Нам насыпают Nescafe из красных пакетиков и пододвигают заляпанную сахарницу. Сергей берет бокал и начинает мешать кофе пластиковой палочкой.

— Я решил поговорить с тобой. Спокойно. Без эмоций, — Сергей не смотрит на меня, он продолжает размешивать кофе. — И ты еще обижаешься? А ты вообще понимаешь, как я был на тебя зол?

Мне показалось, что он сейчас начнет кричать, и я напряглась, собираясь встать.

— Ну ладно, прости. Я не хотел сейчас об этом...

— Мне твои извинения не нужны. О чем ты хотел поговорить? Сергей с трудом отрывает взгляд от кофе и смотрит на меня.

— Почему Костя?

— А почему Алина?

Сергей размешивает кофе, и в бокале уже царит настоящий торнадо.

— Вряд ли ты знаешь все. Уверена, что хочешь подробности?

Я молчу и просто смотрю на него. А он действительно старый. Какие глубокие морщины над губами и совсем седые виски. Кожа тонкая, бледно синие идеально выбритые щеки, темные круги под глазами. Он так изменился или я раньше не замечала?

— Она никогда мне не нравилась. Это первое. Она сама настояла на встрече, сказала, что это важно, что надо поговорить о тебе. Я согласился, думая, что это может быть что-то важное, а она стала говорить, что я тебя плохо знаю, что ты мне не пара. Она много раз повторила, что ты собираешься насовсем уехать из страны, что ты не относишься ко мне серьезно. Ну и все в этом духе.

— Все правильно говорила. Я тебе об этом, кстати, тоже рассказывала как-то, но ты не придавал значения.

— Да, когда ты мне об этом сказала, я растерялся и в то же время понял, что Алина, возможно, ничего не придумывает. А как, по-твоему, я должен был отреагировать? Не уезжай? Остайся со мной? Я и сам не знаю, что будет со мной завтра. Как я могу тебе что-то предлагать?

— Почему же ты не остался с ней? Она красивая, пока никуда не собирается уезжать, и ты — мужчина ее мечты...

Я говорю эти слова и на самом деле начинаю верить, что Сергей и Алина были бы отличной парой. Эта мысль не только не ранит меня, а наоборот, кажется прекрасным решением, и как жаль, что мы не додумались до этого раньше.

— Ты сама не знаешь, почему я с тобой, я не с ней?

Я качаю головой.

— Нет, не знаю.

— Нет, ты знаешь! А я знал это с нашей первой встречи, там, еще в баре, где к вам привязались эти малолетки. Я тогда просто озверел, когда увидел тебя, и уже тогда захотел тебя. Я так долго ждал. Ждал, когда ты тоже это поймешь. И я дождался. Ты сама сказала, что не можешь больше. Я оказался прав — мы идеально подходим друг другу.

— С Алиной вы тоже идеально подходите друг другу. Вас очень сближает стиль — притворяться и врать. Вы встречались у меня за спиной, и я ничего об этом не знаю. Моя лучшая подруга и мой... кто ты мне, кстати? Мой любовник? Тебя устраивает наш союз? Я жду тебя, мы прекрасно проводим время, не вылезая из постели, и ты опять пропадаешь. Может быть, ты вообще никуда не уезжал, а встречался по очереди то с Алиной, то со мной?

Я произношу вслух эту фразу и замираю от ужаса: неужели так и было? Нет, не может быть.

Сергей устало смотрит на меня:

— Ты сама-то понимаешь, какую несешь чушь? Алина, повторяю, никогда меня не интересовала. Я знаю, что она думает иначе и привыкла всем нравиться. Она просто бесилась, что я на нее никак не реагирую, — Сергей что-то вспомнил и заулыбался. — Знаешь, мне больше всего понравился момент, когда она на коленях просила меня быть с ней. Кстати, обещала неземные радости секса и свою девственность в придачу.

Я не представляю надменную Алину на коленях, и тем более уговаривающую кого-то, пусть даже Сергея, на близость. Скорее всего, он лжет или хочет покрасоваться передо мной. А если даже так и было, разве мужчины рассказывают о подобном? Мне становится противно. Интересно, а что же он рассказывал Алине про меня? Может быть, тоже какие-то скабрзные подробности наших отношений. Меня передергивает — мерзко.

— Я так и не поняла, зачем ты с ней в таком случае встречался? — Она рассказывала мне о тебе. Мне нравилось знать о тебе все. Это своего рода власть над ситуацией. Я привык все контролировать.

Сергей вздыхает, и в его серых глазах отражается усталость. Я все так и не могу понять, зачем он здесь и для чего начал этот неприятный для него разговор.

— То есть Алина изначально должна была шпионить за мной?

Это уже слишком. Что он мне рассказывает? Откуда вдруг такая словоохотливость? Он стал другим или я изменилась? Он мне даже не симпатичен. Но неужели в том, что он говорит, есть хотя бы доля правды?

— И как часто вы с ней встречались?

— Не часто. Всего три раза. Последний раз был как раз, когда она рассказала мне про этого Костю, и потом еще один раз, когда она приехала ко мне вечером предлагать себя. Она приехала незадолго до твоего триумфального появления: „Скажи почему, и я уйду!“ — Сергей изображает пьяную меня, имитируя жестом мои метания с шарфом, перекидывая с плеча на плечо кашне и выразительно икая. — Представляю, что бы было, если бы я тогда тебя впустил в квартиру. Он почти смеется. Ему эта история кажется смешной.

— Ну, ты и не пустил меня в квартиру. То есть Алина победила? К тому же ты сразу и безоговорочно поверил ей?

— Скажем так: она была убедительна. Заметь, я больше не спрашиваю, правда это или нет. Я только что понял, что все это уже не имеет значения. Видишь, я здесь, — Сергей разводит руками, чтобы я могла убедиться, что он здесь. И продолжает, накрыв мою руку своей: — Я хотел поговорить с тобой. Обо всем. Теперь все в прошлом. Я простил тебя. Моя маленькая глупая девочка, ты же больше не будешь? — Сергей держит меня за подбородок, и я узнаю этот взгляд. — Я соскучился. Поехали отсюда? — Сергей брезгливо отодвигает кофе, так его и не попробовав.

Мы опять в теплой и пропахшей его туалетной водой машине. Играет „Наутилус“.

Ну! Разденься!

Выйди на улицу голой

И я подавлю свою ревность,

Если так нужно для дела,

Разденься!

Я подпеваю и вдруг говорю Сергею:

— У нас с тобой ничего не получится. Я больше не хочу тебя. Я не верю тебе. Можешь остановиться здесь. Я сама дойду.

Он резко тормозит, и я молча выхожу из машины. Он уезжает. Теперь уже точно навсегда.

И опять я ошиблась. Сергей начал преследовать меня. Цветы, подарки, уговоры поговорить, что я все не так поняла, а он все не так объяснил. Потом последовали угрозы: „Я буду следить за тобой! У тебя не будет никого, кроме меня! Я сделаю так, что к тебе и на шаг никто не приблизится!“ Я смотрела на него и думала: „Как этот человек мог быть центром вселенной?“ Воспоминания о былой близости стали казаться отвратительными. Наркоман должен знать, когда остановиться. Я смогла, а он, видимо, нет. Удивительная штука время и память. Время лечит раны, память оставляет главное: „Я не хочу тебя больше видеть..“. Хочу, не хочу... Кажется, мне больше не интересны мужчины с нестабильными предпочтениями — теперь я больше не хочу его видеть. И мне даже не больно от этого, мне никак. Сергей — это уже прошлое.

Первые дни и недели я думала, представляла, что скажу Алине при встрече. Пусть только

вернется из Англии! Если сначала я думала, что хочу убить, раздавить ее, готовила сложные обвинительные речи, то потом, после разговора с Сергеем, мне стало ее жаль. Даже если половина из рассказанного Сергеем правда, то она уже наказана. Она унижалась перед моим мужчиной, а я об этом знаю. Алина вернулась из Англии. Время опять сыграло странную шутку. Мне вдруг стало совсем не интересно выяснять у Алины, зачем и как она могла. Мне стало и здесь все равно. Она испуганно отшатнулась, поравнявшись со мной в коридоре. Я сказал: „Привет! Как съездила?“

Мы больше не общались. Алина стала часто посещать студенческие вечеринки и как-то, видимо, не рассчитав сил с мартини, решила на откровения.

— Я для тебя, между прочим, старалась. Ты все неправильно поняла. Он тебе совсем не подходит. Это мой мужчина, а тебе он зачем? Ты же хотела уехать? Ты же всегда говорила, что здесь не может быть ничего настоящего. Для меня же он и был настоящим. А тебе бы он только усложнил все! Думаешь, он из тех, кому потом машут ручкой и говорят: „Прощай, мой милый, я уезжаю насовсем“. А я, может быть, в первый раз в жизни влюбилась. Ты убивала меня своими рассказами. Ты знаешь, как мне было плохо?

— Нет, я не знаю, как тебе было плохо. Я даже не помню, как было плохо мне. Я уже забыла эту историю. Зачем сейчас об этом? Расслабься.

Вскоре я познакомилась с Ним. Мальчик — студент. Голубоглазый, понятный и верный. Мальчик с большой собакой, которая терялась в коридорах министерской квартиры. Я почувствовала себя юной, безгрешной, совсем другой — новой. Мы придумали себе неземную любовь и на два года потерялись из тусовок, интриг, предательства и измен. Целых два года бесконечного розового счастья. Неужели когда-то в моей жизни существовали Сергей и Алины? Даже странно. Это, наверно, была не я.

За два года я полностью восстановилась, поверила в себя, пропиталась нежностью и начала уставать от беспечности. Прости меня,

я уйду дальше, ты остаешься. Надеюсь, что ты так и поселишься в моей памяти — солнечный мальчик с большой доброй собакой.

- - -

И вот я позвонила Алине из Берлина.

— Как жизнь? Чем занимаешься?

— Ты же знаешь... Что тут можно делать? Тону в болоте. Серость и тоска. А ты, говорят, в Германию все-таки уехала.

— Да, скоро свадьба с немцем.

— Молодец. Добилась своего. А у меня полный треш. Я все время вспоминаю наши с тобой времена. Лучше тебя у меня подруги так и не появилось. Помнишь, как нам было весело?

— Поэтому и звоню. Жених уезжает на месяц в Штаты. Я остаюсь одна. Хочешь, приезжай.

— Ты серьезно? А как же...

— Да при чем тут то „как же“! Просто приезжай и все. Кто старое помянет...

Я поговорила с Алиной по телефону и подпрыгнула от радости. Алина приедет, мы встряхнем этот сонный упорядоченный мир. Нет, я больше не боюсь ее предательства. Я знаю, кто она — она больше

не представляет опасности. Разве не замечательно, когда больше не боишься разочароваться? Я точно знаю, кто рядом и чего от нее ждать. А пока она будет меня развлекать, у меня на нее грандиозные планы: я желаю крутейший девичник длиною в целый месяц. Если уж выходить замуж без любви за скучное уравновешенное постоянство, то тогда пусть на прощание будет оркестр, чирлидер и вечеринка валькирий нон-стоп.

Алина приехала незадолго до отъезда Акселя. А тот и тут успел составить программу пребывания специально для Алины.

— Я хочу, чтобы твоей подруге понравился Берлин. Я покажу ей самое интересное.

Алина понуро ходила по аллеям парков и залам музеев. Улыбалась и изображала интерес, когда Аксель смотрел на нее. Ничего не изменилось. Алина осталась верна себе.

— Когда уже закончатся эти дурацкие музеи? — спросила она у меня. — Вы так все время проводите? Скорее бы он уже уехал, что ли.

И улетел. Мы не поехали провожать в аэропорт. Наверное, он хотел, но мы согласно ухватились за его фразу: „Там дождь со снегом. Вам лучше остаться дома. Я возьму такси“.

— Удачно съездить и звони-пиши, как сможешь!

— Я буду звонить каждый день.

— Хорошо.

Аксель поцеловал меня в щеку, посмотрел пронизательно в глаза: „Я люблю тебя, ты знаешь“. Дверь закрылась, успев запустить в прихожую порыв холодного воздуха.

— Не могу поверить, что это правда! Мы одни! Предлагаю открыть шампанское.

— Давай! Понеслось!

Рано утром две девушки у окна смотрят на мокрые снежинки с бокалами в руках, потом распахивают окно настежь, ставят на подоконник синтезатор. Громко, на всю улицу, замедляя ход пробежавших под зонтами прохожих, раздается грустная мелодия: „Не слышны в

саду даже шорохи, все здесь замерло до утра“. И хор двух хохочущих в пижамах подруг: „Если б знали вы, как нам дороги подмосковные ве-че-ра-а-а-а“.

Мы заехали на чай к сестре Акселя Селене. „Лохушка“ — был моментальный вердикт Алины о ней.

— Она ни краситься, ни одеваться не умеет. Почему она ездит на такой стремной машине? У нее, что денег нет на нормальную?

Селена сказала мне на кухне: „Ты меня прости, но мне как-то не понравилась твоя подруга“. Я от удивления поперхнулась горячим чаем. Это так на нее не похоже. Осуждение? Моей подруги? Мне в лицо?

„Почему?“ — удивленно спросила я. Селена задумчиво ответила: „Мне кажется, она очень, как бы это правильно сказать... Фальшивая? Так говорят у вас?“

Аксель, в отличии от сестры, безмятежный и доверчивый, угощал, рассказывал, смеялся и говорил, что с тех пор, как у него есть я, он — самый счастливый человек на земле.

Алина вторила:

— Второй такой не найдешь! Тебе очень повезло!

— Я знаю, — кивал Аксель серьезно.

— Спасибо, что приехала. Ты настоящий друг, готовый по первому зову приехать на помощь. Я очень это ценю. Я так рад, что познакомился с лучшей подругой моей будущей жены!

Глава 18

Кумпель ищет жениха

— А давай искать мне мужа? Я тоже хочу жить здесь! — сказала Алина. — Открывается месяц охоты на немецкого жениха.

— Ты знала, что валькирии не убивают, а лишь подбирают подбитых воинов, решая кому жить, кому умереть?

— Нет, этого я не знала. Но мы и не будем убивать. Мы просто поиграем.

Я почти замужем, у меня в гостях бывшая подруга — пригретая у сердца змея. Я не факир, но почему-то думаю, что теперь у меня есть дудочка. Я могу помочь Алине в поисках жениха. Я хочу увидеть своими глазами „охоту“, да чего уж там, мне хочется во всем этом поучаствовать. Я устала от монотонных будней. У меня всего один месяц на приключения. Алина для меня не опасна. Что может быть хуже одиночества в чужой стране? Почему именно Алина?

Потому, что все мои любимые подруги или с мужьями, или с принципами. Ни с кем из них не получится творить то, чего мне сейчас так хочется. Уверена, любая из них скажет: „Одумайся, у тебя такой хороший Аксель, не испортить всего... Тебе повезло! Ты же такая счастливая!“ Хорошим подругам трудно объяснить, что в тебе живет бес, что от предстоящего счастья с Акселем хочется выть. Подруги не поймут, родители уже не поняли. Я не делюсь больше ни с теми, ни с другими. Мои близкие люди рады за меня. А я пытаюсь понять, зачем мне это все. Я буду здесь счастлива?

В мире, где Интернет еще не является единоличным источником информации, без газет не обойтись. К нам в почтовый ящик каждый день бросают бесплатные. Раздел „Одинокие сердца, Он ищет Ее“. На вечеринках жениха найти можно тоже, но вероятность не так велика, а времени в обрез. Я уже немножко поняла про немцев: мужчина танцующий не есть по определению потенциальный жених. Нет, это означает только одно — мужчина ТАНЦУЕТ. У немцев все просто, как показано на картинке в учебнике: человек на дискотеке — танцует, человек в ресторане — обедает, в офисе — работает. Он танцует потому, что хочет танцевать, и идет в ресторан потому, что голоден! Не ищите другие смыслы. Если немец жаждет иметь жену и детей, он напишет в доступный ему ресурс: „Познакомлюсь с целью завести семью, звоните по телефону... (только не в рабочее время и до 21 часа), можно писать на адрес... Обязательно всем отвечу“.

В СССР женились часто. Ушел на танцы, а утром пошел в ЗАГС. Пошел за хлебом, а оказался у алтаря. Никакой закономерности. Добавить сюда всем известный синдром „русского нерасставания“, и станет удивительно: почему в России не идут жениться сразу целыми компаниями на утро после того, как „хорошо посидели“?

Наши ровесники успели пожениться, родить детей и со скандалами развестись. Рассказывали с опытным видом про тяготы семейной жизни. Мы думали, что мир приблизительно одинаковый везде. Но это оказалось неправильным предположением. Очень неправильным. Как и

многие другие аксиомы, известные с детства: если ты эффектно выглядишь, правильно одета и накрашена, то успех гарантирован! Мужчины за соседним столиком презентуют бутылку шампанского „от нашего стола вашему“. Те же мужчины потом пригласят на танец, подарят охапку роз. Будут ночью возить на скорости, пугая случайных прохожих. Будут признаваться в любви на коленях, с обещаниями носить на руках всю жизнь. Если к утру не протрезвеют, то сформируется новая счастливая семья. Гусар в семейной жизни мельчает и покручивает поникший ус, лежа на диване... Как бы там ни было, мы выросли в мире гусар. Может быть, не самых лучших гусар, не самых статных, велеречивых, но поступки ради дамы в крови у русских мужчин. С мужчиной западным нам еще только предстояло столкнуться лицом к лицу. Был ли Франк гусаром, останется загадкой и многоточием. Аксель, его друзья, родители и парочка общих знакомых не в счет. Может быть, у элиты какой-то свой кодекс чести? Друзья Акселя, к примеру, моментально разочаровали. Они раз и навсегда увидели во мне „девушку Акселя“. Равнодушные взгляды, вежливые улыбки. Я теперь их Друг, я товарищ женского рода. У немцев для товарища есть даже слово специальное и своим звучанием все объясняющее — Kumpel! Я стала кумпелем. Мне жмут руку при встрече. Я — девушка в короткой юбке, обтягивающей грудь блузке, с прической и макияжем, я — кумпель! Я, черт побери, их приятель — кумпель!

Вам тоже видятся в слове „кумпель“ румяные щечки и круглые бока? Первые месяцы в Германии я заработала комплексы и начала толстеть от раздрая, все более соответствуя образу. Со мной что-то не так? Я никому не нравлюсь. Мне не сигналият на улице и не останавливаются с громким свистом тормозов: „Девушка, вас подвезти?“ Желаящих знакомиться и продолжать знакомство за обедом в ресторане можно пересчитать по пальцам, одному пальцу — бархатный Иосиф. Все остальные мужчины в моем окружении — товарищи, а я — кумпель, как Надежда Константиновна, которой даже революцию не с кем делать. Для революции и был вызван практикующий диверсант. Алина должна быстро разобраться, что же не так с товарищами. Где расположились гусарские гарнизоны?

В немецкой газете знакомств главный принцип отбора „немец“ подходил ко всем кандидатам. Недолго размышляя, решили пойти вниз по списку. Отсекались только совсем старые и те, что писали „для романтических встреч“.

— Эти потрахаться хотят на халяву, с ними все понятно, — Алина знала про людей больше, чем они о себе. Я во многом с ней солидарна.

Мы подчеркнули понравившиеся объявления. Позвонили на английском. Договорились о встрече.

Приходим на свидание вдвоем. Женихи удивляются. Я с благочестивым видом дуэньи объясняю, что невеста вот она, а я при ней вроде телохранителя.

— Девушки мы приличные и по отдельности к кому попало ходить не приучены. Если у вас завяжутся серьезные отношения и вы внушите доверие, то сможете встречаться без меня, а сейчас, извините...

Кандидаты в мужа с уважением кивали.

Мы думали, что здорово все рассчитали. Нас будут приглашать в какие-то шикарные места, угощать яствами и благородными напитками. Представляли себе веселых и щедрых немцев — один другого краше, — из них и будем выбирать. Ну а кто сказал, что валькирии непременно умны? Раньше всегда хватало воинственного наряда и макияжа. Валькирии слишком неопытны в новых обстоятельствах. Этот мир совсем не похож на гусарский.

Первый жених — рыжий усатый великан: здравствуй, викинг. Привел в спортивный паб. За

неотесанными столами, перед большим количеством экранов сидят такие же неотесанные мужики. Наш жених с какой-то тихой гордостью сказал, что именно здесь он проводит свое свободное время. Несколько аборигенов в подтверждение приподняли свои гигантские пивные кружки — поприветствовали.

— Ну, девочки, — спросил викинг, — пивка? Сосиску? Сейчас начнется матч! Вы за кого болеете?

— Мама дорогая, надо сразу уходить, — сказала Алина.

— Да, срочно, — согласилась я.

— Извините, мы совсем забыли про оставленный дома утюг, чайник, кран и очень-очень спешим. Вы нас простите, мы запомнили, где вас найти. Мы еще увидимся... в другой жизни, — добавили мы и убежали, еле сдерживая хохот.

Второй жених оказался аккуратно подстриженным мужчиной средних лет в приличном костюме.

— Этот уже получше будет, — заметила Алина и сделала внимательные глаза.

Мужчина, казалось, не заметил, что нас двое. Он сказал, что рядом есть неплохое кафе. Если хотим, то можем там попить кофе.

— Я веселый и общительный человек, — начал он уже в пути. У меня много хобби и интересная работа.

— А чем вы занимаетесь на работе? — задала Алина вежливый вопрос.

Мужчина одобрительно посмотрел и многозначительно кивнул.

Теперь я знаю, что у немцев ничего не надо спрашивать из вежливости. Они не понимают разницу между вежливым вниманием и действительным интересом — расскажут все и даже больше, во всех подробностях. Не факт, что захотят при этом спросить, а как дела у вас самого. Их, может быть, это совсем не интересуется. Вы спросили, он рассказал — все честно. Для поддержания этикета существуют приветствия и пожелания хорошего дня. Разве этого недостаточно? Кругом вежливые люди!

В ответ на вопрос Алины про работу наш претендент номер два начал рассказывать про динамическое хеджирование и приведение портфеля к риск-нейтральности. Или наоборот, портфель динамический, а хеджирование риск-нейтральное. Мы обе не поняли ни слова. Не только потому, что английский наш в риск-нейтральности прямо совсем-совсем не динамичный. Нет, мы просто вообще слов таких не знаем ни на каком языке. Мы так об этом честно и сказали.

— Извините, но мы не понимаем, о чем вы сейчас говорите.

Мужчина совсем не расстроился, наоборот, устроился поудобнее, достал черный дипломат, порылся в нем и выложил несколько листов А4 и пару ярких маркеров.

— Сейчас я вам все объясню.

Мы долго смотрели на графики, падающие кривые, кажется, синусоиды, или это параболы — любимые всеми филологами штучки?

— Как уходить будем? — пробормотала Алина, не открывая рта. Я пожала плечами и неожиданно зевнула, едва успев прикрыть рот. Мужчина посмотрел на меня, прервав свой доклад.

— Вам неинтересно?

Мы испуганно замотали головами. До кофе дело так и не дошло. Официантка несколько

раз подходила к нам, мы бросали ей умоляющие взоры, но она явно уважала человека за работой, разворачивалась и уходила со словами: „Я попозже подойду“.

Сначала мы не поняли, что подвигло мужчину прекратить пытки. В какой-то момент он посмотрел на часы и сказал:

— Жаль, что время нашего свидания так быстро подошло к концу. Я, увы, должен вас покинуть. У меня через полчаса запись к зубному врачу. Я уже спешу. Мне было очень приятно провести с вами время. Вот моя визитная карточка. На следующей неделе в среду с 18 до 20 часов у меня будет время. Я вам еще так много должен рассказать! Мы еще не обсудили мои хобби, а это, между прочим, не менее увлекательно! Я буду рад с вами снова увидеться.

По мужчине было действительно видно, что ему приятно и он рад. Мы сказали: „Взаимно! До следующей среды“.

Уходя, мы оставили визитную карточку на столе. Может быть, официантке надо что-то хеджировать?

Третий персонаж походил на героя эротических сновидений — красивый до дрожи в коленках. Одет с иголочки, пахнет дорогим парфюмом, поверх стильной курточки на меху бирюзовый шарф — как раз чтобы оттенить ярко-зеленый цвет глаз.

— Я — Свен, — сказал мужчина-топмодель. Мы прохрипели наши имена. Свен, долго не разговаривая, галантно махнул шарфом в сторону шикарного французского универмага „Ла-файет“. — Там хорошо.

Мы молча кивнули и торжественно переглянулись. Алина побежала в туалет подкрашивать губы. Я расположилась напротив вальяжно раскинувшегося в кресле красавца.

— Здесь отличное шампанское и, как говорит моя мама, лучшие в Берлине деликатесы. Я здесь часто бываю. Еще мама говорит, что здесь хороший джаз играют.

Когда Алина с ярко накрашенными губами, походка от бедра, вышла в нашу сторону, я уже знала, что перед нами очередной фрик. Красивый фрик. Жалко терять такой экспонат.

Тем временем Свен извинился и сказал, что должен сделать срочный звонок. Во время разговора Свен бегал по нам глазами.

— Друга зовет, — сказала Алина. Вечер прекрасно начинался и обещал бурное развитие. Может быть, зря я про фрика? Может быть, показалось?

НЕ показалось! Свен положил трубку и сказал:

— Я звонил маме. Она просила сразу сообщить, как встретимся, и рассказать о первом впечатлении. Я сказал, что вас двое и обе мне нравятся! Свен сделал задумчивый вид и прекрасные глаза сделались еще зеленее — настоящий омут.

Я задумалась о том, что мужчина-дурак — это вполне может быть даже и хорошо? Можно рассматривать его как произведение искусства. Правда, я не уверена, что можно полностью свалиться в омут, когда еле-еле сдерживаешься, чтобы не начать издеваться и хохотать в голос. И я не сдержалась.

— Скажи, Свен, а у тебя уже были такие свидания? Свен восторженно, и омуты сосредоточились на мне. — Да, я ходил уже на очень много встреч.

— И как?

— Мне не все нравились, да и мама сказала, что женщины хотят от меня только одного, —

Свен многозначительно подмигнул.

Я спросила:

— И чего же?

Свен удивленно взмахнул шарфом и сделал в воздухе кистью движение, потер один палец о другой, как будто пересчитывая купюры. — Неужели денег? — в свою очередь удивилась я.

— Конечно! А чего же еще? — напрягся Свен.

Это прекрасное создание и не подозревало о своей привлекательности — оно просто жило и радовало окружающих, как цветок или радуга в небе.

— Мы не хотим твоих денег! — встряла Алина. — Мы не такие! Свен внимательно посмотрел на нас.

— А у тебя красивый шарф, — сказала я, чтобы сказать хотя бы что-то.

— Да, мама всегда говорит, что он очень подходит к моим глазам. Свен поднес шарф к глазам и перестал моргать, став похожим на куклу Кена.

— Свен, пойдем на какую-нибудь дискотеку? Ты же, наверное, знаешь все классные клубы! — попыталась зайти с другой стороны Алина.

— Нет. Об этом не может быть и речи! Вы знаете, что там творится? Туда ходят плохие люди, — Свен опять опечалился.

На прощание Свен отказался оплатить немалый счет — бутылку настоящего шампанского. Он сказал: „Мама говорит, что платить должны все, кто пил“ — и внимательно посмотрел на мой еще не до конца выпитый бокал в руке.

Сейчас он скажет, что мы одни выпили всю бутылку, а мама наверняка предостерегала его от пьющих женщин. Мы уже не скрывали своего хохота. Свен счастливо улыбался — ему нравились веселые люди рядом.

— Ты, Свен, в следующий раз приходи с мамой. Нам надо обязательно познакомиться!

Свен просиял:

— Этого мне еще никто не предлагал. Сейчас я позвоню и спрошу, когда она может с нами пойти.

Мы хотели встать и уйти, сказав Свену, что пошли в туалет, и он бы точно ждал. Может быть, ждал бы до закрытия бара. Потом оплатил счет и ушел домой рассказывать маме о таинственном исчезновении двух понравившихся подруг: „Представляешь, мама, они ушли в туалет и там пропали. Они поэтому даже не смогли оплатить счет! Может быть, с ними случилось что-то страшное?“

Мы не смогли обмануть красивого человека. Так нельзя. Мы сказали Свену:

— Ты сейчас оплатишь счет за шампанское и скажешь маме, что захотел угостить понравившихся тебе девушек. И еще, Свен, девушкам не нужны твои деньги, девушкам нужны твой... твои... глаза! Ты очень классный парень, желаем тебе удачи! Прощай, Свен!

Свен ничего не понял и, сказав: „До встречи“, полез за телефоном.

— Мы в какой газете объявления читали? — спросила Алина, шагая огромными шагами в сторону метро. — „Чокнутые неудачники желают познакомиться?“ У них вообще нормальные есть? Ты как вообще своего Аксея нашла? Теперь мне кажется, что таких в Германии не быва-

ет! Теперь я соглашусь со всеми — тебе сказочно повезло с ним.

Я шла и думала, что мне повезло не только с Акселем. У меня еще был Франк — моя тайна. Хотя с Франком мне как раз и не повезло. Мне не везет по жизни — меня не любят беспринципные негодяи и бабники. Обо мне давно забыли, а я хожу по улицам Берлина и думаю, что вдруг где-то столкнусь с ним нос к носу. Но жизнь — не голливудский фильм. Жизнь гораздо круче!

Глава 19

Элвис Пресли угощает сангрией

У нас опыт, как у Пушкина — сына ошибок трудных. Если ничего не менять, то мужа Алине в некогда казавшийся огромным срок — месяц — нам точно не найти. Уже появились сомнения, не было ли ошибкой скоропостижное расставание с „викингом“, и кто запомнил, где находится тот спорт-бар? Решили назначать по два свидания на вечер. Уплотняем программу! В конце концов, если претендент окажется хорош, то следующее свидание можно отменить. Можно предложить подошедшему кандидату встречу на другой день. Вообще, главное быть активнее, активнее!

Очередная встреча назначена на станции метро все у того же французского универмага. Из всех кафе, что мы видели, спасибо маме Свена, в „Лафайете“ действительно самое гламурное. Почему-то Алину не смутило, что очередной жених предложил встретиться в метро, в центре перрона:

— Я читала, что на Западе богатые тоже ездят на общественном транспорте, — авторитетно заявила Алина. — Пробки, парковки, все такое...

У меня пока не было опыта общения с богатыми кавалерами, разъезжающими в метро.

— Может быть, ты права. А почему, вообще, он в метро предложил?

— Ну откуда я знаю? Может быть, погода плохая? Может быть, специально так проверяет, что не за деньгами его охотимся?

Алина повторила кистью жест Свена, и мы рассмеялись.

Я не узнавала Алину. Где ее врожденный апломб?

— Ты же видишь, какие здесь все тугие. Я уже не пытаюсь рассуждать, и выбирать здесь не приходится. Главное, чтобы не фрик опять. Все остальное — разруем!

Вагоны метро приходили и уходили. Люди на перроне менялись.

Массы людей, в этой части города это были в основном шумные, смеющиеся и теряющие друг друга туристы, вызывающе неопрятные неформалы вперемешку с элегантными бабушками в манто, туфельках и капроновых чулках в сеточку. Ну и где здесь, на милость, наш жених?

Пару раз перрон ненадолго пустел. В нескольких шагах от нас мы заметили одинокого мужчину, напряженно стреляющего по сторонам глазами.

— Этот что ли? — спросила я.

— А я откуда знаю? — фыркнула Алина. — Я его еще тоже ни разу не видела.

— Так как мы друг друга узнаем? — Без понятия!

Мы пропустили еще пару вагонов. Мужчина тоже. Он явно заметил нас и все больше поглядывал в нашу сторону, но почему-то не подходил.

— Может быть, он ждет одну, а мы-то вдвоем, и поэтому он не может понять?

— Давай сами подойдем и спросим. Надоело уже здесь стоять. Все равно больше никого нет.

— А как он тебе? — спросила Алина.

— Ну, не знаю даже. Вроде бы ничего. На психа не похож, но и другие тоже нормально выглядели. Вроде бы даже симпатичный. Смотри сама, если он тебе не очень, мы можем просто сесть в следующий вагон и уехать. Он же, в конце концов, сам к тебе не подошел!

— Нет, давай все-таки спросим. Вдруг это вообще не он, — решила Алина.

Мы подошли к мужчине. Мужчина вздрогнул и скосил глаза в нашем направлении, не меняя своей позы ожидающего метро.

— Извините, вы не меня ждете? — спросила Алина.

Мужчина посмотрел мимо Алины и сказал: „Нет“. Подошел следующий поезд, мужчина проворно растолкал набежавшую толпу туристов и залез в вагон. Двери закрылись. Мужчина смотрел на нас за стеклянными дверями. Смотрел и уезжал.

До следующей встречи мы успели набраться коктейлями в баре „Лафайета“. Мы с трудом успели к нужному времени в „Американский ресторан“. Сильно названное заведение оказалось типичной

придорожной забегаловкой, как из любого американского фильма. В „ресторане“ мы начали оглядываться по сторонам, но тут наше внимание привлекло некое действие. Музыкальный аппарат сначала поперхнулся, а потом из его недр заструилось „Love me tender, love me sweet, never let me go...“. В такт музыке навстречу нам шел дедушка, переодетый Элвисом Пресли. Кожаные штаны на пухлых ножках, красная курточка, воротник белой, расшитой золотом рубашки и шелковый платочек. Обалдеть, как здесь встречают посетителей! Мы начали подтанцовывать Элвису, кружиться с ним в медленном танце, смеяться, продолжая исследовать помещение на предмет ожидающего жениха. Мы не успели слепить правильное выражение лица, когда Элвис в очередном па низко наклонился над Алиной и сказал грудным шепотом:

— А вы, как я понимаю, Алина?

Дедушку несколько не смутил наш ошарашенный вид.

— А я — Майк! — сказал Элвис и покрутился на одной ноге, галантно нагнулся, схватил наши кисти и попытался поцеловать. Мы высвободили руки из потных ладошек.

— Значит, вы и есть Майк? — зачем-то переспросила Алина. Майк-Пресли откинул голову, достал из нагрудного кармана расшитый вензелями носовой платок, обстоятельно вытер лоб, провел по зализанным назад крашеным редким волосам.

— Ну, девочки, не делайте такой печальный вид. Вас расстраивает, что я немного приукрасил свой возраст? Да, я сказал, что мне ближе к сорока, но я же не сказал с какой стороны, — Майк сам же и рассмеялся своей шутке. — Вообще-то мне почти сорок два, а вы так прекрасны и так юны...

Мы продолжали на него смотреть, не зная, как реагировать.

— Меня сейчас стошнит, — пробормотала Алина.

— Только попробуй опять смяться в туалет и оставить меня одну с этим, — зашипела в ответ я.

— Мы сейчас придем, — сказала Алина. — Нам надо в дамскую комнату.

Она виновато улыбнулась. Майк сказал, что подождет в коридоре у туалета, и остался караулить.

— Ему лет шестьдесят, а может быть, семьдесят! Он, наверное, не просто чокнутый — он еще и маньяк! Надо спасаться! Мы еще с ним танцевали... О-о-о-о, я — пас! С меня хватит! Я больше не пойду ни по одному из объявлений! В конце концов, нас где-нибудь зарежут, и Майк станцует над нашими телами буги-вуги. Я не могу больше!

Мы вышли из туалета решительными воинами-валькириями!

— Майк, нам жаль, но у нас ничего не выйдет. Вы красиво танцуете, но вы не в нашей возрастной категории. Мы сейчас уходим.

— Просьба не провожать, — сказала я, увидев, что Майк потянулся за нами.

Майк все-таки увязался следом.

— Мы не хотим, чтобы вы преследовали нас! Мы сейчас пойдём на молодежную дискотеку, а вас... вас туда вообще не пустят! Идите домой, Майк.

Майк начал, наконец, обижаться.

— Я сам отведу вас на лучшую молодежную вечеринку в городе! Я все здесь знаю, и везде меня любят. Я, если хотите, любимый гость на любой party, у меня кругом друзья, как вы, и даже моложе...

Майк шел за нами и продолжал рассказывать, как он молод душой и телом.

— Не верите? Вот, пожалуйста!

Майк подошел к какому-то парню, выходящему из магазина, и они оба разговорились, как старые добрые знакомые.

— Все точно, как я и говорил, сегодня здесь, совсем рядом, отменная вечеринка. Вино, пиво, разные закуски. Все за мой счет. Я приглашаю вас, девочки, пойдёте, не пожалеете!

Мы и пошли. Других приглашений на вечер у нас все равно не было.

На такой же вечеринке я была в компании Акселя и его союза молодежи в самый первый приезд в Берлин. Видимо, это типичная для студентов атмосфера. Столы и деревянные лавки — точно такие же стоят на улице в любом Biergarten. Молодежь одета, как попало: драные джинсы, вытянутые свитера и ни одной накрашенной, прилично одетой девушки.

— Здесь не „Хилтон“, конечно, — сказала Алина, — но хотя бы много приятных молодых лиц. Ты посмотри на их баб? Мы же здесь единственные! Все мужчины будут наши! ВСЕ!

Алина распустила волосы и начала водить бедрами. Она любила подражать Мадонне — вытягивала губы, водила пальцами по губам и линии декольте. Сказалось напряжение последних дней и выпитые коктейли.

— Эх, была не была — отрываемся по полной!

Я бросила сумку и вещи в центр под ноги. Крикнула „У-у-у-у-у“ и закрутила рукой над головой. На нас действительно стали оглядываться.

Майк протиснулся к нам с парой пластиковых стаканов:

— Это Сангрия — она уже почти закончилась, но я для вас последние два бокала взял! — Майк вручил нам стаканы и пристроился рядом.

— Он нас позорит, — прокричала мне в ухо Алина. — Надо от него избавиться, или все еще подумают, что мы с ним.

— Давай его попросим что-то еще принести? Здесь столько народу... Пока будет в очереди стоять, пока дойдет, может, и потеряется?

Мы быстро влили в себя сангрию и сказали: „Еще!“

— Но это были последние два бокала.

— Придумай что-нибудь! Ты же нас сюда пригласил.

Майк пропал, а мы впали в танцевальный транс. Как же хорошо!

Мы снова живем!

Наверное, это был успех. Большой успех. Нам хлопали, танцевали рядом, вокруг образовался целый круг из ухажеров. Кто-то приносит вино, кто-то угощает шампанским. Мы пьем лихо — до дна, пляшем, не обращаем ни на кого внимания. Как же хорошо! Пошло все к черту!

— Хочу „Калинку-малинку“, — кричу я кому-то в ухо.

Грянула „Калинка“, танцпол поредел, а нам как раз: вот он — размах. Сцепились локтями, кружимся вправо, меняемся, кружимся уже с кем-то другим — влево, опять меняемся и кружимся-кружимся-кружимся. Я смотрю на Алину — она закрыла глаза и, откинув голову назад, кричит: „Я лечу-у-у-у-у! Я поняла, что и я лечу-у-у-у-у.“ Сознание размывается, все продолжает кружиться, меня тошнит, я выхожу в коридор и пытаюсь прикурить. Мне плохо и хочется на свежий воздух.

Меня подхватывают сильные руки. Я смотрю и ничуть не удивляюсь, что это Франк.

— Наконец-то ты пришел, — говорю я по-русски и окончательно пропадаю из грохочущего, мигающего софитами мира.

Глава 20

Алина — соблазнительница

Днем, когда мы с Алиной не заняты свиданиями, мы ходим по магазинам. Я уже набрала себе гардероб на годы вперед, а Алина только в начале пути. Тем не менее мы обе приносим домой пакеты, коробки, какие-то бесконечные свертки. В магазин „Секс Шоп“ зашли из-за любопытства. Раньше не видели. В Уфе такого не было. С Акселем или одна я заходить стеснялась. Алина тоже стеснялась, от этого было легче. К нам подошла строгая бабушка, она же продавец, и спросила, чего мы желаем. Мы сказали: „Посмотреть“.

Кроме нас и бабушки, в магазине никого не было, поэтому мы спокойно ходили, изучали товар и удивлялись. Это для чего и, самое главное, для кого?

— Если у них тут так, то не опасно ли вообще жить в этой стране... Сплошные маньяки сексуальные.

— А где эти маньяки? Я ни разу не видела, чтобы сюда кто-то заходил, — сказала я.

— Может, они ждут ночи или как-то маскируются?

— Я думаю, что это для каких-то игр. Может у них тут что-то типа карнавала домашнего устраивают?

— Вот, смотри, и костюмчики как раз под стать. В углу стоял манекен в одежде Бетмена с черной маской на лице.

— Хотела бы с таким, а?

— Представляешь, к тебе Аксель в спальню заходит в таком костюме и с плеточкой?

Алина изобразила, как Аксель машет плеточкой. Я передернула плечами. Ни в костюме Бетмена, ни без него об Акселе думать не хотелось.

— Нет, не хотела бы. Гадость какая-то, пошли отсюда! И вообще, как-то это все... Может, это для тех, кто уже старый и не знает, как развлечься? Уже когда все в жизни попробовали?

— Ну да, это, скорее всего, так и есть. Зачем же еще?!

— Давай хоть что-нибудь маленькое купим? На память. Ну и бабушку порадуем, что хотя бы один покупатель что-то купил.

— Что, например?

Долго ходили и выбирали „что-то маленькое“. Маленького не было. Было огромное и еще огромное.

— Нет, — сказала я, — этого в моем доме не будет! Как я Акселю объясню?

— Тогда давай хотя бы сексуальное белье купим!

— Давай!

Нормального белья не продавали, или мы просто не поняли, как его носить. Под конец увидели маленькие кружевные трусики-стринги красного цвета — с хвостиком из каких-то невесомых перьев. Мы скинулись и купили.

— Кому первому пригодится, тот и возьмет! — справедливо рассудили мы.

Экономная немецкая фрау загордилась бы нами.

Я забыла про эту покупку, как забыла про многое, что было куплено тогда в непонятном ажиотаже: купить — положить в шкаф — купить — в шкаф — купить и т.д.

Проснулась я от того, что Алина трясла меня за плечо и громким шепотом спрашивала в ухо: „Где они? Слышишь, где они?“

Перед глазами снова закружились софиты и почему-то лицо Франка. Я огляделась. Дома. В своей кровати. Полностью одетая, рядом валяется сапог. Я с трудом сажусь и пытаюсь сконцентрироваться.

— Кто они? Как мы попали домой? Где Франк?

— Нас подвезли. Я сама не все помню. Ты сначала скажи, где они?

— Да кто они-то?

— Да трусы наши сексуальные! Где они?

Я смотрю на Алину и ничего не понимаю. Она в майке и черных колготках. Качается, икает, спотыкается, рыщет по моим полкам в шкафу.

— Зачем тебе? Ты не одна? Кто еще дома?

— Я потом тебе все расскажу! Он на кухне. Я его сейчас соблазню. У меня уже все продумано. Это реальный шанс! Дай трусы, тебе говорю. Сколько уже можно?

Я все еще в оцепенении иду к шкафу, нахожу нераспечатанную упаковку.

— Бери.

Алина разрывает упаковку и почему-то сразу начинает натягивать на себя стринги. Не попадает ногой в нужное отверстие, опять пытается.

— Ты же в колготках, — говорю я.

— Вот блин, точно.

Алина уже почти надела и снова начинает все стягивать.

— А кто на кухне? Кто нас сюда привез?

У меня появляется дурное предчувствие и накатывает приступ тошноты. Я говорю Алине: „Мне надо срочно в туалет“.

На кухне горит свет. Выглядываю из-за косяка. Франк пьет чай и смотрит куда-то перед собой — ждет Алину. Алина надевает пушистый хвост. Я сильно зажмуриваюсь. Я этого не перенесу! Только не Франк!

История повторяется? Сейчас, у меня дома, Алина будет соблазнять моего любимого мужчину. Я вспоминаю что-то про убийство в состоянии аффекта. А как же Франк? Почему он ждет Алину? Я возвращаюсь в свою спальню и смотрю на пьяную и решительную Алину. Она расче-

сывает волосы и пытается накрасить губы моей помадой. Это последняя капля:

— Ты сейчас же собираешь свои вещи и валишь из моего дома! Сейчас же! — кричу я. — Прихвати с собой Франка, эту чертову помаду и трусы...

Я швыряю в Алину сапогом, но попадаю в трюмо. Сапог лежит среди духов и косметики, я наклоняюсь за вторым.

Алина пятится от меня:

— Ты сейчас о чем вообще? Куда валить? Какого Франка прихватить? Ты все время про него спрашиваешь. Где мне его взять? Ты поспи еще, а меня на кухне Хайнц ждет. Потом разберемся и найдем твоего Франка. Почему ты мне о нем не рассказывала? Или ты бредишь?

Алина пытается посмотреть мне в глаза.

Я плохо перевариваю услышанное.

— Кто на кухне?

— Я же говорю тебе: там Хайнц! Он нас довез до дома. Ты его все время называла Франком. Сейчас опять вот.

— Иди. Мне нужно поспать, ты права.

Надо смеяться, но начинаю плакать. Какая же я дура! Франка нет. Просто нет. Все показалось. А у Алины какой-то Хайнц. Или не Хайнц? Я не доверяю ей и снова иду на кухню. Алина говорит:

— Не уезжай, оставайся. Куда ты так поздно.

Хайнц — высокий блондин, вообще не похож на Франка, говорит приятным баритоном:

— Спасибо за чай. Я в другой раз заеду. Спокойной ночи!

Алина пытается обнять Хайнца, он слегка обнимает ее в ответ и идет в прихожую.

Я прячусь в спальне и притворяюсь, что сплю. Завтра, все завтра...

С утра позвонил Аксель и разбудил своей бодростью.

— Я хочу привезти тебя сюда! Здесь потрясающе! Я даже не отказался бы пожить какое-то время здесь, в Америке. Если захочешь, мы можем переехать сюда на пару лет. Мне предлагают интересный контракт, связанный с моим проектом.

— Я еще не знаю. Я пока ничего не могу сказать, Аксель. Звучит хорошо. Как ты сам?

— Я ел вчера медузу в специальном соусе! Представляешь?

— Нет, — меня затошнило.

— Знаешь, здесь отличная организация нашей поездки. Каждый день столько нового. Как жаль, что ты этого не видишь. Я вышлю тебе фотографии электронной почтой.

— Хорошо. Буду рада.

— Как ты? Не скучаешь? Селена говорит, что хотела бы с тобой поужинать. Она тоже по тебе соскучилась. Ты можешь ей позвонить?

Я думаю, что сестра Акселя совершенно потусторонний элемент из другой, параллельной жизни и совершенно мне нечего с ней обсуждать, но зачем-то обещаю позвонить.

— А как Алина? Ей у нас нравится? Чем занимаетесь? Пришли мне тоже фотографии. Я

очень соскучился...

Я посмотрела по сторонам. Сапог на трюмо. Я лохматая, с опухшими глазами и зеленым лицом — „Любимая женщина механика Гаврилова“!

— Я обязательно пришлю тебе фотографии. И знаешь, я тоже думаю о тебе.

И вдруг захотела заплакать от внезапно возникшей нежности. С Акселем все так просто и понятно. Зачем мне эта Алина, вечеринки, больная голова и видоизменяющиеся Хайнцы? Затем, что ты именно этого хотела, — ответила я сама себе. Может быть, этим всем надо переболеть, чтобы потом строить правильную жизнь?

— Пока, Аксель. Я хочу, чтобы ты скорее вернулся.

Кажется, на том конце провода Аксель всхлипнул и вытер нос.

— Я люблю тебя, слышишь, я так тебя люблю.

— Я только встала и хочу в душ. Спасибо, что позвонил. Целую. Вешаю трубку и бегу в ванную. Скорее, я хочу скорее смыть с себя вчерашний ужас. Откуда этот Франк намерещился? Зачем этот скандал с Алиной и трусами? Как стыдно и противно.

В ванной поет Алина. Я иду на кухню и начинаю убирать со стола недопитые чашки с холодным чаем.

Алина пришла на кухню, когда я налила себе свежего ароматного кофе и задумчиво уставилась в окно. Мысли путались, и смотреть на ручейки тающего на стекле снега казалось единственным возможным занятием на ближайшие несколько часов.

— Как хорошо, что ты уже все убрала. Как раз хотелось кофе, — Алина сладко потянулась.

— Ну, как мы вчера отожгли? Я нами горжусь! Мы были самые крутые, и ты видела, как за нами все носились?

Алина налила себе кофе и села напротив.

— Теперь я знаю, что у нас все получится. Долой idiotские объявления! Сегодня позвонит Хайнц, и надо сразу же вечером куда-то пойти. Я вчера его домой отправила, но сегодня я уже точно все по уму сделаю...

— Что ты сделаешь по уму?

— Ну, я же вчера вообще „готовченко“ была. Помнишь, хотела трусы на колготки надеть? — Алина заливается счастливым смехом.

— А откуда взялся этот Хайнц?

— Я тоже толком не помню. Кажется, он все время рядом плясал и приносил нам выпивку. Я морщусь от воспоминания о спиртном.

— Потом ты вышла на свежий воздух с каким-то парнем, и я тебя надолго потеряла. Ты вернулась какая-то озабоченная и сказала, что надо срочно ехать домой. Хайнц предложил подвезти. Как-то так.

Из сложной мозаики бреда, сновидений и размытой реальности отчетливо проступило лицо Франка. Мы стоим на улице, он говорит мне что-то неприятное. Но что? Я не могу или не хочу вспомнить. Он курит и в чем-то меня обвиняет. Почему я не отвечала? Да, он спрашивает: „Почему ты не отвечала?“ Или это был не Франк?

— Как выглядел парень, с которым я вышла?

— Ой, ну откуда я помню? Высокий, симпатичный, кажется... Ты потом все время говорила Хайнцу Франк, и мы не могли понять, о ком это ты. Кстати, не хочешь рассказать, что за Франк? Ты ни разу не упоминала это имя раньше. Вчера познакомилась?

— Подожди, мне надо кое-что проверить. Я беру кофе и быстро иду в зал. Компьютер медленно загружает Outlook. Я открываю папку „Входящие“. Нет, всего лишь пара писем от бывших коллег и одно от брата. Вот несколько новых не открытых писем от Акселя. Я пробегаю глазами всю переписку. Появилась какая-то мысль и сразу пропала. Что-то важное. О чем я сейчас подумала? Что это было? Я еще и еще раз пробегаю по почте глазами. Нет, ничего от Франка нет. С чего я вообще взяла, что он знает мой электронный адрес.

— Так кто такой этот Франк? У тебя есть секреты от меня и от Акселя? — Алина делает большие глаза и улыбается все понимающей улыбкой заговорщицы.

— Я встретила друга Акселя. Какие уж тут тайны, даже не надейся. — я беззаботно рассмеялась и пошла, наконец, в ванную. Может быть, очищенная водой с мыльной пеной, картинка прояснится...

Глава 21

День во сне

Струи горячей воды безжалостно хлещут по щекам. Я не помню. Как же выяснить, что вчера произошло? Как найти Франка? Или нет смысла его искать, если он вчера даже не проводил меня? На что же я не отвечала? Постучала лбом по кафелю, но вспомнить не получилось.

Вопросов много, что делать — непонятно. Когда непонятно, что делать, и есть на то возможность, то я выбираю — спать.

Перед тем как затолкать в стиральную машину вчерашнюю одежду, по привычке проверила карманы брюк. Нашла сложенную вчетверо салфетку. Размашисто номер мобильного, подпись „Франк“.

— Алина, какие планы на вечер?

— Я думаю, пойду куда-то с Хайнцем. Пойдем вместе? Он классный и наверняка знает хорошие тусовки. У него машина су-у-упер и одежда дизайнерская! — Алина танцует по комнате, примеряя новую кофту. — Как думаешь, что мне сегодня надеть? Ты уже знаешь, в чем пойдешь?

— Я не иду сегодня с тобой. Я обещала Акселю позвонить сестре и встретиться с ней на ужин. Ты тогда иди с Хайнцем, доведи свой план до конца, а я... я пойду на встречу с Селеной.

— Мне будет без тебя некомфортно. Это я вчера была пьяная и отважная. Ну пожалуйста, ну пойдем вместе... Зачем тебе эта зануда? Наври Акселю, что звонила и не застала ее дома, ну пожалуйста...

— Уверена, ты справишься.

Я ушла в свою спальню и провалилась в сумбурный, беспокойный сон. Во сне я звонила Франку, но трубку каждый раз брала Алина и говорил: „Номер недействителен, перезвоните позже“. Когда я выбилась из сил и нажала на отбой, из моей кухни зазвучала громкая музыка, вышел Франк и начал танцевать с Акселем. Они оба грозили мне пальцем с видом строгих учителей, а я сидела в углу комнаты в одних стрингах и пыталась натянуть на себя ковровую дорожку.

Зимой темнеет уже в четыре. Когда я проснулась, в комнате была совершенная тьма, где-то действительно играла музыка, а одеяло сползло на пол. Я подняла одеяло и закуталась в пуховое тепло.

— Алина, Алина, ты дома?

— Конечно, я дома! — Алина зашла в спальню. Она уже навела полный марафет и шикарно выглядела. В руках бокал с шампанским. — Ну ты и даешь поспать! Я уже со скуки умираю. Давай, вылезай, я там приготовила легкий ужин и открыла бутылку.

Я прислушалась к себе. Почему-то мысль о шампанском совсем не вызывала утреннего

отвращения. Что-то я погорячилась, когда думала, что больше ни глотка не буду.

— Я сейчас только быстро освежусь и присоединюсь к тебе.

Я оделась в белое: белый джемпер под горло, белые вельветовые брюки. Все! Теперь я чистая, белая, сильная.

Мы с Алиной нарядные, за нарядным столом. Она где-то откопала старую рождественскую мишуру и зажгла свечи. Каждая думала о своем. Алина строила планы совращения. Я проговаривала про себя предстоящий диалог с Франком. Скорее бы уже ушла Алина. При ней я точно не смогу звонить. Мне нужна тишина и полная свобода.

— Как ты думаешь, ты придешь сегодня ночевать или останешься у Хайнца?

Алина пожала плечами.

— Выделываться особо нет времени. Если все будет хорошо, то поеду к нему. Я даже надела уже наши трусы.

Алина хихикнула, приподняла юбку и покружилась.

Мне стало смешно. Прямо амулет какой-то. Я улыбнулась: „Надеюсь у тебя все получится, и он потеряет голову“.

Мы еще посидели, а потом позвонил Хайнц. Алина щебетала в трубку.

— Он будет через полчаса. И побежала докрашиваться, припудриваться, опять поменяла блузку. Мы чокнулись напоследок остатками шампанского, и Алина упорхнула в уже привычный, по-берлински черный и мокрый зимний вечер.

Я ходила вокруг телефона. Звонить или не звонить, вопрос не стоял. Я точно позвоню! Я точно позвоню, только немного соберусь с мыслями и позвоню.

Трубку взяли сразу, как будто ждали звонка.

— Франк, привет, это я.

— Подожди секунду, — и кому-то по-немецки: — Я сейчас приду, мне надо поговорить. Хлопнула дверь.

— Привет. Как ты?

— Я — нормально. Точнее нет, не очень. Я не помню, как мы вчера расстались. Ты меня не проводил.

Молчание.

— Где ты сейчас? Как ты оказался в Берлине?

— Я уже опять не в Берлине. Я уехал сегодня утром домой, в

Шварцвальд. Недавно только приехал. Дорога была тяжелая. — Почему ты вчера меня не проводил?

— Я был не один.

Теперь замолчала я.

— Мы вчера это обсуждали. Я приехал в Берлин не один. У меня подруга. А ты собираешься замуж. Разве не у тебя через месяц свадьба?

— Да. У меня.

— Я рассказывал тебе вчера. Ты не помнишь?

— Я плохо помню вчерашний вечер. Напомни, пожалуйста.

— Я узнал от знакомых, что ты приехала в Берлин и живешь у Акселя. Я написал тебе три письма. Без ответа.

— Я ничего не получала.

— Потом мне позвонил Аксель.

— Тебе позвонил мой Аксель? Зачем?

— Он сказал, чтобы я больше тебе не писал, что вы счастливы и скоро свадьба.

— И ты поверил?

— Ты меня и вчера об этом спросила. А что я должен был думать? Ты не ответила ни на одно письмо.

— А зачем ты писал мне? О чем? Я надеюсь, ты не...

— Просто писал, как живу, приглашал в гости, прилагал открытки с видами. Ты и вправду ничего не получала?

— Нет.

В этот же момент я поняла, что меня кольнуло, когда я проверяла почту на компьютере. Как же я сразу не догадалась! Письма, еще не прочитанные мною письма, были уже открыты. Значок открытого конверта! Все, все до единого, кроме тех, что от Акселя. Кому и зачем нужно читать письма от моих коллег и брата? Первая же мысль — Алина? Нет, она не сможет войти в Интернет без пароля. И зачем ей? Она и коллег моих не знает. Аксель? А ему зачем? Он же даже по-русски не читает. Что за ерунда...

— Франк, а ты писал мне на электронный адрес?

— Нет, у меня его нет. Домашний адрес Акселя узнать было просто. А у тебя есть мейл? Нет. Я не знаю его.

Я совсем запуталась. Франк писал мне обычные письма по обычной почте, и я их не видела. Мои письма в электронной почте тоже кем-то прочитаны. Я ничего не понимаю. Кто-то за мной следит? Зачем?

— Франк?

— Слушаю.

— У тебя все хорошо? Ты ее любишь?

Франк тяжело вздыхает:

— Мы совсем недавно вместе. Думаю, что да. Да.

— Ну... Желаю тебе всего... Будь счастлив.

— Ты тоже.

Я кладу трубку. Как же хочется курить! Я снова беру телефон: — Селена, привет! Ты сегодня свободна? Давай поужинаем?

Селена заехала через час. За этот час я успела сойти с ума.

Селена ведет машину и все время о чем-то рассказывает. За окном дождь со снегом. Блики

фар отражаются в лужах и множатся, переплетаются с отблесками витрин, реклам, фонарей. Я зачарованно смотрю на дорогу, и в голове зияющая прекрасная пустота. Разве не замечательно смотреть на блики в лужах? Замечательно! Селена говорит и иногда поворачивается ко мне. Я в ответ киваю или улыбаюсь. Как с ней хорошо. Она не пытается меня расспрашивать. Она просто меня везет куда-то. Мне даже не интересно куда. Просто хочу вот так ехать, слушать Селену и смотреть на мокрый асфальт.

Мы приехали в ресторан. Какой большой ресторан! Что это сверху? Линия железнодорожных путей? Красные тяжелые портьеры. В ресторане людно. Золотые канделябры, свечи, картины и черный рояль в самом центре. Официанты в красных фартуках разносят огромные пиццы.

— Я не знала, что пиццу можно есть в такой торжественной атмосфере, — говорю Селене, и мы садимся за столик недалеко от рояля. Селена знает, что надо выбрать из меню, и я полностью полагаюсь на ее вкус. Мне, в принципе, все равно.

Селена заказала красное вино, и мы чокнулись бокалами. Селена опять что-то говорит. В общем гуле ее плохо слышно. Время от времени над головой начинают позвякивать люстры, и весь ресторан сотрясается от гула и грохота проходящего над головой состава. Я ее не переспрашиваю. Киваю и соглашаюсь.

— Это же так интересно — готовиться к свадьбе, — доносится до меня как в тумане. — Я бы, наверное, ночей не спала, думала, как все пройдет.

Я опять киваю, хотя и не понимаю, при чем тут свадьба.

— Хочешь, походим вместе по магазинам? Тебе, наверняка, надо много всего купить.

Я опять согласно киваю: „Давай походим“.

— Селена, скажи, у вас, в Германии, читать чужие письма — это нормально?

Селена почему-то краснеет и говорит:

— Конечно нет. А какие письма? Ты о чем?

Над головой снова проносится поезд, и я успеваю придумать:

— Мне знакомая рассказала, что ее парень — немец тайком читает ее письма. Она не знает, как ей быть и стоит ли ему теперь доверять.

— Если бы мои письма кто-то читал, я бы не пережила, — говорит с жаром Селена. — Это же подлость! Я бы не смогла доверять такому человеку. А она сказала, зачем он читал ее письма? Может, ревнует или хочет что-то узнать?

— Может быть. Я не знаю. Скорее всего, есть какая-то причина. А ты думаешь, можно найти причину, чтобы оправдать подлость?

— Нет. Нельзя. Это же как читать чужой дневник или рыться в чужих вещах.

Селена морщит нос и задумывается о чем-то своем. Потом говорит:

— Ты знаешь, я бы не смогла такое простить, а понять, наверное, могла бы. Может быть, человек не хотел, но по-другому не мог? Может быть, для него от этого что-то важное зависело?

— Может быть, может быть...

За рояль прошел мужчина во фраке, с черной, такой же бархатной, как лацканы фрака, бабочкой. Пианист глотнул вина из бокала, задумался и взмахнул руками.

Полилась мелодия из „Шербурских зонтиков“ — фильма, ставшего символом эстетики и

поисков „Новой волны“. Это легкое массовое кино знало все поколение 60-х и 70-х, а в СССР его смотрели и пересматривали в 80-е и 90-е. Понятные герои, красочность мюзикла, любовная история с печальным контекстом войны. И музыка, которая уже давно оторвалась от фильма и зажила собственной жизнью, но все так же, как и в кино, передающая мелодией абсолютное отсутствие хеппи-энда.

Селена хотела сказать что-то еще, но я приложила к губам палец. Даже сквозь грохот состава, звон бокалов и шум голосов я слушаю.

Мужчина играет бесподобно. Я смотрю и думаю, что Селена напротив, свет свечи, играющий в бокале, картинки уже не моего будущего, картинки того, что могло бы быть, если бы не... Если бы не что? Никто не виноват — я знаю, я буду счастлива, потому что, потому что это я! Я этого хочу! Я выбрала для себя эту судьбу, и я решу, обязательно решу, как быть дальше. Неужели Аксель или Франк могут помешать мне быть счастливой? Я плачу и улыбаюсь, говорю Селене: „Знаешь, я счастлива!“

Она отвечает: „Знаю. Я бы тоже была счастливой — у тебя же через месяц свадьба“.

Когда музыка стихла, я сказала музыканту на английском: „Спасибо!“ Мужчина ответил по-русски: „Пожалуйста“. — „Вы прекрасно играете. Можете еще что-нибудь наподобие?“ — „Да“.

Заиграл Джо Дассен, потом партии из известных романтических мелодрам.

Селена томилась и хотела общаться, я хотела просто пить вино и слушать. Мы молчали. Селена, похоже, немного обижалась. Пускай,

все равно из меня сейчас никудышный собеседник.

В перерыве пианист спросил разрешения и подсел к нам за столик.

— Меня зовут Игорь.

Мы представились, Селена протянула руку, Игорь не заметил. Он оказался намного моложе, чем показалось сначала. Русая длинная челка и коротко остриженный затылок. Я представила его в куртке-милитари и грубых ботинках. Как-то не вязались этот элегантный фрак, бабочка, Джо Дассен и пристальные голубые глаза, резко очерченный рот и грубый, волевой подбородок.

— Давно здесь живешь?

— Да, давно, уже три месяца.

Игорь расхохотался.

— Дождись меня. Я скоро отыграю.

— Хорошо. Может быть, дождусь.

Селена спросила, что хочет этот человек и почему он к нам так запросто сел.

— Я не знаю. Думаю, что он был рад, что может с кем-то поговорить по-русски.

Глава 22

Игорь

Ресторан пустел. Официанты сдвигали столы и стулья. Игорь спрашивает:

— Хочешь, сыграю еще? Ты это ни разу не слышала...

— Конечно, хочу.

Заиграла странная мелодия. Игорь быстро и размашисто перебирает пальцами, поднимает руки над головой и снова обрушивается всей силой на клавиши. Бабочка давно перекочевала в нагрудный карман, рубашка расстегнута, челка взлетает в такт. Основная мелодия постоянно обрывается резкими, режущими, пронзительными аккордами. Какая-то больная музыка, истерзанная.

Игорь перестал играть и промокнул капельки пота на лбу. Я не заметила, что прикусила губу и во рту соленый привкус.

Селена смотрит всю игру на Игоря. Что это за взгляд? Восхищение или ужас? Широко раскрытые глаза, не движется и, кажется, даже не дышит.

— Что это было? — спрашиваю я.

— Это я написал.

— Что у тебя происходит в жизни, если ты такое пишешь?

— Тебе не понравилось? Да, это вам не „Шербурские зонтики“...

Все хотят „Шербурские зонтики“, цветы-розы и слюнявые романы... Кругом дуры и сытые скучные сучки.

— Он что, псих? Или он гений? Знаешь, мы проходили по психологии, что все гении немного сумасшедшие, — перекрикивает Селена очередной состав. — Почему он так громко разговаривает? На что он сердится?

— Игорь, „Шербурские зонтики“ хотят потому, что они уносят, убаюкивают, можно сказать, даже дают надежду. Мне тоже помогло и стало немного легче. А твоя музыка — наоборот. Я тебя уже спросила: что у тебя в жизни творится? О чем твоя мелодия?

Игорь криво усмехается.

— Пойдем отсюда. Здесь все душит. Хотите, в одно нормальное место поедем?

Я перевожу. На что Селена обещает, что меня одну с „этим“ не оставит.

— Может быть, попрощаемся и я отвезу тебя домой? Ты говорила, что сегодня Алина не придет. Хочешь, я останусь у тебя ночевать?

Хуже одиночества может быть только человек, с которым нет ничего общего. Хотя нет, по-

чему, ее брат — мой будущий муж. Зачем она у меня останется? Будем обсуждать свадьбу и выбирать букет невесты?

— Селена, если хочешь, можешь ехать домой. Я не боюсь остаться одна. И этот русский музыкант не сделает мне ничего плохого. Он хочет показать нам интересное место. Поедем?

Селена решила ехать с нами. Мы приехали в какой-то бар с оглушающей музыкой. На маленьком пятачке сцены оркестр-трио наяривает в динамики. Игорь здоровается со всеми.

— Вот, это — музыка и люди!

Игорь сбросил куртку, снял длинные фрак, смешно выглядывающий из-под куртки. Под белоснежной рубашкой оказалась черная футболка. Я и не заметила, в какой момент Игорь залез на сцену и открыл пианино. Он ворвался в музыку своей партией, разорвал и подбросил в нее еще больше оглушающих звуков, жизни, огня. Зал стонал, выл, топал. Я улыбалась ошарашенной Селене и показывала большой палец вверх.

Селена пробыла еще полчаса и начала зевать, несмотря на шум и вопли вокруг. Кто-то пытался вытащить ее танцевать и слегка как бы приобнял за талию.

Селена прокричала мне: „Я так не могу. Это уже слишком все для меня. Они все какие-то дикие. Я же не разрешала меня обнимать“.

Мне хотелось хохотать и веселиться. Я схватила Селену и тоже попыталась втянуть ее в танец. Она постояла, переминаясь с ноги на ногу, и сказала:

— Я домой. Ты едешь?

— Нет! Я никуда не еду! Мне здесь очень хорошо. Я остаюсь.

— Акселю, думаю, тоже не понравилось бы...

— Акселю? — я рассмеялась. — Ну и что? Мне наплевать, что ему не понравилось бы. Слышишь? Мне наплевать!

Селена уехала и сказала напоследок, что она все понимает, что мне, наверное, очень приятно встретить так много соотечественников. Она не будет говорить Акселю, чтобы его не расстраивать.

— Я думаю, что ты просто под влиянием „этого человека“ и его музыки.

— Позвони мне завтра.

Я сказала: „Ладно, спасибо за вечер и за ужин. Мне было, правда, очень приятно с тобой увидеться“ — и ушла в центр зала в гудящую на все голоса толпу: „...Ой-йо никто не услы-ы-шит...“

Игорь целуется грубо. Он знает, чего хочет, его не интересует, хорошо ли мне. А мне хорошо! Мне очень хорошо! Я не могу толком набрать воздуха, не успеваю ничего сказать. Игорь отпускает меня только, чтобы я сказала адрес Ивану. Иван — прямо настоящий богатырь из всех русских сказок. У него устрашающий конь — огромный черный джип. Джип срывается с места и ревет, пугая тихую берлинскую ночь. Мы целуемся на заднем сиденье. Иван смеется и смотрит на нас в зеркало, подмигивает мне. Я подмигиваю в ответ. Игорь говорит прерывистым шепотом: „Какая же ты...“ — и опять не дает мне дышать.

Алины нет дома. Мы, не снимая обуви с ног, спотыкаемся, продолжаем целоваться и падаем на ковер в зале. Игорь — сильный, страшный, весь из мускул и жил, на руке выше локтя татуировка. Хищная птица движется то медленно, то урывками, повторяя движения мышц.

На кухню проникает слабый свет, падает кривым прямоугольником из прихожей.

— Хочешь еще чай?

— Нет. Не хочу.

Игорь в концертных брюках и черной футболке. Весь в черном. — Черный человек на моей кухне. Это известный музыкант и композитор, добро пожаловать, — смеюсь я. — Только что прозвучала партия на белых клавишах.

— Ты заметил, что я была в белом? Черное играет на белом... Игорь смотрит из-за чашки своим пристальным взглядом. Мне кажется, что он притаившееся животное и в любой момент может снова неожиданно наброситься.

— Я скоро уезжаю в Питер. Я приезжаю сюда раз в месяц, иногда раз в два месяца. В зависимости от расписания концертов и халтуры типа той, в ресторане, для этой тупой благообразной публики. Завтра у меня сольный концерт в Русском доме. В шесть.

Я уже знаю, что приду в шесть в Русский дом. Игорь тоже не сомневается.

— Что у тебя случилось? Что ты там грузилась с этой немкой? Мальчик бросил?

— Да. Можно так сказать. Меня бросил мальчик. И у меня скоро свадьба с другим мальчиком. Мой будущий муж за мной следит и без моего ведома читает письма, звонит моим знакомым... В общем, у меня весело. Ты помог мне, спасибо. Кажется, что это все уже далеко и неважно. Ты очень вовремя появился.

— Я знаю. У тебя было на лице все написано. Не я, так кто-нибудь другой.

Игорь криво улыбается.

— По тебе видно, ты бы нашла утешение. Ты та еще сучка, ты та еще... — сладкая, сытая сучка.

Игорь закручивает мне руку за спину и целует опять так, что от недостатка воздуха начинает кружиться голова.

Закрыв за Игорем дверь, я проветриваю и убираю квартиру.

Спать ложусь я уже под утро.

Я потягиваюсь всем телом: я — кошка, и у меня девять жизней.

Сквозь наваливающийся сон слышу, как Алина звенит ключами, открывая дверь.

— Ты все спишь? Не боишься всю жизнь проспять? Ладно, проснешься, расскажу — закачаешься, как я провела время с Хайнцем.

Глава 23

Русский Берлин

У Алины — любовь! Она готова замуж — ее покорила телевизор Bang and Olufsens. Хайнц после их „сумасшедшей ночи любви“ пока не звонил. Алина говорит, что он большой начальник в известном концерне. Он бывает та-а-ак занят.

Я позвала Алину с собой на концерт классической музыки. Сказала, что за ужином с Селеной познакомились с русским пианистом. Он и пригласил в Русский дом. Алина отказалась:

— Вдруг позвонит Хайнц, а меня нет. Он обещал, что позвонит. Ты иди, а я дождусь звонка. И вообще, с каких это пор тебя интересует классическая музыка?

Я пошла одна.

Вошла в зал уже во время концерта и устроилась за разноцветными спинами, на последнем ряду. Концерт камерный. Игорь — один на сцене. Игорь и рояль. Он уже отыграл классику и снова исполняет свои странные композиции, но теперь мне нравится. Я хочу слушать дальше и следить за его руками. Этот человек на сцене. Интересно, а можно влюбиться в образ? Или влюбиться в руки? Я вспоминаю эти сильные пальцы. Они живут своей жизнью. Он тоже живет своей жизнью и этой мелодией. Меня возбуждает эта отрешенность.

Для него вряд ли существует что-то важнее этих клавиш. Оказывается, можно ревновать к роялю. Рояль в его жизни был и будет. Именно ему посвящаются тайны, надрывные мелодии, понятные им двоим. Вряд ли я или другая женщина стану ему ближе. Может быть, у всех музыкантов так? Я вдруг отчетливо понимаю, почему Игорь притягивает к себе. Он недоступен. Он никогда не будет полностью кому-то принадлежать.

Игорь встал, поклонился, встретился со мной взглядом и отвернулся. Я уже выходила, когда он поймал меня сзади за локоть. Больно сжал.

— Ты куда торопишься? Почему не подождала?

— Мне показалось, что ты не узнал меня.

Игорь сжимает локоть еще сильнее.

— Перестань. Я не видел, как ты вошла, но я знал, что ты в зале. Я

чувствую тебя! Это понятно? Это — самое главное! Игорь прижимает меня к стене, наваливается всем телом и приказывает: „Обними меня!“ Он смотрит в глаза, весь жесткий, горячий и пульсирующий. „Я... рад... тебя... видеть!“

Мы едем в кафе „к друзьям“. Игорь больше молчит и только иногда смотрит на меня, как будто пытается что-то прочесть по глазам. Я теряюсь от этого взгляда и тоже молчу. А еще я молчу, потому что боюсь что-то испортить. Когда мы молчим, создается невесомая гармония. Кажется, что мы чувствуем и думаем одинаково. Это успокаивает. Я не отвожу глаз.

Ожидала увидеть кафе наподобие того, вчерашнего — с деревянными столами и длинной барной стойкой. Но это место похоже на старинный особняк. Большие окна со старыми рамами, гобелены, обои в цветочек, мягкие кресла, стеллажи с книгами, в камине настоящий огонь. За большим столом компания. Все говорят по-русски.

Сразу много приветствий, и я не успеваю никого толком разглядеть. Из всех узнаю только богатыря Ивана и радостно киваю ему. Иван выходит из-за стола и пододвигает нам стулья. Говорят все одновременно, что-то обсуждают. Я сбоку украдкой смотрю на Игоря, хочу разглядеть его при свете. Игорь разговаривает короткими фразами. Меня коробит мат и грубость в исполнении музыканта. Коробит и заводит. Впрочем, Игорь не обращает на меня внимания, и я начинаю беседу с Иваном. Странно видеть такого вот Ивана в Германии — у него типично русская внешность. Огромный, плечистый, с бородой. В вязаном свитере геолога. Он уютный и, кажется, очень добрый. Ивана легко представить где-то в лесу, на охоте, лихо рубящим дрова для поленицы. Он угадывает мои мысли.

— Хорошо сегодня, морозец! Поедем сегодня в баню? Из баньки, да в снежок... — Иван мечтательно закрывает глаза. — А еще шашлычок с водочкой. Эх, красота! Вы тоже к Сереге на дачу?

Я говорю, что мне про баню ничего не известно и нет, я не поеду.

Откуда здесь баня, шашлычок, водочка? Мы же в Германии. Как могут существовать одновременно два параллельных мира?!

Иван рассказывает про себя. Он в Германии уже 12 лет! Иван здесь уже 12 лет?! Невозможно — такой огромный срок. Это же целая жизнь!

— Представляешь, а я три месяца здесь и думала, что это так долго...

Иван ухмыляется.

— Так всегда. Потом время летит быстрее, незаметно, и теперь мне уже и 12 лет не кажется давно...

— Ну и как ты? Привык? Ты чувствуешь себя своим здесь? Иван качает головой и говорит:

— Мы никогда не станем здесь своими. Надо родиться здесь. Мы приезжаем сюда и хотим влиться в эту жизнь, но потом находим себе русских знакомых — их здесь много. Много тысяч в одном Берлине.

Я недоверчиво улыбаюсь, потому что до сих пор мне повстречались только несколько русских туристов, спрашивающих дорогу, Иосиф, желающий вести не очень легальный бизнес, пара учеников в языковой школе и вот теперь еще Игорь с компанией.

— Я думала, что уже знаю всех русских в Берлине.

Иван хохочет и повторяет, что я еще слишком недавно здесь.

— Скоро узнаешь, сколько нас на самом деле. Удивишься. Потом привыкнешь и будешь на все русские тусовки ходить.

— А разве русские не ходят на немецкие тусовки, чтобы лучше узнать людей, традиции, в конце концов?

Иван вздыхает, видимо, мои вопросы кажутся ему наивными или даже глупыми.

— Все русские варятся в своем бульоне. Нам неинтересно с немцами, а им с нами. Другой, понимаешь, опыт. Возраст тоже играет роль. Чем позже переезжаешь, тем сложнее. Я пытался

жить с одной немкой, сразу, как приехал. Не сложилось. Я очень старался. Но не по мне все это.

Иван сжимает и разжимает пальцы. Смотрит на огромный кулак, как будто впервые видит, и продолжает:

— У меня с ней двое детей. Детей навещаю, иногда сам не понимаю, в чем дело. Думаю, что нормальная она вообще-то баба, но стоит нам увидеться, как опять ругаемся. И так при каждой встрече, представляешь?

Киваю в ответ, это уже и мне знакомо.

— Я тоже пока никак не пойму и не чувствую себя здесь дома. Вроде бы и отношения хорошие, и улыбаются все, а все-таки что-то не так...

Иван спрашивает:

— Ты по немецкой линии, как переселенка приехала?

— Нет, я замуж выхожу за немца. Скоро свадьба.

Иван удивленно на меня смотрит.

— А я думал, что ты с Игорем. Как же Игорь?

Я смеюсь:

— А Игорь — он, как в „Гардемаринах“, „последний русский“. Иван опять качает головой и говорит то ли с досадой, то ли с укором в голосе:

— Ну что ж, сходи замуж, сходи, попробуй. У некоторых получается. Я многих здесь знаю, кто замужем за немчиками. Некоторые даже ничего, уживаются как-то. Может, и у тебя получится...

Потом почему-то говорит, кивая на Игоря:

— А ты с ним все-таки поосторожней. Поднимаю удивленно бровь. Иван продолжает: — Береги его.

— Как? От чего беречь?

— Просто береги и все. Он — настоящий, таких больше не делают. Игорь неожиданно резко встает:

— Ладно, нам пора.

Кто-то говорит:

— Оставайтесь! Сейчас подойдет Миша, а Дима с Мариной обещали принести... — и я не расслышала, что.

— Вы куда? Мы же потом едем к Сереге.

Игорь пожимает руки, хлопает кого-то по плечу:

— Передайте Сереге от меня привет.

Коротко мне:

— Пошли.

Мы выходим из тепла на морозный воздух, и Игорь говорит, обдавая меня паром своего дыхания:

— Я хочу тебя! Я не могу больше.

Мы едем на какую-то квартиру. Неубрано, валяются вещи и инструменты, коробки из-под пиццы. Игорь скидывает с дивана одним движением ворох одежды. Наконец-то удушающее и сковывающее весь вечер желание вырывается наружу.

— Я тоже так тебя хочу, — и уже не пытаюсь сдерживать стон.

Звонок Алине. Она сразу взяла трубку с кокетливым „Хеллоу!“

— Это я. Как у тебя дела? Звонил Хайнц?

— Нет, пока нет.

У Алины мрачный голос.

— Может, еще позвонит. Время-то всего полдвенадцатого. Может, у него на работе собрание или встреча важная какая-то.

— Ну ладно. Я просто позвонила сказать, что не приду сегодня.

— А тебя где носит? Что-то поздно для концерта... и Аксель твой звонил, спрашивал, где ты.

— Я у Селены останусь.

— Смотрю, вы там лучшие подружки уже... Крестиком вышиваете? Смотри, скоро сама станешь, как она. Это заразно.

Алина хрипло смеется своей шутке. Я говорю: „Пока!“ и вешаю трубку.

Я еле успеваю за ним. Он тащит меня за руку, держит так крепко, что запястье уже не болит, а немеет, но я ничего не говорю. Мне кажется важным молчать. Важно не прерывать этот подъем вверх. Это какое-то таинство, и мы должны обязательно дойти, и нельзя останавливаться на пустые разговоры. Темно и еще так невероятно рано. Я не верю часам на станции. Мы только выпили по чашке кофе на вокзале и сразу погрузились в эту темень и холод. Куда-то пробираемся, идем через колючие кусты, карабкаемся на дрожащие под паутиной инея холмы. Вокруг лес, заброшенные постройки неизвестной научной станции. Огромные, разодранные временем шары на фоне черного неба. Что это — обсерватория? Космическая станция? Забираемся на высокую, стонущую от ветра площадку.

— Игорь, куда мы идем?

Игорь оглядывается и как будто впервые видит меня.

— Мы уже пришли.

Вокруг лес. В густой дымке просыпается Берлин. Первые лучи солнца разрезают серое небо. Мы стоим и молча смотрим на рождение оранжевого дня. Красный, розовый, желтый.

— Игорь, что с нами будет? Мне страшно. Я не хочу возвращаться домой. И ты знаешь, что я не могу не вернуться.

Игорь смотрит на меня.

— Ты вернешься. Я ничего не могу тебе дать, а сам по себе я тебе не нужен. Нет, не перебивай. Я точно знаю.

У Игоря такое злое лицо, что я отступаю назад. Игорь тянет меня ближе к ненадежному шаткому заграждению.

— Ты маленькая избалованная сучка. Ты просто играешь. Всеми. Я ненавижу тебя.

Мы целуемся. Опять до боли. Целуемся до тех пор, пока я не перестану соображать и соглашаюсь с ним.

— Да, ты мне не нужен. Мне вообще никто не нужен. Вернется Аксель, и мы поженимся. Потому что я избалованная сучка, потому что это мой выбор.

— Проваливай из моей жизни! Проваливай!

На прощание Игорь говорит:

— Я улетаю в Питер. Когда вернусь, я тебя найду.

Глава 24

Крокусы

Последние дни перед приездом Акселя прошли спокойно. Дни в вате, которой в детстве прокладывали большие зазоры между оконных рам. Вата не греет и не щекочет пушистыми ворсинками. Грязная вата, в комках.

Алина не дождалась звонка Хайнца.

Настроения нет. Желания куда-то идти и что-то менять нет. У меня путаница „любовь-постель“ — и это не про мужа, с которым свадьба. У Алины разбитое сердце, сдутые мечты остаться — очередной бесславный провал в биографии. Сидим дома, смотрим на серое небо. Серый город, тысячный кофе, плед. Пара дней до возвращения Акселя.

— Может быть, Аксель познакомит меня с кем-нибудь из своих друзей? У него же, как я поняла, все богатенькие и с образованием в окружении? Почему мы сразу не подумали, что это самый простой вариант?

— Нет, думаю, что тебе лучше уехать до возвращения Акселя. Мы давно не виделись и нам надо побыть вдвоем.

— Я думала, что останусь на свадьбу.

— На мою свадьбу приглашены только самые близкие люди. Алина смотрит исподлобья.

— Значит, вот так? Решила отомстить за прошлое?

— Если бы хотела отомстить, то нашла бы возможность. И уж тем более не стала бы тебя приглашать к себе в гости. Просто все, тусовка закончилась. Мы хорошо провели время. Я тебе только это и предлагала. Нам было весело, искали тебе мужа. У тебя нет повода на меня обижаться.

— Ладно. Я уеду. Все равно ваши эти походы по паркам и музеям совсем не мое. Вряд ли мне подойдет кто-то из друзей Акселя. Скорее всего, там все такие же зануды.

— Скорее всего.

Присутствие Алины начинает изматывать. Или это серое небо? Оно везде, оно касается крыш, проникает через окна в квартиры, отражается в глазах, шепчет чужими голосами. Серое небо заглывается вместе с глотками воздуха и расходится по венам. В голове одна и та же мысль: „Я ничем не лучше ее. Просто она говорит, что думает, а я пытаюсь убедить себя в стремительно обрушившемся счастье. Ау, счастье, ты где? Я тебя не ощущаю!“

Алина бесит не специально, она по-другому просто не умеет. Она все время повторяет, что рада за меня, что я живу в достатке, что Аксель такой заботливый, и несомненно, это именно то, чего я хотела и заслуживаю. Но она бы „никогда, подруга, уж прости за откровенность, не смогла

бы жить в такой нудной атмосфере“.

Алина потягивается перед зеркалом:

— Ради чего вся эта благообразная тоска? Разве мы не созданы для праздника? Ладно, не обижайся. У тебя же другой взгляд на все это. Ты его любишь...

Алина смотрит на меня, не мигая. А я задумываюсь о том, какие у нее рыбы глаза. Они не отражают ничего, кроме этого неба и холода — почему я раньше не замечала?

— А если ты его любишь, — продолжают говорить рыбы глаза, — то тогда, наверное, все по-другому. Тогда у тебя все волшебно! А мне здесь скучно-скучно-скучно...

Чем чаще она это повторяет, тем быстрее хочется выгнать ее, растворить в тенях этого города. Скоро вернется Аксель, и я сделаю последний и решающий шаг в своем победном марше. Я сделаю это еще и потому, что этого так не хочет Алина. Она — использованная лакмусовая бумажка, которую снова и снова погружают в один и тот же раствор, не веря, что вместо яркого изумрудного или розового представления о будущем окрашиваются коричневым цветом безысходности. Может быть, собирать чемодан следует и мне?

Никакой чемодан я, конечно, не собираю. Да и куда? Ради чего возвращаться? Что ждет дома? Буду рассказывать, подперев кулачком щечку на посиделках с подружками, как я чуть не вышла замуж за любящего молодого успешного немца с аристократской приставкой „фон“ к фамилии, но потом решила, что не мое это, скучно мне было, и вот — вернулась! Стану ненадолго знаменитостью — местной сумасшедшей, которая красиво врет или совсем уже дура-дурища. Мысль о возвращении домой уютно ложится на серое небо, и оно перестает быть таким безнадежным. В нем появилось одно белое забавное облачко, загалдел возвращающийся из теплых стран косяк неизвестных птиц. Я никуда не поеду. Что у меня такого произошло, что я так быстро хочу сдаться?

— Ты не переживай за меня. Я уж как-нибудь тут поскучаю. Я провожаю Алину и остаюсь одна.

Селена узнала, что Алина уехала, и сразу же примчалась. Легко угадать волнующую тему: брат женится — великое событие. Селена приезжает и успокаивает своей болтовней — такой детской и милой, что я не могу не улыбаться, глядя на нее. Я говорю, что, наверное, простыла и хочу просто лежать на диване под пледом.

— Ты не против, если я буду просто лежать?

Селена учится на медицинском. Она дает советы:

— Тебе надо много пить, лучше всего теплого чая. У тебя есть ромашковый чай? Я заварю.

Я спрашиваю, как у нее учеба и что они сейчас проходят. Получается, что наши знания в медицине приблизительно одинаковы. Мои среднестатистические познания в болезнях, антибиотиках и способах лечения ее шокируют.

— Откуда ты это все знаешь? Мы только недавно начали проходить про антибиотики, а ты мне рассказываешь про пенициллиновую группу и резистентные штаммы. Откуда? Ты же не училась на врача?

— У нас это каждый дошкольник знает, — смеюсь я. — У нас все привыкли сами себя лечить, и мы перепробовали все на себе. Вы-то как здесь живете? За любым лекарством к врачу за рецептом. Это же ужас. Откуда у вас столько времени и желания сидеть в очередях?

Селена говорит, что к врачу идут, когда уже совсем некуда деваться. От всех болезней хоро-

шо помогает чай. Просто чай. Много чая каждый день. И еще есть же парацетамол — одна или, если уже совсем плохо, две таблетки...

Мне нравится болтать с Селеной. У нас нет общих тем, а вот, гляди-ка, сидит у меня на диване, кутается в мой плед, и мы пьем чай, как две подружки. Селена опять начинает о свадьбе, а я перебиваю ее.

— Давай сейчас не будем? Мне не хочется сейчас. Может быть, посмотрим вместе какой-нибудь фильм?

Мне надо думать и думать, как строить свою жизнь. Как быть с Акселем? После того, что я случайно выяснила. После того, что он, оказывается, способен незаметно, думая, что я никогда не узнаю, читать мои письма, звонить Франку. Черт побери, он взял и позвонил Франку. Аксель противен мне. И Франк тоже. А какое может быть будущее с Игорем? Он прав. Секс на коробках из-под пиццы и жизнь перекаати-полем... Ухоженные ленивые и безвольные сучки не могут так жить. Он сто раз прав. Одна таблетка парацетамола.

Я опять задаюсь вопросом: что было бы, если бы я прочитала письма Франка? Что было бы, если бы Аксель не позвонил ему и не запретил меня искать? И сама себя отвечаю — да ничего! Ничего не было бы просто потому, что не бывает так. Аксель позвонил — Франк согласился. Конец беседы, конец истории. Две таблетки парацетамола.

Аксель приехал. Все такой же сияюще-свежий. Пышет румянцем, радостью, восторгом от встречи. Мне показалось, или одновременно пропало серое небо? Аксель говорит, что в Калифорнии цветет миндаль. Я не знаю, как цветет миндаль, но, кажется, Аксель украл у цветущего миндаля солнце и краски. Голубоглазый, в голубом кашемировом джемпере и бордовом пальто до колен. Он олицетворяет собой картину „Счастливый бургер возвращается в лоно родного дома“. Я твержу про себя мантру: „Вернулся мой жених. Я рада увидеть его после долгой разлуки. Я любезна и мила. Я прямо сейчас скажу ему, что соскучилась, и брошусь ему на шею. Я сделаю это. Я действительно соскучилась. По солнцу“.

Бывает всякая приворотная магия, но, наверное, бывает и магия наоборот. Отворотная. Где и когда я напилась этой дряни? Что со мной?

Встречаю Акселя на пороге и, не сумев обнять как полагается, ухожу скорее на кухню.

— Проходи, переодевайся, сейчас будем пить чай, — говорю наигранно бодро.

И все. И как будто не было долгой разлуки. Аксель сидит на своем месте, мажет джем на растекающийся Vgie и рассказывает, рассказывает, рассказывает. Я, как обычно, слушаю вполуха и думаю, что, наверное, надо что-то делать. Может быть, надо поговорить с ним о письмах? Но стоит ли сразу затевать ссору? Пока просто слушаю и уже точно знаю, что пройдет еще какое-то время, и мы оба пожалеем, что однажды встретились.

Заканчивается февраль. Холодно, но уже видны первые признаки весны. Маленькие набухающие почки. Это невероятно — так рано. Я не успела поудивляться, вволю нарадоваться почкам, как за какой-то миг — вчера еще не было, а сегодня — уже везде белые, синие, фиолетовые цветы. Цветы на голой земле. Я с утра выносила мусор и увидела эти цветы на полянке внутреннего двора, возле мусорных баков.

Пришла и сказала Акселю, что помойка начала цвести. Какие крупные подснежники. Это не подснежники. Аксель говорит, это крокусы. А я впервые вижу крокусы. Значит, это весна — весна и крокусы. Какое прекрасное время для любви и надежд. „Вот такие вот крокусы“, — думаю я и хочу заплакать. Крокусы-хренокусы!

Вслед за крокусами в одно весеннее утро появился Игорь. Я думала, что это Аксель забыл что-то, уходя на работу, и вернулся: неужели лень достать ключи?!

Открыла дверь в одной пижаме. На пороге Игорь:

— Я же обещал, что найду тебя сразу как прилечу.

У него в руках чемодан. Он отталкивает меня и проходит в квартиру.

— Ты слишком долго удивляешься. Я устал с дороги и там, — кивает на входную дверь, — еще, знаешь, не жарко.

Мы опять оказываемся на полу. Почему-то никому не интересно, что вдруг действительно вернется Аксель, который ушел всего несколько минут назад. Я даже успеваю подумать: „Пускай он сейчас придет и все сразу закончится“. Но Аксель не приходит. А Игорь сообщает, что останется у нас.

— Ты же не против? Он швыряет чемодан в угол прихожей и говорит мне:

— Пошли, у нас много дел!

Глава 25

Мужская солидарность

Игорь таскает меня за собой по всему Берлину. Я рада, что он взял меня с собой. Остаться сейчас дома одной было бы слишком неправильно. А так, так кажется, что все абсолютно нормально. Ну что тут такого? Гуляем по Берлину.

С кем-то встречаемся, где-то сидим, снова идем и заходим в странные помещения, кафе, клубы. Днем ночные заведения кажутся такими же не выпавшимися, такими же потрепанными и несвежими,

как и хозяева, позевывая, лениво открывающие двери, приглашающие нас внутрь. Я не сильно слежу за разговором. Я не знаю этих людей и понимаю, что Игорь не хочет, чтобы я встревала в разговор. Я наблюдаю за ними и пытаюсь угадать их судьбы. Это не так-то просто. Хотя они больше похожи на бомжей, это владельцы каких-то площадок и клубов. Они хрипло смеются и рассуждают о рекламных кампаниях и прибыли. Худые и одинаковые, одетые в какую-то мешковину, некоторые с фенечками, с кольцами на длинных костлявых пальцах. Они все курят какую-то дрянь. От этой дряни кружится голова и хочется скорее выйти на улицу. Я с тоской смотрю на Игоря, а он, похоже, хорошо знает этих людей. Они сердечно обнимаются,

и он обещает скоро опять зайти. Хорошо в этих людях то, что они не пристают ко мне. Спрашивают: „Кофе? Пиво?“, ставят пепельницу и уже разговаривают с Игорем не спеша, ни о чем и обо всем сразу. Какие-то ничего не значащие имена, чужие истории.

Вечером мы вместе приходим домой. Аксель открывает дверь. Он уже в домашних джинсах и очередной футболке, конечно, из Hard- Rock-Cafe.

— Привет, Аксель. Ты уже дома? А это? Это — Игорь. Он музыкант из России. Мы познакомились с ним, когда ужинали с Селеной. Он поживет у нас пару дней. Ты же не против? Так получилось, что ему негде пока остановиться.

Аксель вообще не против. Аксель, как всегда, рад и сразу переключается на Игоря, набрасывается на него со всей своей счастливой энергией, начинает рассказывать Игорю, что он тоже немного музыкант. Говорит, что у него с друзьями своя группа была, и они иногда репетируют, точнее, репетировали, пока он не встретил меня и у него теперь совсем нет времени. Может быть, когда-нибудь потом, может, после свадьбы... А он так любит музыку. Показывает на свою футболку.

— Ты знаешь Hard-Rock-Cafe? Я бываю в этом кафе в любом городе мира и везде покупаю футболку на память. Может быть, мы с тобой что-то вместе сыграем? И как тебе Берлин? А какая погода в Санкт-Петербурге? Да, неужели так холодно? А у нас, смотри, — ласково смотрит на меня, — у нас цветут крокусы. А ты, — он берет меня за руку и смотрит в глаза, — ты сказала Игорю, что раньше никогда не видела такие цветы?

Игорь сидит молча. Я еще ни разу не видела его таким вежливым и улыбающимся. Мужчины пьют пиво, а потом водку за встречу и очень приятное знакомство. Игорь слушает, как Аксель сбивается и снова начинает играть одну и ту же песню на гитаре „...zu spät— zu späät...“* — поют они уже хором. Утром Игорь и Аксель уходят вместе. На прощание Игорь говорит мне, пока Аксель во дворе заводит машину:

— Он нормальный мужик. Для немца он вообще отличный парень. Тебе повезло, а ты — дура и сучка, — Игорь смотрит на меня уже знакомым злым взглядом.

Он меня презирает? Мне становится весело, говорю ему:

— Скажи что-нибудь новое.

Он забирает свой чемодан и хлопает дверью. Я зачем-то поворачиваю ключ в замке на несколько оборотов.

Песня немецкой группы Ärzte „Zu spät“ („Слишком поздно“).

Warum hast du mir das angetan?

Ich hab's von einem Bekannten erfahren

Du hast jetzt einen neuen Freund

Zwei Wochen lang hab ich nur geweint

Jetzt schaust du weg, grüßt mich nicht mehr Und ich lieb dich immer noch so sehr

Ich weiß, was dir an ihm gefällt

Ich bin arm und er hat Geld

Du liebst ihn nur, weil er ein Auto hat Und nicht, wie ich, ein klappriges Damenrad

Doch eines Tages werd' ich mich rächen

Ich werd' die Herzen aller Mädchen brechen Dann bin ich ein Star

Der in der Zeitung steht

Und dann tut es dir Leid

Doch dann ist es zu spät

Zu spät, zu spät, zu spät

Dann ist alles zu spät

Du bist mit ihm im Theater gewesen

Ich hab' Dir nur „Fix & Foxi“ vorgelesen

Du warst mit ihm essen — natürlich im Ritz

Bei mir gab's nur Currywurst mit Pommes Frites

Der Gedanke bringt mich ins Grab Er kriegt das, was ich nicht hab'

Ich hasse ihn, wenn es das gibt

So wie ich Dich vorher geliebt

Ich wollte ihn verprügeln Deinen Supermann

Ich wusste nicht, dass er auch Karate kann

Eines Tages werd' ich mich rächen

Ich werd' die Herzen aller Mädchen brechen

Dann bin ich ein Star und du läufst hinter mir her

Doch dann ist es zu spät, dann kenn' ich dich nicht mehr

Zu spät (zu spät), zu spät (zu spät), zu spät (zu spät)

Doch dann ist es zu spät, zu spät (zu spät), zu spät (zu spät) Zu spät (zu spät), dann ist alles viel zu spät

Songwriter: Jan Vetter

Songtext von Zu spät Universal Music Publishing Group

Глава 26

Тайное и явное

Вечером за ужином Аксель спросил:

— А где же Игорь?

— Он не придет больше.

— Почему не придет? Что случилось? — Он уже нашел, где жить.

— А почему он не пришел попрощаться?

— Потому что я с ним поссорилась. У нас разные взгляды на жизнь. Да, наверное, как-то так...

Аксель оторвался от еды и внимательно посмотрел на меня:

— Тебе не кажется, что у тебя талант портить отношения с хорошими людьми? Сначала ты сказала, что что-то не поделила с Алиной, и она даже не осталась на свадьбу, а теперь вот Игорь. Зачем ты так?

Скоро, очень скоро свадьба. Скоро свадьба, а значит, приедут родители. Всего-то и осталось — десять раз поспать, десять раз прожить бесконечный день, и они будут здесь. Мои мама и папа. Я не могу пока впустить в себя эту радость. Я запрещаю себе думать об этом, но это выше меня. От одной мысли начинает щипать в носу. Мама и папа приедут — и все будет хорошо, как в детстве. Я и не думала, что буду по ним так скучать. Я не видела их сколько? Три месяца? Это, оказывается, очень много. Кажется, что прошла целая жизнь. Странная чужая жизнь, где нет мамы и папы. Я же так стремилась к свободе, прочь от рутинных затасканных будней. А оказалась не готова к разлуке. Нечаянная мысль о доме подталкивает к горлу комок, заставляет дрожать голос и наполняет глаза воспоминаниями. Целые озера воспоминаний и нежности. Стоит нечаянно моргнуть, и озера выйдут из берегов, расплескаются по щекам, подбородку. И будет уже не остановить этот поток, это наводнение — спасайся кто может! Слишком больно оказалось любить на расстоянии. А раньше можно было и не замечать. Ну зачем замечать то, что и так всегда рядом? Пока жили вместе, я и не задумывалась, что это так просто — можно прийти к маме, положить голову на колени и успокоиться в тепле рук. Меня нет — я в домике! Слушать голос, опять чему-то поучающий, пусть сто раз правому и не правому одновременно, просто слушать голос. Какая же это роскошь — быть рядом и слушать голос. Папа, который сидит на своем законном месте. Место стало удобной, продавленной за годы впадиной на диване. Место, на котором я сворачиваюсь калачиком. Оно и мое любимое место. От папы и даже от его впадинки на диване веет настоящим спокойствием. Папа и добро — синонимы. В его речи не существует обидных „тебя предупреждали, о чем ты думала“. Папа и мама занимаются привычными вещами: разговаривают на кухне, смеются, смотрят телевизор. Оказывается, это вовсе не привычные вещи — это вещи, о которых я буду вспоминать с озерами в глазах. Буду отгонять эти

воспоминания, чтобы вдруг не сорваться, не броситься туда, откуда так стремилась вырваться. Так не может быть постоянно. Это должно когда-то пройти. Я сумею. Разве я не считала себя сильной, даже жесткой? Я жесткая женщина с озерами в глазах. Только не моргнуть. Только бы не моргнуть. Не сейчас. нас так замечательно сфотографировал тот парень. Ну тот, который приехал с группой на семинар. Помнишь, его звали Joe Love? Или это псевдоним? Все равно, здорово, что именно он нас так удачно тогда снял — это моя любимая фотография.

Аксель наклоняется над столом и дотягивается до полароидного снимка. Рассматривает его, рукавом протирает невидимую пыль и продолжает: „Дальше, если будет хорошая погода, предлагаю пойти в...“

Я со всем согласна. Я так благодарна Акселю в этот момент. Он хочет порадовать моих родителей. Он умеет и знает как. Я уверена, что мама с папой будут от всего в восторге. Особенно, конечно, от такого заботливого зятя. Я слушаю Акселя и кутаюсь в уютное облако счастья, плыву в нем по уже привычным для меня улицам, держу за руку папу и маму. А как им понравится наша квартира? Наверняка понравится. Не может не понравиться. А я покажу маме все мои наряды и, если ей что-то подойдет, я сразу же подарю ей. Нет, лучше — я пойду с мамой по магазинам и куплю ей все, что она захочет. Буду смеяться, как она охает, рассматривает ценники, отказывается: „Не надо, дорого, мне ни к чему, мне правда ничего-ничего не надо...“ Буду счастлива! Буду ее дразнить, ворчливо ругаться: „Мама, это копейки, прекрати, пожалуйста“ — и куплю незаметно все, что ей понравилось.

А с папой я поеду в Bauhaus — царство для мужчин с руками или даже без оных. Если есть голова, то с таким подспорьем справится любой. Представляю, как папа будет ходить по строительному мегаполису и грустить глазами на полки. Он, наверное, даже представить себе не мог, что бывают такие чудесные дрели, сундучки со всеми строительными „прибамбасами“. Я знаю, чем его удивить. Что может быть для мужчины лучше электродрели-шуроповерта? Для мужчины, неоднократно разобравшего-собравшего мебель для переезда, самолично воздвигшего дом на даче — все на грани подвига — монумент ручному труду ценой бессонных ночей и жестких мозолей. Папа обязательно скажет: „Эх, дочкин-почкин, бывают же чудеса!“

Осталось десять дней...

Мы идем вдоль озера. Аксель приобнимает меня за талию. Со стороны мы молодая счастливая пара. Я начинаю говорить раньше, чем успеваю подумать. Именно слова, а не давно забытые поступки могут оживить и расковырять, разбередить то, чего совсем и не надо сейчас: „Аксель, зачем ты читал мои письма в электронной почте?“

Аксель выдерживает взгляд.

— Я хотел понять тебя. Знаю, это звучит глупо...

— Зачем тогда?

— Я не знал, как быть с тобой. Я тебя не понимаю. Что мне делать, чтобы стать ближе к тебе? Я думал, что, может быть, найду ответ в письмах. Но ты права, мне ничего не дали твои русские письма. Я открывал одно письмо за другим и пробегал глазами строчки. Такие же непонятные, как и ты. Я разговаривал с тобой. Я говорил с этими письмами, спрашивал, много раз спрашивал: О чем ты думаешь? Какие у тебя чувства ко мне? Чего ты хочешь?

По Акселю видно, что он ожидает от меня сочувствия и понимания. Может быть, даже ждет, что его обнимут и пожалеют.

— Ты же никогда не разговариваешь со мной по душам. Ты держишь в себе что-то, чего я

не могу понять. Помнишь, ты писала мне тогда, еще в Уфе, по электронной почте? Каждое твое письмо заканчивалось на „Искренне твоя“. Почему ты писала „твоя“ тогда и не стала моей теперь? Теперь, когда мы скоро станем мужем и женой.

Я не люблю патетику, меня раздражают выпячиваемые переживания, и вместо сочувствия мой голос становится жестче.

— Я писала „твоя“, потому что так пишут в конце любого письма, и ты это знаешь не хуже меня. Почему ты перекладываешь то, что хочешь слышать, на то, что я не имела в виду?

Аксель не уловил смену моего настроения и продолжает давить на жалость:

— Я хотел, чтобы ты именно это имела в виду. У меня есть все, все твои письма. Я их все распечатал и храню, иногда перечитываю. Аксель достал бумажный платок, вытер глаза и увлекся продуванием носа.

— Я так понимаю, что письма от Франка ты хранишь там же?

Аксель вздрогнул, как от неожиданно резкого звука, и застыл. Мимо пробежала чья-то светлая собака. Аксель проследил за ней глазами. Собака полностью завладела его вниманием. Тихо, обращаясь к собаке: „Ты знаешь? Откуда ты знаешь?“

Ничего не ведающая и очень занятая запахами собака убежала, задрвав хвост, догонять своего пожилого хозяина. Аксель повернулся ко мне:

— Откуда ты знаешь?

— Тебя волнует только, ОТКУДА я это знаю?

— Я не мог отдать тебе письма. Почему он тебе пишет?

— Опять неправильный ответ. Как ты мог не отдать мне мои письма? И почему ты меня тогда сразу не спросил, почему он мне пишет?

— Я не решился. Я боялся, что ты скажешь что-то, чего я не смогу слышать. Тогда, в самую первую нашу встречу, именно он пошел тебя провожать ночью. Вы оба тогда ушли, и ни тебя, ни его я в тот вечер больше не видел. Что я должен был думать? Ты знаешь, что я тогда пережил? Ты знаешь, что со мной происходит, когда я об этом вспоминаю?

— И поэтому ты позвонил ему?

Ни собак, ни людей на дорожке. Некуда отвести взгляд и не на чем сосредоточиться. Я понимаю, что он не готов. Он не думал, что я узнаю, и не готов к этому разговору. Он говорит первое, что приходит в голову, и, видимо, правду:

— Да, я звонил ему. Я спрашивал его, что между вами было. Я сто раз спрашивал его, что между вами было! — Аксель уже кричит. — Я его спрашивал, а он смеялся надо мной. Он говорил, что если мне что-то кажется, то я должен спросить у тебя. Вся его манера говорить... Он издевался надо мной.

— А чего ты ждал? Что он станет с тобой откровенничать? Аксель вздыхает и продолжает уже более уверенно:

— Я сказал ему, что мне все равно, что между вами было. Сказал, что мы скоро поженимся, что ты дала согласие, что ты меня любишь.

— И на этом все?

— Сказал, что у тебя русская виза, и если мы не поженимся, то тебя выгонят из Германии. Сказал, что если он будет тебя искать, то испортит тебе и мне будущее.

— Ты сказал ему, что меня выгонят? Из-за него?

У меня в голове начинают быстро мелькать разноцветные блики. Вспышки огненной или солнечной активности? На улице оставаться опасно. Сгорит все живое.

— Ты не понимаешь, как сложно мне было с ним говорить, — продолжает вполголоса Аксель. — Если бы ты знала, чего мне стоило позвонить ему.

Аксель молчит и смотрит на носки своих начищенных ботинок. К одному пристал старый, еще осенний, наполовину истлевший лист. Аксель пытается очистить ботинок, балансирует на одной ноге и повторяет еле слышно:

— Я просто не хотел, чтобы он нам помешал.

Вспышки солнечной активности застилают глаза. Я уже не понимаю, о чем я говорю, кому и зачем. Я, кажется, кричу или, наоборот, холодно чеканю каждое слово?

— Ты хотя бы догадываешься, как подло ты поступил? Как ты мог забирать письма, написанные мне? Как ты мог звонить чужому человеку и выспрашивать его про какие-то наши отношения? Ты же позоришь себя, ты унижаешься! Неужели это не ясно? Я не смогу тебя уважать и любить после этого! Это низко. Это подло, слышишь? Это очень-очень подло. А самое страшное, что ты, похоже, даже не понимаешь, насколько это подло. Тебе жалко себя, ты не можешь понять меня, и тебе кажется, что это и есть оправдание твоим поступкам? Ты почему-то вот так легко решил за всех... Решил за меня, когда неожиданно предложил жениться, решил, что я тебя когда-нибудь полюблю, решил за Франка, что он переспал со мной и будет тебе мешать. Ты не имеешь права! Слышишь, ты не имеешь никакого права вмешиваться в чужую жизнь. Ты никогда и ничего не добьешься своими подглядываниями, шпионством, звонками! Ты хотел узнать, что было у нас с Франком? Ты действительно мог спросить меня! Я хотела его в ту ночь, но он не захотел. Он пожелал мне спокойной ночи и ушел. Слышишь, он ушел, а ты ему звонишь и скулишь в трубку: „Что между вами было? Что между вами было?!“

А хочешь, я скажу тебе, что было? Ну, например, между мной и Игорем? Тем самым Игорем — твоим „другом“ и „прекрасным человеком“! Почему-то здесь ты решил доверять и не следить за нами?

А напрасно, напрасно! Надо быть верным самому себе и последовательным. Это же именно то, чем ты гордишься? Я изменяла тебе с Игорем! У нас дома! Несколько раз! Мне нравилось! Я хотела, чтобы ты пришел и застал нас!

Я перевожу дыхание и жду, когда перестанет стучать сердце. Оно бьется где-то совсем не там, где положено: отдает в горло и виски. Голова кружится и не хватает дыхания.

— Ну вот, пожалуйста, все как ты хотел — разговор по душам! Ты все еще хочешь на мне жениться?

Я разворачиваюсь и иду по дорожке вдоль озера. В голове, как в перекипевшей кастрюле, почти ничего не осталось, кроме ошметков пены по краям. Ошметки моей так и не начавшейся благополучной жизни...

Глава 27

Я подумаю об этом завтра

Мы молча вернулись домой. Я устала от собственной глупости, или это больная совесть? Легла спать. Скарлетт О'Хара и всегда спасающее „Я не буду думать об этом сейчас — я подумаю об этом завтра“.

Акселю не хватает жизненной мудрости Скарлетт О'Хары. У Акселя умонастроение экзистенциализма — протест, дискомфорт, страдание. Всю ночь на кухне горит свет. Под утро я не выдерживаю, погружаюсь в мохнатый халат и прихожу к нему, разделить протест и страдание.

На кухне от пола до потолка висит облако табачного дыма. Табачный туман скрывает Акселя: он спрятался, а я его нашла, и ему придется со мной общаться. Кудрявая голова Акселя белым барашком выныривает из тумана и говорит:

— Да.

— Что да? — развожу руками и шагаю в облако, хочу вскипятить чайник.

— Да на твой вопрос. Да, я все еще хочу на тебе жениться.

Я поворачиваюсь к нему. Из носика чайника выплескивается вода — слишком резкое движение.

— Ты собираешься на мне жениться даже после всего, что я тебе сказала?

— Я тоже виноват перед тобой. Точнее, ты считаешь, что я виноват, а я так не считаю, но раз ты считаешь, то значит все равно обижаешься, и значит все равно виноват.

Аксель выдал сложную фразу — продукт своих ночных умозаключений — и уставился на меня за реакцией.

Я наконец-то включила чайник, внимательно изучая Акселя. Туман под столом уже рассеялся, и мне видны белые ноги Акселя в цыпках. Я отворачиваюсь, чтобы не передумать и сказать то, что я должна сказать.

— Я выйду за тебя замуж, если ты пообещаешь больше никогда не шпионить и никогда, слышишь, никогда не попрекнешь меня, что только благодаря тебе меня „не выгнали из Германии“.

Аксель кивает, и светлые кудри кивают вместе с ним.

— А ты пообещаешь, что больше не будешь ни с кем встречаться. И никого, кроме меня, не полюбишь.

Я думаю, что когда человек трезв, воспринимать некоторые фразы всерьез трудно:

— Что ты имеешь в виду? Как я могу такое обещать? Это абсурд! — я начинаю закипать в унисон с чайником. — Я могу пообещать тебе, что постараюсь тебя полюбить. Постараюсь! А

если я люблю кого-то другого, я обещаю, что сразу сообщу тебе об этом, и мы расстанемся. Как я могу пообещать, что никого не люблю, кроме тебя?

— Ладно, — говорит Аксель, — я слишком устал, а мне скоро выезжать на работу.

Он встает из-за стола, задевает неосторожным движением бедра за край и проливает мой только что налитый чай.

— Прости.

— Ничего, ничего, иди, я уберу.

Аксель идет собираться на работу, я вытираю стол и думаю, что жизнь такая странная. Даже еще более странная, чем в книгах и кино. За один какой-то вечер я все потеряла, потом снова обрела и, что самое главное, чувства при этом остались одинаковыми — полное распутье и неопределенность, и чай вот весь разлился, а новый уже не хочется. Чтобы сказала на это Скарлетт О'Хара? Наверное, сморщила бы носик и ускакала вдаль. Она правильная была, эта Скарлетт. Она бы, наверняка, подумав на следующий день, решила, что, выходя замуж за Германию, придется испортить жизнь одному конкретному человеку. Человеку с голубыми невинными глазами, трогательными без очков. Человеку, выросшему в атмосфере бесконечного детского праздника: любые игрушки, благополучные родители, обильная на достаток страна.

Совість — это предатель, живущий в собственном теле. Вести себя бесчестно и не понимать этого — удел счастливых. Вести себя бесчестно и понимать, что осознанно губишь другого человека, — непростая ноша даже для профессиональных негодяев.

За что ангелу Акселю повстречалась я? Точно не за грехи! Главный грех, который сразу вспоминает Аксель из детства, — история, в которой зашкаливают сразу все остросюжетные параметры: смелость, отчаяние, юмор, безумство храбрых... и большая тайна с несколькими посвященными, как на стул учителя подложили подушку с пугами. Чем не блокбастер?

В юности история страшногреховная тоже имелась: в году таком-то так напился, что упал с велосипеда! Овации, крики: „Не может быть! Никогда не поверю! Только не ты!“ Виноватый взгляд и позднее раскаяние: „Знаю, что это ужасно, но вот такой уж я хулиган...“ Может, он идиот? Тоже нет. Успела познакомиться с его друзьями детства. Все как один — такие же! Рассказывают хором, смеясь до икоты, как они „беспредельничали“ на чей-то день рождения. Опять фигурировали подушки с пугами, как гвоздь программы любого хулиганского веселья. Затем Михаэль облил Кристиана водой (все лежат на полу от истеричного хохота), и тот пошел в мокрых штанах домой. Кого-то даже у директора школы отчитывали — высшая мера наказания. Я благоразумно промолчала и вежливо улыбалась их ярким воспоминаниям. Должно быть, меня посчитали странной и ничего не смыслящей в веселье...

Они — *creme de la creme* — выглаженные, опрятные, трафаретно благополучные. Дома-виллы, каникулы — весь земной шар, любовь — пухленькая девочка с косичками, соседка по парте, живет через дорогу. У людей его круга, друзей детства нет задачи сложнее, чем вырваться из родного гнезда, ну, чтобы учиться, к примеру, в Берлине. Родители и там не дадут пропасть: приедут, помогут снять квартиру в центре, обустроят, создадут уют и обеспечат деньгами на все беспокойное „разгульное“ время студенчества. Да и потом.

Может быть, провидение послало меня Акселю именно из-за беспечной легкости бытия? Чтобы повзрослел? Чтобы жизнь сразу перестала быть понятной и стала сумбурной, жестокой, несправедливой? А к чему ему в Германии такие прозрения? Жил бы себе и дальше, прыгая по облакам розовощекимым купидоном. Девочка с косичками из дома напротив — верная жена и мать. Булочки по утрам, рецепт домашних печенек по выходным, друзья и любимый ресторан, весна

на Канарах, лето на Балтике. Что-то пошло не так в Божьем промысле.

Я стояла еще какое-то время на кухне с пустой чашкой чая в руках, как старая кобыла, которая не помнит: она только что пришла или как раз собиралась уходить. „Будь что будет, — решила про себя. — Скоро приедут родители — все будет хорошо“.

Все время до приезда родителей мы почти не общались. Я и не замечала, занятая своими переживаниями. Аксель стал приходить поздно, а уходить до моего пробуждения. Разговоры на несущественные темы, по вечерам молча пялились в телевизор и, скорее всего, оба не смогли бы пересказать содержание увиденного.

В ночь перед приездом родителей мне не спалось. Глаза не закрывались и тщательно изучали лампу на потолке, вспоминались мельчайшие детали несущественных происшествий, какие-то фразы, кем-то когда-то сказанные, мысли обо всем и ни о чем одновременно. Промучившись до утра в полубреде, вскочила и начала наводить порядок в идеально убранной квартире. Еще раз все помыла, протерла, когда проснулся Аксель, включила пылесос. — Зачем ты это делаешь? Все же и так чисто. — Я не знаю. Так надо. Мне так спокойнее.

Аксель встал, не спеша приготовил завтрак. Позвал меня. Я отказалась. Почему-то ни есть, ни спать не представлялось возможным. В желудке — холодная пустота и начинает тошнить даже от мысли о еде. Руки и ноги отчаянно мерзнут, от них на все тело передается мелкая дрожь. Если стрелки часов не начнут двигаться быстрее, я пойду на вокзал пешком. Надо что-то делать, все время что-то делать, или время замрет и момент встречи никогда не наступит.

Я обнимаю маму и папу. Они веселые и какие-то неестественно бодрые после дальней дороги. 36 часов в поезде... Теперь можно не сдерживаться, озера выходят из берегов, и я плачу, плачу, как в детстве, навзрыд, не стесняясь любопытных взглядов, не переживая за потекшие глаза, размазываю шарфом лицо, пугаю родителей, озадачиваю Акселя. Говорю, запинаясь в буквах и с трудом выговаривая слова: „Это... это от счастья. Я так соскучилась...“ Мама говорит: „Прекрати сейчас же“ — и начинает судорожно искать по карманам платок, прижимает меня к себе, и мы стоим так, обнявшись, плачем и уговариваем друг друга успокоиться. Папа перетасовывает чемоданы: у него моя манера или у меня его — надо чем-то себя занять чтобы не сорваться. Повторяет: „Ну что ты, дочкин, ну нельзя же так, ну что вы здесь устроили. До дома не могли подождать?“ Аксель стоит в сторонке, не зная, как реагировать. Папа хлопает его по плечам и спрашивает по-русски: „Ну что, Аксель, что будем с ними делать?“

В машине я сижу между мамой и папой на заднем сиденье. Я в коконе тепла и покоя. Нестерпимо клонит в сон. Мама отвлекает настороженным шепотом:

— А что такое с Акселем? Он не выглядит таким лучистым, как на фотографии. Что-то случилось? Мне показалось, что у него грустные глаза.

— Мама, тебе показалось. У нас все хорошо. У нас все замечательно...

Глава 28

Свадьбы не будет

Скарлетт О'Хара: „Я пыталась быть хорошей, но если услышите стрельбу — значит у меня не получилось“.

Мы дома. Нет! Мои родители у меня дома. Они робкие. Они боятся неосторожности и очень стараются не разочаровать Акселя — по их версии, моего прекрасного принца из сказки про Золушку. Они достают из чемоданов подарки и один за другим выкладывают на диван

со словами: „Совсем не знали, чем порадовать, что дарить. Ну что у нас есть, чего нет здесь?“ И достают из чемоданов икру, водку, приданое — еще бабушкины серебряные ложки в бархатной коробке, картину из уральских камней-самоцветов. Мама спрашивает почему-то шепотом, они вообще говорят очень тихо: „Как ты думаешь, им понравится?“ Я не знаю, понравится ли все это Акселю и его родителям. Скорее всего, они, как воспитанные люди, будут всему рады. Я не знаю, что нужно дарить, и мне это совсем не важно. Мне почему-то отчаянно стыдно. Стыдно за заискивание, стыдно за этот заискивающий шепот, за то, как мама одергивает папу: „Куда ты поставил чемодан, там же Акселю будет неудобно. Спрячь скорее под кровать“.

Папа достает из чемодана совсем новые тапочки себе и маме, ставит на пол у кровати. Мне почему-то стыдно и за эти тапочки, и за то, как старательно папа убирает чемодан и разглаживает рукой покрывало в том месте, где сидел. Такие несвойственные, чуждые движения. Они чувствуют себя обязанными за счастье дочери? „Не ударить бы в грязь лицом“ — папино выражение, которое меня опять корбит, и уже начинает злить вся ситуация. Почему уважаемые и состоявшиеся люди здесь так изменились? Я не знаю, что сказать и как донести до родителей, что не надо всего этого. Не надо так. Вы же — родители! Не надо говорить тихо и казаться незаметными. Папа, где твой смех и громкие возгласы? Мама, почему ты такая покорная и тихая? Ты же можешь (ой, как можешь!) быть ироничной и веселой.

Аксель, похоже, тоже чувствует, что родителям неловко. В воздухе липким киселем застыло переслащенное напряжение. Натянутые улыбки, неестественный смех. Все изображают радость. Аксель вертит в руках картину и говорит: „О! Как красиво“. Аксель вежливо принимает из маминых рук бархатную коробочку, мама смотрит на Акселя и тревожно переводит взгляд на ложки. Берет одну из них и чистит изнанкой кофты: „Это настоящее серебро, его надо только иногда натирать, и тогда оно блестит“. Мама показывает, как блестит ложка, а мы деланно удивляемся и дружно киваем.

— Это нам еще от бабушки перешло.

Сразу спрашивает меня:

— Ну, как ты думаешь, ему нравится или не надо было?

Я говорю:

— Мама, все прекрасно. Отличные ложки, я помню их с детства, мне никогда не разрешали их брать. Спасибо.

— Но ты ведь понимаешь, что мы берегли их вот для такого вот случая? — мама смотрит на меня и добавляет: — Я тебе еще привезла свои сережки и бабушкины золотые часы. На память.

Аксель вопросительно смотрит на нас. Ждет перевода. Я говорю: — Вот теперь, когда родители здесь, мне кажется, что все будет хорошо. Я почти счастлива. Ты не представляешь, что это для меня значит...

Аксель не смотрит на меня, он всецело погрузился в уральские самоцветы:

— Я понимаю, как вам сейчас волнительно после долгой разлуки.

У тебя очень милые родители. Я их так себе и представлял. Ты сможешь перевести им, что они мне очень и очень симпатичны?

— Конечно. Мама, папа, Аксель хочет вам сказать...

Аксель отрывается от картины и смотрит на родителей. Я вдруг замечаю в его глазах... слезы? Нет, не может быть. Он-то почему? Хотя... У него тонкая душевная организация. Может быть, тоже переживает из-за встречи?

Аксель продолжает:

— Я очень рад с вами познакомиться. Ваша дочь так много рассказывала о вас, и я так и представлял вас. Мне очень приятно. Но, к сожалению, должен сказать...

Я перестаю переводить и жду, когда Аксель закончит фразу. Мне не нравится его взгляд, полный слез, решимости и отчаяния.

— К сожалению что? — спрашиваю я.

— К сожалению... можешь переводить дальше? От них это совсем не зависит, точнее, они же ни в чем не виноваты, и все время, что они пробудут у нас в гостях, я постараюсь, чтобы мы выполнили все пункты запланированной программы... Мне очень понравились подарки... Но, но, к сожалению, я уже принял решение. Я вынужден сказать, что свадьбы не будет.

Я смотрю на Акселя, потом тоже фокусирую взгляд на спасительных самоцветах — как же они переливаются янтарем и изумрудной крошкой. Я не верю ни глазам, ни ушам, ни реальности происходящего в целом. Я заблудилась в дремучем лесу, казавшемся алмазной рощей. Я зачем-то переспрашиваю, хотя все отлично расслышала:

— Что ты сейчас сказал?

Аксель смотрит на меня, уже не стесняясь слез:

— Свадьбы, как я сказал, не будет. Мне очень жаль.

Родители первые прервали затянувшуюся паузу:

— Что случилось? Что он сейчас сказал? Почему не переводишь?

Наша игра в гляделки, где Аксель льет слезы, а я просто молчу и смотрю на него не отрываясь. Удивление? Презрение? Злость? Страх? Коктейль из эмоций, и ноль мимики на лице. Я говорю как во сне, откуда-то издалека, из чащи колючего изумрудного леса, слышу свой голос:

— Аксель рад познакомиться, но ему очень неудобно, и он просит его простить. Ему надо на работу, — поворачиваюсь к Акселю: — Ты идешь со мной в другую комнату. Сейчас же!

— Ты перевела? — спрашивает он, когда за нами закрылась дверь.

— Я не буду ЭТО переводить. Ты понял? Я не буду. Ты подлый ублюдок! Я не буду такое переводить моим родителям, которые приехали на свадьбу, рассказали знакомым и друзьям, ехали три дня в поезде, рады наконец увидеть дочь, дарят заискивающе подарки. Я не скажу им этого. Или скажу. Потом. Сейчас прошу тебя, убирайся из дома. Куда хочешь. На работу, к сестре, к друзьям. Дай мне побыть одной. Дай мне подумать. Приходи потом... может быть, вечером. Я приму решение и скажу тебе, что мы будем делать дальше.

Ты тоже иди и думай. Думай! Думай, как ты мог и когда ты решил сделать мне так больно! Именно тогда, когда я совсем беззащитна и от меня зависят самые любимые люди? Ты долго это готовил? Когда ты это решил?

Я не кричу. Я шиплю и выплевываю яд. Меня трясет. Я — колдунья, на которую вылили ушат воды, и я таю, в последних судорогах извергая проклятья. Я убью его, прямо сейчас. Если бы под рукой были волшебные башмаки, копье, пистолет, да нет, я просто задушу его... Я ненавидела его так, как даже не смела мечтать, что способна на такие всепоглощающие чувства. Аксель сжался, плачет в носовой платок, бубнит одно и то же про то, как он меня любил, а я даже не смогла пообещать ему, что не полюблю другого. Он хотел, он старался, а я его отвергла. Да, он давно принял решение, но не мог мне сказать.

— А теперь, значит, смог? Теперь, когда я совсем не принадлежу себе и не могу защищаться, ты смог? — я буквально выталкиваю Акселя за дверь. Кидаю ему в руки его рюкзак, захлопываю дверь, прислоняюсь к стене и считаю. Считаю до 10 или до 100, сбиваюсь и, не сумев вспомнить, где остановилась, начинаю сначала. Голова кружится, а сердце хочет выскочить и своими ударами наверняка уже разрушило дом, перепугало родителей. Я с улыбкой захожу к ним в комнату:

— Вы, наверное, устали с дороги? Не хотите отдохнуть?

Родители сидят прижавшись друг к другу, как два взъерошенных перепуганных птенца. Мама все еще держит в руках серебряные ложки:

— Что у вас происходит, дочь? — говорит папа тихо и строго.

— У нас все хорошо, просто немного устали, переволновались, не поладили. Так бывает. Вы тут ни при чем. Акселю надо на работу, а я обижалась, что он не может побыть с нами. Но так ведь даже лучше, или нет? Мы сможем, наконец, побыть одни, дайте-ка я на вас уже налюбуюсь...

Глава 29

По-другому быть не может

„Решать проблемы по мере поступления“, — твердила я про себя, пытаюсь ухватить хотя бы за один хвостик ускользающие и перебивающие друг друга мысли. Моя проблема номер один: родители приехали на свадьбу. Трагичная мизансцена — брошенная у алтаря невеста — не входила в детально продуманный план пребывания. Или входила? Почему мне казалось, что я знаю Аксея, как давно прочитанную книгу? Нет, не книгу, а инструкцию по эксплуатации. Мне казалось, что я давно изучила это техническое приложение и знаю, что кнопка Б вызывает радость, а если немного надавить и подержать рычажок С, то польются слезы. „Во избежание несчастных случаев внимательно изучите инструкцию...“

Или я переоценила возможности хрупкой техники? Ну да, я всегда не дочитывала до конца скучные руководства по эксплуатации. Раз не выходит из строя, то зачем? И вдруг разом взорвался двигатель, треснул корпус, полетели пружинки-колесики. Этот запах гари! Или это у меня полетели колесики, винтики-гаечки и все сразу шурупы? Может быть, это у меня короткое замыкание? Так не должно было быть! Не со мной! Не сейчас! Я совершенно не имею права так поступить с родителями. Где? Что? Как налаживать?

Любой психиатр сказал бы что-то наподобие: „Да вы, девушка, что-то доказываете родителям... У вас были проблемы с мамой? Вас где-то недооценили или недолюбили?“ Я думаю, что психиатры правы, все мы родом из детства, и разве мало нас таких, которые всю жизнь доказывают что-то родителям, друзьям, даже малознакомым людям? И все же... А может быть так, что я просто не хотела их расстраивать? Просто не хотела и не могла. Жалела? Если тот же психиатр покопается дальше, найдет несомненно, что мне было легче переложить вину за собственные отвратительные поступки на плечи родителей, найдя хорошее оправдание: „Ради них, именно ради них свершается подлость и низость, а мне, бессребренице, ничего от жизни и не нужно — лишь бы родителей порадовать“. И тоже возражу: „Конечно, нет!“ Я прекрасно понимала, что уже привыкла к другой жизни.

Обо всем этом я думала, когда выгнала Аксея, а потом сама сбежала из дома, не сумев выдерживать взгляд родителей, сказав первое, что пришло в голову:

— Чуть не забыла — у меня же назначен сеанс в солярии. Я ненадолго, отдохните пока, попейте еще чай. Берите все, что хотите, в холодильнике.

И выбежав из дома, поспешно закрыла дверь от недоуменных возгласов. И действительно пошла в солярий. Через дорогу. Заказала полчаса искусственного солнца.

В теплой утробе, под тихую музыку я сама не заметила, как заснула. Интересное свойство организма отключаться. Говорят, что при сильном стрессе люди не могут заснуть. Оказалось, что наоборот, при сильном стрессе организм отключается сам: „Хватит, поиграли. Кнопка „Выкл“.

Перестал работать еле слышный мотор, стало холодно и с особой силой зашумел венти-

лятор. Я проснулась новая и с предельно простым решением. Я все смогу! По-другому просто не может быть!

Все предельно ясно! Я подумаю об остальном потом. Я выйду замуж за Акселя. Да, я испорчу ему жизнь. Теперь совершенно сознательно. Мне наплевать. Он справится. Немецкий инженер должен со всем справиться. Именно он должен собрать все свои винтики, подкрутить гаечки и собрать себя заново. Он должен уметь. По профессии, согласно выданному диплому. А я сволочь, и мне за все воздастся? Я не боюсь. Я не боюсь — это все потом. Я не буду думать про потом. Есть сегодня и сейчас.

Работница солярия сильно удивилась: в салон вошла бледная девушка с потерянным взглядом и рассеянно высыпала из кошелька мелочь. На участливый вопрос: „Geht es dir gut?“ („У тебя все хорошо?“) ответила: „Eine halbe Stunde, bitte“ („Пожалуйста, полчаса“). Через полчаса из кабинки вышла другая личность: чему-то улыбается, распустила рыжие кудрявые волосы, голова вверх, плечи расправлены. На прощанье пропела: „Хорошего дня!“ — и вышла легкой походкой.

Я шла по улице и улыбалась: „Я — королева. Как же я могла забыть?“

Шаг первый. Я расскажу родителям, что происходит. Они должны знать. Так проще и, наверное, честнее.

— Да, а еще я ему говорила все время, что его не люблю, но, может быть, смогу со временем полюбить. Он сам хотел. Я его не просила. Почему он вдруг решил отменить свадьбу? Наверное, потому, что я изменила ему, призналась в этом и очень цинично заявила что-то наподобие „так тебе и надо“. Он даже это простил, а потом я сказала ему, что не могу обещать, что не люблю кого-то еще.

Я выдыхаю и смотрю на родителей. Как ни странно, никто не падает в обморок и мама не заламывает рук: „Я так и знала“. Папа хмурится:

— А почему ты решила, что твоя эта правда ему нужна? Зачем ты ему все это говорила? Честная, гордая, вся в белом, мол, так и быть, выйду замуж, буду распоряжаться твоим благополучием и при этом даже не хочу обещать, что в один прекрасный день только меня и видели, если появится другой? Я правильно тебя понял?

А я и забыла, что мой папа тоже инженер. Кажется, он сразу увидел, где выпал шурупчик. Неожиданное для меня прозрение: папа умеет смотреть в корень и понимать даже больше, чем я сама про себя понимаю.хлопаю глазами:

— Да, ты все правильно понял. И Аксель понял, конечно, так же. Вы только не переживайте, я все исправлю. Я уже даже знаю как.

Я вспомнила, на какую кнопку надо нажать в аварийной ситуации... Аксель, можешь возвращаться. Я жду тебя!

Мама и папа сказали, что им необходимо прогуляться:

— Нам надо подышать воздухом после всего услышанного...

На улице обычный берлинский дождь — под стать настроению и вполне в духе разворачивающейся мелодрамы.

Я выдала родителям свой большой красный зонт: „Он всегда спасал меня от серого неба“. Родители молча посмотрели на жизнеутверждающий зонт, вздохнули и ушли. Я смотрела на них в окно: две фигуры под красным зонтом — пятьдесят шагов в одну сторону, пятьдесят обратно,

пятьдесят в одну, и обратно. Картина малоизвестного художника — меня „Родители приехали на свадьбу“. Холст. Масло.

Аксель вернулся вечером, как договорились. Не один. С подкреплением — со своим папой. Моим любимым почти свекром. Отец Акселя тоже инженер и профессор одновременно. У нас дома собирается вечернее заседание клуба инженеров?

Почти свекор или уже почти не свекор обнял меня и посмотрел внимательно добрыми голубыми глазами Акселя:

— Что у вас здесь происходит?

— Познакомьтесь, это мои родители.

Мама и папа как-то неуверенно развели руками, пожали плечами. Мама попыталась улыбнуться, а папа протянул руку. Почти не свекор пожал руку обоим, а мама с непривычки сделала небольшой книксен.

Отец Акселя улыбнулся:

— Я думаю, что нам надо все-таки обняться!

— Какой замечательный человек, — сказала шепотом мама и вытерла украдкой уголки глаз.

— Вы пока как-то пообщайтесь. Инженер всегда поймет инженера, — попыталась пошутить я. — Нам с Акселем надо поговорить.

Глава 30

Из куриного теста

— Давай присядем.

Я опустилась на край кровати: спина прямая, голени прижаты друг к другу, ноги сложены немного наискосок, скрещенные в щиколотках. В каком-то старом черно-белом кино так сидела героиня, я тогда восхитилась и запомнила, а сейчас неожиданно пригодилось. Сидеть так очень непросто, зато как благородно выглядит весь образ. Короткое черное платье, скромный вырез. Взгляд из-под выбившегося локона. Незаметный макияж обеспечил непривычную бледность и ощущение полного отсутствия косметики.

— Я обо всем подумала, Аксель. Мне очень жаль, но ты прав — нам необходимо расстаться. Я не должна больше тебя мучить, и все,

что я сделала и сказала за последнее время, очень жестоко по отношению к тебе. Мне казалось, что я так защищаюсь. Я почувствовала, что начинаю любить тебя, и испугалась этого чувства, понимаешь? Я не думала, что это произойдет так быстро. Потом пришел страх: вдруг я полюблю тебя, а ты меня разлюбишь? Знаешь, так бывает. Человек любит, очень долго любит, и, пока любовь безответная, он еще очень долго готов ждать и любить... Я боялась, что ты разлюбишь меня, если поймешь, что я уже твоя. У меня был печальный опыт в прошлом, и меньше всего я хотела повторить его с тобой. Я специально вела себя так гадко. Теперь я поняла, что была не права, но это меня не оправдывает. Я не должна была с тобой так...

Я не плачу и даже не пытаюсь выжать слезу. Говорю медленно, как будто мне трудно произносить каждое слово. Впрочем, высокопарность — любимый стиль Акселя — мне действительно дается с трудом. Паузы, сдержанные вздохи, отрешенный взгляд в пространство.

— Нет, ничего не говори, я еще не закончила. Ты абсолютно прав, мы расстанемся. Я уже все сказала родителям. Они очень переживают, но я им объяснила, что не могу так поступить с тобой. Я хочу попросить тебя только об одном. Ты можешь дать мне немного времени? Во-первых, я хочу показать родителям Берлин. Они — и тут ты снова прав — не виноваты, что я такая. А пока мы будем здесь — ты только сейчас не сердись — если мы уже решили, что расстаемся,

то я завтра позвоню Франку. У тебя же есть его телефон? Я подумала, что не могу страдать и чувствовать себя брошенной. Я не умею быть одна. Мне нужен кто-то сильный рядом, кого я хотя бы немного знаю, кто, наверное, поймет и поддержит меня. Как ты думаешь? Франк поможет мне? Он же писал мне письма, значит, наверное, думал обо мне. Ты дашь мне его телефон?

Я делаю паузу, запинаясь:

— Ах да, а Игорю я звонить не буду. Ты же ничего не знаешь, но мы расстались именно из-за того, что я выгнала его из нашего дома, когда он попытался приставать ко мне. Сказала, что люблю тебя и наша встреча с ним была большой ошибкой. Мне было одиноко тогда, когда я

его встретила. Тебя не было, я лишнего выпила, ну ты понимаешь... Я придумала и наговорила тебе тогда со злости и отчаяния, что мы и потом были любовниками. Боже мой, конечно же нет! В общем, с Игорем я не могу больше говорить. Нет, умоляю тебя, только не плачь. Я не могу видеть твои слезы. Я опять делаю тебе больно? Прости и давай расстанемся красиво. Сейчас мы выйдем к родителям, посидим с ними. Будем смеяться и пить водку! Давай!

Пускай из нашего расставания мы сделаем праздник. Чтобы не сойти с ума. Чтобы не думать, что наша любовь вот так вот закончилась за несколько дней до свадьбы.

Я могла не говорить дальше. Я уже знала, что свадьба будет точно в назначенную дату.

Когда мы вышли к родителям, Аксель держал меня за руку, гладил потными пальцами по ладони. Я хохотала, как механическая игрушка, и вливала в себя водку. Родители и почти свекор заподозрили, что я сошла с ума. Невеста, а здесь такие переживания. А я и сошла. Мне противно! Меня выворачивает. Даже вкус ненавистной водки не перебивает этот кислый, мерзкий вкус унижения. Противно! Боже, как же все противно и просто! Как скучно, как банально и омерзительно до мурашек, беспрестанно карабкающихся по позвоночнику. Аксель уже плачет, целует руки, просит на коленях прощения у меня, потом у родителей — благословения. Мне хочется выть.

Я все же убью его. Ночью? Сегодня? Завтра? Через год? Я отомщу. Свадьба — начало конца. Я превращу его жизнь в ад.

Надо же, какие все счастливые! Родители так ничего и не поняли. Удобная манера не замечать неприятное. Быстро решили, что мы удачно помирились, и все — в прошлом. Дело молодое, милые бранятся... Пускай так и думают. Зачем вешать на них свои грехи. Они только пришли в себя, перестали чудаковато стесняться, хлопают Акселя и почти свекра по плечам: „Мы же теперь без пяти минут родственники“. Папа Акселя уже в расстегнутой на несколько пуговиц рубашке, его пиджак висит на стуле. Красные щеки, счастливая улыбка. Пьют уже бессчетную рюмку на брудершафт. Они, инженеры, и вправду сдружились, даже вон нарисовали на листочках какие-то графики. Пьяно показывают свои чертежи и смеются, спорят. Мой папа, который никогда не пьет, тем более водку. Папа Акселя, который пил водку только как дигестив и удивлялся, что ее можно пить как основной напиток. Надо же. Видимо, все как следует перенервничали. Папа Акселя говорит, как будто подтверждая мои мысли:

— Я очень переживал за наших детей, но знал, что все будет хорошо! Я пытался отговорить Акселя от поспешных решений...

— Как же быть с приглашениями на свадьбу? Я всем отослал извинения и отменил прием, — вдруг спохватился Аксель.

— А я люблю, когда рядом только самые близкие, — сказала я и обняла маму. — Мы хорошо отпразднуем в семейном кругу... — А про себя подумала: „Зачем нам лишние свидетели? Акселю еще предстоит многое пережить. Чем меньше народу узнает, тем лучше“.

И свадьба была. Гостей чуть больше, чем хотелось бы мне, и намного меньше, чем представлялось изначально моей свекрови. Мама Акселя не простила меня. По существу, для нее почти сорванная свадьба. Обида за сына, обида, что он вовремя было очнулся и передумал, но я как-то опять исхитрилась его переубедить, и мы все-таки женимся. Я видела все эмоции в ней, ее в нитку сжатые губы, чувствовала спиной колющий взгляд: а она, пожалуй, единственная, кто не рад этому маскараду. Мы с ней единственные...

Что тогда, что потом меня мучили угрызения совести перед этими добрыми и наивными людьми. Так неожиданно поверить, так великодушно предложить свою доброту, помощь, доста-

ток, ввести в свой круг. Они-то точно ни при чем. Они в меня не влюблялись, не теряли рассудок. Скорее всего, это внутренняя человеческая порядочность — судят обычно по себе. Видимо, думали, что раз они ко мне со всем сердцем, то и я не смогу иначе. Бедные вы, бедные... Смогу. Еще как смогу.

Невеста из куриного теста. Замечательная детская дразнилка, и теперь я знаю ее смысл. Я она и есть — из куриного теста. На тесто надо натянуть платье, блестящие чулки, встать на невысокие удобные каблуки. Я сегодня весь день на сцене — „счастливая невеста из куриного теста“.

Глава 31

Горько! Горько!

Я никогда не мечтала о свадьбе, а о пышной тем более. Вся эта суета: малознакомые люди из дальних родственников с наигранными улыбками, языческие обычаи и дурацкие игры в выкуп невесты, насильственный сбор денег для молодых. Я не люблю свадьбы — мне они кажутся фарсом. Раньше мечтала, что вместо свадьбы улечу с любимым на край земли: это только наш праздник.

В памяти остались бессвязные детали. Утро и торжественный выход по лестнице к Акселю, ожидающему внизу с букетом в вытянутой руке. Родители Акселя вручают семейную реликвию — переходящий от поколения к поколению браслет. Зеленые и красные камни в обрамлении бриллиантов. Мне говорят что-то про „передать потом детям, кто первый женится“. Я благодарю и отказываюсь:

— Спасибо, но это слишком дорогой подарок.

Я не хочу фамильные драгоценности. Они, как путы, они будут только мешать и напоминать о разрушенных надеждах этих наивных душою людей. Аксель уже защелкивает браслет на моем запястье. Камни переливаются, я думаю о том, что мы вместе совсем ненадолго. Это все не мое и никогда не будет мне принадлежать. Моя совесть и эти камни заключают тихий союз: „Мы будем вместе какое-то время. Я не стану вас разглядывать и привязываться к вам. Потом обязательно найдется другая, более достойная владелица“.

Я стараюсь не думать. Это всегда помогает. Становится все равно. Я даже не нервничаю, только руки постоянно мерзнут, и я никак не могу до коноца согреться. Мы едем на церемонию — хм, на мою свадьбу. Я никогда не думала, что буду выходить замуж так. Нет, все-таки лучше не думать. Я пытаюсь восстановить в памяти цитату из подвернувшейся на днях книги про буддизм: „ОМ... Вибрация слога ОМ удаляет гордость, МЕ растворяет жадность, а ХУНГ заставляет вибрировать грудную клетку и преобразует злость. ОМ... МЕ... ХУНГ... В голове пусто и прекрасно, буддисты подхватывают нараспев гулким эхом ОМ... МЕ... ХУНГ“...

Свадьба. Если отключить разум и эмоции, оставить только глаза и представить все немного со стороны. Как будто включаешь телевизор на середине фильма, на сцене бракосочетания. Я бы переключила канал, подумав, что это очередное кино и далекая от реальности постановка экзальтированного режиссера... Но кино про себя смотреть интересно. Я смотрю.

На горе старая крепость — городская достопримечательность. Большая серая башня с развевающимся гербом на пике. Башня окружена такой же серой, местами черной от времени и дождей неприступной стеной. С этой стены туристы смотрят на город в телескоп и делают панорамные снимки. Обычный немецкий город. Скверы и парки раскинулись внизу зеленым мхом, из него, как грибы с красными, серыми плоскими и остроконечными шляпками, торчат крыши домов и церквей. За крепостной стеной виднеется замок. Наверное, в этом замке ресторан — из него

вынесли на смотровые площадки белоснежные столы. На столах напитки, закуски, украшения из живых роз. Чуть в стороне играет маленький оркестр. Алтарь тоже в цветах, величественный работник ЗАГСа с красной бархатной книгой. Жених и невеста только что дали слова верности, по очереди поставили подписи в фолианте. Обмениваются кольцами, осторожными поцелуями.

Вот молодые встают, поворачиваются к камере лицом и медленно идут к гостям.

Они разные. Это сразу бросается в глаза. Он живой, счастливый, все время что-то говорит своей невесте, наклоняется к ней, смеется. Какие белые зубы... Несомненно ариец: правильные черты лица, светлые волнистые волосы, большие голубые глаза, тонкие стекла очков в легкой титановой оправе. Черный смокинг, белая бабочка, небольшая бутоньерка в тон букета невесты.

Она. Странная? Не похожа на немку. Может быть, в ней есть что-то восточное? Есть что-то характерное в скулах и разрезе глаз. Классическое платье до колен, подчеркивающее фигуру, расшито серебряным еле заметным узором. Небрежные рыжие локоны разрушают гармонию целомудренного образа. Она рассеяно кивает жениху и все время следит за кем-то в толпе гостей. А, понятно, там ее родители. Они тоже выделяются на общем фоне. Может быть, одеты чуть ярче, чем родственники жениха? Со стороны жениха преобладают пастельные тона. Все светлые, голубоглазые, одеты неброско во что-то нежно-голубое и бежевое.

Невеста выглядит настороженной, а жених светится от счастья. Бережно держит свою спутницу за локоть, заглядывает в глаза. Что она из себя строит? Не такая уж и красавица — так, обычная, бывает лучше. Интересно, что он в ней нашел? Она не улыбается в ответ, кажется, даже не слушает, что он говорит. Вот подошли к родителям. Невеста начинает что-то оживленно говорить своим. Теперь смеется, подзывает фотографа. Общий снимок: все улыбаются. Снимок на крепостной стене: жених обнимает невесту за талию и оба смотрят в даль... Красивая пара, шикарная свадьба. Зритель устал от затянутых сцен чужого праздника. Все фильмы про счастливые свадьбы одинаково фальшивы. О чем они действительно думают сейчас? Что будет с этой парой через несколько лет?

Все быстро. Все, как кадры из фильма. Про меня, но не обо мне. Торжественное бракосочетание в замке, вид над городом, счастливые лица родителей. Ресторан. Теперь я переоделась и чувствую себя намного комфортнее в белых брюках клеш и футболке. Сколько еще? Когда закончится этот день?

Кто же это был? Ну, конечно, молодой аспирант с кафедры свекра. Он русский немец. Приглашен в качестве переводчика и заодно как „родственная душа“:

— А у нас на свадьбах принято кричать „Горько!“ молодым.

Я поперхнулась. Да, похоже, с „родственной душой“ мы погорячились. Я испепеляю переводчика взглядом, а он понимает это, как руководство к действию. Объясняет присутствующим этимологию и правила исполнения традиции. Тамада, черт побери. Ну кто тебя просил? Куда ты лезешь? Вечная русская бесцеремонность. Ты же должен был только переводить! И вот уже весь зал, хохоча и хлопая в ладоши, скандирует: „Гор-р-рько! Гор-р-рько!“

Я говорю Акселю: „Мне никогда не нравился этот обычай. Давай не будем?“ Но он уже тянется ко мне счастливыми пухлыми губами. Я опять попадаю в кошмарный сон. Немецкая свадьба, крики „Горько“... Надо было наесться чеснока, намазаться рыбьим жиром... Что еще? Я не могу! Я против! Аксель целует меня, переводчик громко отсчитывает по-немецки: eins, zwei, drei... elf... Зал подхватывает и скандирует: ... fünfzehn... neunzehn...

Я превращаюсь в статую и смотрю, не моргая, в глаза Акселю. Почему он не окаменеет от взгляда? Он же чувствует, что что-то не так, но продолжает целовать. Еще чуть-чуть — и я

закричу, оттолкну его, начну плевать. Разве можно целовать, не чувствуя ответа? Я все-таки отталкиваю его от себя и сажусь на место.

— Хватит! — вытираю салфеткой мокрые губы, и меня передергивает. — Больше никаких „Горько“! Это понятно?

— У тебя холодные руки, — говорит Аксель. — Давай я их погрею. Ты мерзнешь? Мне показалось, что ты совершенно холодная, когда я целовал тебя.

Аксель — инженер и не дружит с метафорами. Для него все именно так, как он говорит. Всему есть простое объяснение — мне просто холодно в футболке, думает он.

А гостям нравится новый обычай. Заставили целоваться родителей Акселя и опять кричали: „Гор-р-рько“, потом должны целоваться мои мама и папа. По беспомощным взглядам родителей понимаю, что и они в шоке от происходящего. Потом целуются все. Считают хором, со смехом, кто-то победил, а другая пара все еще пытается побить рекорд. Про нас забыли, оставили в покое. Переводчик пытался объяснить, что традиция касается только молодоженов, но его никто не стал слушать. Слава Богу! Немцы оказались горазды на чужие традиции, причем в собственной трактовке. Почему переводчик не предложил пить водку из моей туфли или ходить по гостям с подносом для сбора денег, история умалчивает. Видимо, испугался, что дело может закончиться тем, что именно ему и придется подать пример. А может быть, потому, что я подошла и прошипела в ухо: „Достаточно про традиции. Можно ограничиться переводом?“

Смех, танцы, пожелания. Похоже, что всем весело на нашей свадьбе. Я отказалась танцевать. Я уже выполнила необходимую программу: один танец с женихом, потом со свекром и еще один с папой. Я больше не выйду. Нет, не уговорите.

— У меня ноги болят... да, мне натерли ноги новые туфли. Нет, босиком я не буду.

Ну почему бы Акселю хотя бы ненадолго не оставить меня в покое? У меня уже и так сдают нервы. Я повернулась к родителям и заговорила с ними по-русски. Поскучав, Аксель извинился и пошел к своим друзьям.

Мама сразу начала:

— Нельзя так, доченька. Ну как ты себя с ним ведешь? Иди потанцуй, пообщайся с ним, — и вдруг переходит совсем на другую тему: — Послушай моего совета: лучше не тянуть с детьми!

— Мама, ты же моя мама, как ты можешь такое говорить? Как ты можешь не замечать всего, что происходит? Мам, а ты поняла, что я не люблю его? Я тебе говорила об этом тысячи раз по телефону и совсем недавно, когда Аксель отменил свадьбу, я говорила вам, что не люблю его. Ничего не изменилось. Я его не люблю, слышишь? Разве это для вас не важно? Вы действительно рады за меня? Или вы рады за себя?

Мама, как всегда, обижается, но быстро берет себя в руки, видимо, ради праздника.

— А кому нужна эта любовь? Что от того, что люди любят друг друга и женятся по большой любви, а потом начинается быт? Сколько счастливых пар проходит через это? Сколько остается этой самой любви после взаимных упреков и неоправданных ожиданий? У тебя сейчас есть все. Все благодаря Акселю. Почему он полюбил тебя и за что, я так никогда и не пойму. Надо быть благодарной, слышишь, надо быть благодарной Акселю и судьбе, что он выбрал тебя и еще и простил, несмотря на все твои выходки. Ты не умеешь ценить хорошее. Ты хочешь только, чтобы всегда было так, как решила ты. А так не бывает. Поверь мне, я прожила жизнь.

Я начинаю стонать в голос, но маму уже не остановить:

— Ни мы, ни Аксель, никто никогда не играл для тебя роли. Все время только ты и твои капризы. Ты должна научиться понимать и ценить. Не научишься — будешь кусать локти, но будет уже поздно!

— Мама, прекрати, сколько можно? Ты говоришь мне всю мою жизнь, что нельзя так, как делаю я. Всю жизнь ты хочешь меня переделать. А я — это я, понимаешь? Я хочу оставаться собой. Я не хочу жить с кем-то и рожать детей из благодарности. Это не свобода и не счастье, в моем понимании.

Папа досадливо хмурится, машет рукой и быстро ретируется, впрочем, так он себя ведет всегда, когда у нас с мамой начинается спор. Папа уходит к переводчику, они вместе идут к отцу Акселя, завязывая шумное и веселое общение.

Мама тяжело вздыхает, потеряв поддержку в папином лице:

— И все же послушайся меня хотя бы раз в жизни. Я неспроста желаю тебе скорее завести ребенка. Ты полюбишь ребенка — не бывает, чтобы мать свое дитя не полюбила. Это будет частичка тебя, и ты будешь жить им. Для счастья твоего ребенка ты поймешь, как много значит Аксель и что он может ему дать. Он сможет подарить твоему ребенку целый мир, а это немало. Это счастье любой женщины. Я же говорила тебе, как тяжело было в наше время. Чего стоило вырастить вас, когда не было практически ничего. Пустые полки магазинов: ни памперсов, ни нормальной еды, про фрукты зимой вообще молчу!

Мне всегда странно слышать слова о трудностях того времени. От кого? От моей мамы, которая росла в семье профессора и директора валютного магазина? От мамы, у которой был мой папа

— надежный и любящий муж, номенклатурный работник со спецпайками из обкомовского буфета? Я никогда не понимала, с чего мама часто повторяет про тяжелые времена. Ну, разве что памперсов тогда и вправду не было. Когда это она успела тяжело пожить? Может быть, так жили все вокруг, и она, наслушавшись грустных историй, примерила их на себя? Я не знаю. Сколько бы я ее про это ни спрашивала, всегда слышала в ответ, что не я через все это прошла, а посему мне и не понять.

— А сейчас, — продолжает мама, — ну ты только представь. В такой благополучной стране, да с его возможностями, с его семьей... Они же сделают все для своего внука!

— А то, что это будет еще и ребенок Акселя, которого я ненавижу, ты забыла? И вместо любимого человека буду видеть в нем Акселя и, может быть, тоже начну тихо ненавидеть. Своего ребенка. Слышишь, мама, а вдруг я поэтому не смогу любить своего ребенка так, как это умеет только счастливая женщина? Во всяком случае, я не хочу проводить такой эксперимент. Ни за что!

Мама смотрит на меня, а я на нее. Мы так и не научились понимать друг друга. Ни время, ни расстояние не могут изменить два разных мира.

— Извини, мама, я подойду к Селене, что-то она одна сидит скучает.

Пройдет много лет, но наши взаимоотношения с мамой так и не изменятся. Я так и не научусь мыслить ее категориями счастья. Однажды, когда я уже сама стану мамой и у меня родится дочь, она спросит, хотела ли бы я для своей дочери такого мужа, как Аксель.

Я задумаюсь. Потом скажу: „Конечно, если она будет его любить“. А про себя подумаю, что если моя дочь будет похожа на меня, то на спокойное будущее с таким мужем, как Аксель, рассчитывать не приходится. Смогу ли я в будущем переубедить в чем-то свою дочь? Конечно

же, тоже нет.

— Селена, как ты? Уже натанцевалась?

Селена пожимает плечами:

— Я думаю о том, как хотела бы провести свою свадьбу. Хорошо,

когда друзья и родственники, но хочется быстрее отметить и улететь подальше. Куда-нибудь на острова. Сесть в самолет сразу же после торжества и проснуться уже на ласковом море... Вы не думали об этом с Акселем?

— Нет, не думали, у Акселя же, знаешь, важный проект, и он сейчас никуда не может уехать надолго. Потом как-нибудь.

Удивляюсь, что с Селеной у нас все-таки намного больше общего, чем казалось. Жаль, что она — сестра Акселя, может быть, мы и действительно подружились бы с ней. Селена неожиданно меняет тему и говорит слишком безразлично, чтобы звучать естественно:

— А как тот русский пианист? Вы тогда еще долго гуляли? Вы виделись с ним еще?

Она смотрит на меня, не мигая прозрачными голубыми глазами. Я не знаю, что ей известно и насколько детально делился с ней Аксель нашими проблемами. Мне, по большому счету, все равно, что она думает и осуждает ли меня. А вдруг она чувствует себя причастной и, что с нее станется, считает себя во всем виноватой?

— Да, мы хорошо тогда погуляли. Жаль, что ты так рано уехала, — говорю осторожно.

Селена опускает глаза и говорит:

— Обещаешь, что не будешь смеяться и это останется только между нами?

Обещаю, стараясь выглядеть искренней. Заинтригована, наверное, ей все-таки что-то известно...

Селена говорит еле слышно:

— Я еще несколько раз приходила в тот ресторан. Он не узнал меня. Ты можешь нас снова познакомить? Сходим как-нибудь вместе. Обещаю, я больше не буду сбегать. С того вечера я все время думаю о нем. Он совсем другой, не похож ни на кого... — Селена поднимает на меня измученные глаза. — Только между нами, ладно?

Что я должна сказать? Пообещать, что приведу ее к Игорю? Сказать, что Игорь ей совсем не подходит? А почему я уверена, что они не подходят друг другу? Может быть, чистая светлая Селена именно то, что он давно ищет в своих истерзанных мелодиях? Может быть именно ее он будет боготворить и забудет сразу про всех „избалованных сучек“? Или так не бывает? Скорее, он сведет ее с ума своими выходками и вечным внутренним раздраем. Я решаю, что познакомлю их. Я это сделаю! Аксель уже попал под колеса неизвестной немецкому инженеру машины — русской мутной души, теперь того же хочет его сестра. Значит, так надо? Значит, так тому и быть. Я улыбнулась, представив встречу с Игорем, и чуть не рассмеялась, забыв про свое обещание, представив, как Аксель ведет под венец свою сестру к моему бывшему любовнику. Бред, достойный чокнутого композитора, того же Игоря.

Давно не видно Акселя. Как хорошо и спокойно, но все же где он? Селена показывает подбородком на Акселя, танцующего со своей „первой любовью“, девочкой из соседнего дома. Аксель рассказывал мне о ней еще раньше, со свойственной ему любовью к деталям. Я тогда не задумалась особо и прослушала его историю как-то походя.

Вместе с Катариной они росли: ходили в один детский сад, в одну школу, потом „встречались“ — бывали вместе в кино, посещали выставки. После очередного вернисажа стали любовниками. Общие постель, друзья, интересы.

— Она очень увлекающийся, талантливый человек, тоже пишет диссертацию.

— Так почему же вы расстались?

— Думаю, это была дорога в никуда. Все было предопределено.

Все были уверены, что мы когда-нибудь поженимся, не только ее и мои родители, но даже мы с ней так думали, по инерции... А потом, знаешь, я уехал учиться в Берлин, а она осталась здесь. Мы виделись только тогда, когда я приезжал домой, и она пару раз навещала меня в Берлине. В какой-то момент я понял, что не скучаю по ней.

То есть мне без Катарины живется вполне нормально, и было бы неверно утверждать, что мне ее недостает. Однажды я приехал к родителям, но не сообщил ей и не зашел, как обычно, сразу по приезду. Мы встретились, когда я с друзьями пошел в бар. Друзья у нас, конечно, тоже общие, и они позвали ее присоединиться. Она пришла, спросила, почему я не позвонил. Я сказал, что не успел. Она просто кивнула. Наверное, она обиделась, а может быть, и нет. Мы не говорили с ней об этом. Мы провели вечер вместе, а потом как-то перестали созваниваться. Я, наверное, должен был сам позвонить или поговорить с ней при встрече. Но о чем? Я не знал, как все объяснить. Она, наверное, и так поняла. Она очень умная.

Аксель тогда небрежно, не особо переживая, отмахнулся от старой привязанности.

Видно было, что его эта история совершенно не задевает. Ни привычных слез, ни высокопарных фраз. Полное равнодушие. Надо же... Через какое-то время они снова стали общаться. Как друзья. Конечно, он не мог не пригласить Катарину на свадьбу.

Они танцуют, а мне хочется плакать, нет, даже реветь, глядя на них! Они даже танцуют одинаково. Конечно, она разучивала с ним когда-то, может быть, еще в школе, все эти бальные па... Жаль этих двоих. На самом деле, они же созданы друг для друга. Они похожи внутренне и внешне. К чему эти вычурные выходки судьбы? Из-за чьей блажи столько людей становятся несчастными заложниками ненормальной любви? Я вдруг начинаю думать словами мамы: „Пускай бы жили вместе, пускай без безумной любви, пускай...“ Они были бы счастливы. Быть может, именно им надо было скорее завести детей? Каждый день улыбаться отражению друг друга в продолжении себя. Счастье — это когда хорошо и спокойно с тем, кто рядом. Когда есть о чем говорить и мечтать. У них все это было. Что пошло не так? К кому прибежит Аксель зализывать раны после нашего союза? Примет ли его потом Катарина? Как хочется заглянуть в будущее. Может быть, Акселю предначерчено упасть, разбиться на кусочки, потерять все, разувериться наконец в любви и непонятных женщинах? Может быть, только потом придут те самая любовь и понимание? Катарина, дождись его, пожалуйста.

Аксель перехватывает мой взгляд и быстро откланивается перед партнершей, даже не дотанцевав до конца мелодии. Идет ко мне.

— Только не говори, что ты ревнуешь! — шутит он и добавляет: — Мне было бы так приятно.

Я говорю:

— Аксель, ты дурак. Я не ревную тебя. Я думаю, что у тебя с Катариной было бы прекрасное будущее. Это честно.

Аксель отвечает все еще шутливым тоном:

— Ты хочешь меня позлить? По твоему лицу вижу, что ты и вправду расстроилась, что я танцевал с Катариной.

— Думай, что хочешь, — говорю усталым тоном. — Мы скоро можем уйти, как ты считаешь?

На лице Акселя по очереди меняются эмоции, и можно запросто прочитать все его мысли бегущей строкой. Вот наконец-то его лицо проясняется:

— Ты уже хочешь домой? — Аксель покраснел и подмигивает мне. — Да, давай сбежим. У нас впереди брачная ночь!

— Конечно, дорогой! Ты даже не представляешь, что у нас впереди!

Конец первой части